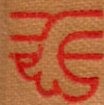

КНИГА В РОССИИ В XI — XIII ВВ.

Б.В.САПУНОВ

КНИГА
В
РОССИИ
В XI—XIII ВВ.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
БИБЛИОТЕКА АН СССР
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЭРМИТАЖ

Б. В. САПУНОВ

**КНИГА
В
РОССИИ
В XI-XIII ВВ.**

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
С. П. ЛУПОВА

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1978

В монографии исследуется широкий круг проблем древнейшего периода истории русской книги (XI—XIII вв.): сохранность книги, ее производство, цена и стоимость, книга в быту и в международных культурных связях домонгольской Руси. Реконструируется модель того книжного фонда, которым обладала Древняя Русь. Многие материалы вводятся в научный оборот впервые.

Издание рассчитано на историков, книговедов, библиотечных и издательских работников и всех, кто интересуется историей русской культуры

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предмет, которым занимается Б. В. Сапунов, точнее всего может быть определен как историческая социология книжной культуры.

Основной вопрос, с которым исследователь обращается к историческому изучению книжной культуры, — это вопрос о том, в какой социальной среде и в какой мере была распространена книга в изучаемый им период.

Когда мы, допустим, изучаем историю литературы, мы редко задумываемся — какому числу людей эта литература была доступна. Мы изучаем авторов — их социальную прикрепленность и их окружающую среду, но совершенно забываем о читателях — потенциальных и реальных. Между тем далеко не безразлично — пишется ли книга для читателей, составляющих малый процент населения страны или ее большинство, рассчитана ли книга на десятки тысяч читателей или на десятки миллионов. Чрезвычайную важность представляет вопрос о количестве книг, обращающихся в той или иной среде.

Одно дело — напрестольное евангелие, которое читается во время богослужения только священником (даже не дьяконом), другое — занимательная повестушка, интересное житие святого, читателями которых выступают гораздо более широкие круги грамотных людей.

Все эти социологические вопросы чрезвычайно важны для исследования книжной культуры, но они по большей части обходились специалистами всех родов (литературоведами, историками книжной культуры и др.). Обходились они не потому, что значение их недооценивалось, а потому, что не было изобретено приемов для их реше-

ний, если дело касалось отдаленных эпох. Предмет казался безнадежно недоступным.

Значение работы Б. В. Сапунова состоит именно в том, что он изобретательно проник в эту важную область.

Впрочем, сказать, что в этом плане ничего не предпринималось исследователями, было бы неверным. Упомяну Н. В. Волкова, попытавшегося в своей небольшой книге «Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV вв.» (СПб., 1897) дать не только сведения о сохранившихся книгах XI—XIV вв., но вычислить примерное количество существовавших в то время книг, а также А. И. Соболевского, предложившего в своей брошюре «Образованность Московской Руси XV—XVII вв.» (изд. 2, СПб., 1894) приемы исчисления количества грамотных людей для различных сословий. Однако работа первого была в основном посвящена сохранившимся книгам, и поэтому его соображения о возможном числе книг, чему он и сам не придавал особого значения, не привлекли внимания исследователей, а работа второго хотя и предлагала вполне конкретные способы исчисления, но на основе очень специфичных для XV—XVII вв. материалов (подписей под грамотами), и способы эти не могли быть распространены на другое время, в том числе и на домонгольскую Русь.

Попутно отмечу, что хотя приемы А. И. Соболевского по исчислению грамотности населения в различных слоях Московской Руси XV—XVII вв. не были никем оспорены, однако результаты этих вычислений оказались в таком противоречии с существовавшими в конце XIX—первой половине XX в. общепринятыми взглядами на низкий уровень грамотности в Московской Руси XV—XVII вв., что недоверчивое отношение к ним продолжало упорно сохраняться вплоть до открытия берестяных грамот в Новгороде. Так, например, акад. М. Н. Тихомиров резко отрицательно относился к взглядам А. И. Соболевского еще в начале 50-х годов и решительно изменил свою точку зрения на уровень грамотности Древней Руси только после новгородских открытий, в публикации которых сам принял участие.

Итак, в книге Б. В. Сапунова перед нами очень нужная и вместе с тем очень трудная для изучения тема.

Наиболее интересны те главы работы, в которых гипотетически устанавливается количество древнерусских

книг X—XIII вв. и приблизительная стоимость отдельных экземпляров.

Дело в том, что свои характеристики древнерусской книжной культуры сам Б. В. Сапунов делит на «количественные» и «качественные», — иначе говоря, на статистические сведения о книгах и на характеристики книжности по содержанию. Что касается первых, т. е. количественных характеристик, то они выведены путем ряда остроумных приемов, потребовавших от автора кропотливейшей работы. Он является изобретателем своих методических приемов, и эти приемы можно уточнять, совершенствовать, корректировать, дополнять. Подвергнуты обработке большие материалы, извлеченные им из самых разнообразных исторических источников (письменных и вещевых), проверенных на основании существовавшей в прошлом или существующей и ныне практики. Методы реконструкции статистических данных, применяемые Б. В. Сапуновым, основываются на приемах, выработанных статистикой, социологией, демографией. Что же касается характеристик древнерусской книжности по содержанию, то они вполне традиционны, но тем не менее нужны, потому что нельзя говорить о древнерусской книжности, полностью отвлекаясь от ее содержания. Даже те или иные рубрикации требуют своего определения по существу.

Весьма важна и содержательна глава «Производство рукописных книг, их цена и стоимость в XI—XIII вв.», содержание которой значительно шире, чем ее название. На самом деле глава эта не только определяет примерную цену и стоимость книг, но и вносит важные коррективы в наши представления об их изготовлении, во всяком случае — о мотивах, которыми руководствовался писец, выбирая формат, ширину полей, размеры букв. Представление о том, что изготовление книг «угнеталось» их дороговизной, неверно. Оказывается, выбор ширины полей, размеров букв, типа разлиновки, размера листов пергамента и пр. совершенно не учитывал необходимости экономии. Писец выбирал наиболее удобные и эстетически приемлемые габариты рукописи, а часто, выходя за пределы этих установок, стремился к особой роскоши, великолепию и даже просто дороговизне рукописи, превращая свое изделие в ювелирную драгоценность (особенно тогда, когда он создавал на престольное евангелие). Дороговизна

книги была элементом особо почтительного к ней отношения, элементом «эстетики книги».

Несомненно, что в будущем историки русской книги должны будут считаться не только с цифровыми данными этой главы, касающимися цены и стоимости книги, но и с многими данными по «технологии» выработки пергамента (его раскроя), разлиновки рукописей, размещения текста на листе и пр.

Очень интересна обширная глава «Гипотетическое восстановление возможного количества древнерусских книг». Самое важное в этой главе не самые «характеристики», а те данные, которые установлены автором для этих характеристик. Характеристика может быть сделана в принципе и на основе материалов, собранных кем-то другим. Автор путем ряда хитроумных и потребовавших от него большого труда способов сам извлек показания для этих характеристик.

В зачаточном виде приемы восстановления книжного фонда Древней Руси были предложены, как я уже указал, Н. В. Волковым. Он первый отметил связь, которая существует между количеством церквей и количеством богослужебных книг, без которых не могло совершаться в них богослужение. Однако только кропотливые разыскания о возможном количестве церквей и о составе необходимых в одной церкви богослужебных книг могли привести к сколько-нибудь положительным результатам.

Само собой разумеется, что подсчеты возможного числа городских и сельских церквей, а также монастырей и монастырских церквей, определение различного типа церквей, монастырей и монастырских церквей, а также церквей, существовавших в городах, стоили автору огромного труда. Надо было учесть ошибки и неточности источников, считаться с пропусками сведений и т. д. Специфическая трудность возникла в связи с тем, что одна церковь могла быть названа по-разному, а несколько церквей — одинаково.

Выводы этой главы, опубликованные Б. В. Сапуновым в отдельных исследованиях, давали столь большие цифры, что они были встречены с некоторым недоверием. Но здесь проявилась любопытная непоследовательность оппонентов Б. В. Сапунова: не отвергая его приемов исчисления количества книг, они стремились искусственно уменьшить поразившее их число бытовавших в X—середине XIII в.

книг. С самого начала только акад. В. В. Виноградов полностью согласился с выводами Б. В. Сапунова и привел их в докладе на IV Международном конгрессе славистов в Москве в 1958 г. Это была первая и большая победа Б. В. Сапунова, так как акад. В. В. Виноградов никогда не отличался особой доверчивостью к выводам своих предшественников. Постепенно к выводам Б. В. Сапунова «привыкли», и сейчас они принимаются как в советских работах, так и в зарубежных.

В главе «Книга в быту домонгольской Руси» исследуется целый ряд вопросов: кто были переписчики рукописей, читатели, какие были книжные центры, библиотеки, какой был прирост численности книг по векам, степень грамотности населения в домонгольской Руси по векам и по группам населения и т. д.

По большинству затронутых вопросов следующей главы — «Книга в международных культурных связях Руси XI—XIII вв.» — уже имеются многочисленные и обширные исследования. Однако без этой главы книжная культура Древней Руси была бы представлена неполно. В ней рассматривается обширная литература вопроса, и она будет помогать читателям ориентироваться в этой литературе.

Глава «Некоторые исторические предпосылки возникновения и развития древнерусской книжности» носит характер размышлений по поводу тех результатов, к которым автор пришел, и должна рассматриваться, в сущности, как заключение к работе.

Работа Б. В. Сапунова обладает замечательным свойством, которое в любой научной работе следует особенно ценить: она не претендует на окончательность своих выводов, но открывает многочисленные пути для новых и новых исследований в том направлении, которое намечено ее автором.

Указывая на то, что работа Б. В. Сапунова имеет стимулирующий науку характер, я бы хотел повторить слова, которые он пишет в конце своего «Введения»: «Данная работа ни в коей мере не закрывает ... путь, она лишь призвана облегчить его». Хочется не столько возражать автору, сколько дополнять и продолжать его исследование.

Прежде всего представляется возможным приблизительно исчислить количество рукописей еще в одной сфере книжности, на этот раз вполне светской — в области летописания. Используя данные работ А. А. Шахматова,

М. Д. Приселкова и А. Н. Насонова по истории русского летописания XI—XIII вв., можно было бы вычислить минимальное количество летописных списков, необходимое для того, чтобы схема истории летописания, в том виде, в каком она нарисована ее создателями, могла функционировать. Здесь необходимо было бы принять во внимание все не дошедшие до нас своды, копии со сводов, доставлявшиеся из одного летописного центра в другой, количество рукописей, которые имел летописец под рукой, когда составлял тот или иной свод, и многое другое. Минимум потребных рукописей, чтобы схема А. А. Шахматова—М. Д. Приселкова—А. Н. Насонова могла стать действующей моделью, можно было бы определить с точностью до двух-трех десятков. Имея в своем распоряжении минимум богослужебных рукописей и минимум летописных списков, а также процент сохранившихся от них до наших дней рукописей, можно было бы восстановить примерное число рукописей, которые по своему содержанию находились между этими двумя полюсами книжности.

Данные текстологии помогут и в других случаях восстановить приблизительное число имевшихся рукописей. Текстологическое исследование того или иного произведения позволяет во многих случаях восстановить не только текст произведения, которое изучается, но и недошедшие звенья этого текста, свидетельствующие о существовании рукописей с этими не дошедшими до нас текстами.

В разделах, посвященных книжности с характеристиками по содержанию, также можно было бы кое-что сделать новое. Можно было бы попытаться восстановить книжную эрудицию тех или иных древнерусских писателей и сравнить, например, книжную эрудицию Феодосия Печерского (XI в.), Кирилла Туровского (XII в.) и Серапиона Владимирского (XIII в.). Любопытно было бы сравнить эрудицию «светских» писателей: автора «Слова о полку Игореве» и автора «Моления Даниила Заточника». Тем самым состав древнерусской книжности X—середины XIII в. мог бы быть значительно пополнен и уточнен.

Верность теме, научная инициативность, изобретательность и эрудированность автора позволяют мне с полной ответственностью рекомендовать читателю монографию Б. В. Сапунова «Книга в России в XI—XIII вв.».

Д. С. Лихачев

ВВЕДЕНИЕ

«Книга — огромная сила!».¹ В этих ленинских словах дана лаконичная и вместе с тем предельно конкретная оценка той великой роли, которую книга сыграла и играет по сей день в истории человеческого общества.

Первые шаги русской книги, само ее появление на русской почве было неразрывно связано со становлением и укреплением древнерусского раннефеодального государства. Как материальный носитель духовных ценностей древнерусская книга сосредоточила и зафиксировала достижения науки, литературы, философии и искусства своего времени. Аккумулировав значительную сумму информации, которой располагало древнерусское общество, рукописная книга является наиболее чутким и, по-видимому, наиболее объективным показателем уровня и широты цивилизации, достигнутых на Руси в домонгольское время.

Как соотносилась в культурном отношении Древняя Русь со странами Западной, Центральной и Южной Европы? Являлась ли Русь в домонгольское время равноправной составной частью европейского региона, или она находилась на культурных окраинах континента? Как развивалась русская культура в домонгольское время, когда естественный ход развития цивилизации на востоке Европы не был нарушен монгольским нашествием? В последние годы эта проблема вышла за академические рамки.

В настоящей работе книга рассматривается прежде всего как памятник культуры. Успешные исследования, проводившиеся в послевоенные годы археологами, истори-

¹ См.: Луначарский А. В. Из октябрьских воспоминаний. — В кн.: Ленин и книга. М., 1964, с. 362.

ка́ми искусства, литературоведами и другими специалистами в области истории Древней Руси, убедительно показали, что домонгольская Русь стояла на значительно более высоком уровне развития, чем представлялось еще сравнительно недавно. Открытие берестяных грамот заставило совершенно по-новому представить широту распространения грамотности и просвещения в различных кругах населения Древней Руси. Это крупное научное достижение настойчиво потребовало радикально пересмотреть ряд вопросов истории русской книжной культуры XI—XIII вв.

Монография органически входит в серию «Книга в России», издаваемую БАН СССР, и с точки зрения хронологии является первым выпуском этой серии, говоря точнее, монография посвящена книжной культуре Древней Руси.

Называя Русь XI—XIII вв. Древней Русью, автор следовал терминологии В. И. Ленина, делившего историю России на три периода: древнюю Русь; средние века, «эпоху московского царства»; «новый период русской истории (примерно с 17 века)».² Наряду с названием Древняя Русь в дореволюционной и советской литературе широкое распространение получило название Киевская Русь. В последнее время этот термин чаще употребляют по отношению к южным районам, в противоположность землям Великого Новгорода и другим древнерусским княжествам.

Точные границы изучаемого периода заключены между серединой XI в. и 1240 г. Выбор нижнего рубежа объясняется тем, что до наших дней не дошли книги первой половины XI столетия. Верхней датой является монгольское нашествие, которое принесло неисчислимые бедствия и страдания русскому и другим народам Восточной Европы, нанесло тяжелый удар русской культуре.

Работа построена на анализе различных, как письменных, так и археологических источников. Особое внимание уделено сохранившимся рукописям XI—XIII в., которые подвергнуты тщательному вещеведческому анализу. С возможной полнотой выявлены и сведены воедино сообщения письменных источников, имеющие отношение к истории книги в Древней Руси. Для этого привлечены древ-

² Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 153.

нейшие летописные своды — Лаврентьевская, Троицкая, Ипатьевская, Новгородская первая летописи, новеллы Киевского Печерского патерика, памятники русской церковно-учительной литературы, агиографии и другие источники. Изучение обширных археологических материалов из захоронений XI—XIII вв. позволило сделать определенные выводы о темпах и направлениях распространения христианизации в домонгольское время, проследить ожесточенную борьбу церковников с двоеверием. В процессе работы просмотрена и критически осмыслена обширная литература по истории культуры Древней Руси, включающая многие сотни названий.

Разнородность источников, использованных при написании монографии, в значительной степени снимает опасность односторонних выводов. Корректируя друг друга, они позволили подойти к изучаемым явлениям с разных сторон.

Долголетняя работа в Эрмитаже, участие во многих археологических, археографических и иных экспедициях привели автора к глубокому убеждению, что до наших дней дошли лишь разрозненные сведения о тех или иных явлениях духовной культуры, случайные фрагменты культуры материальной. Активные процессы уничтожения памятников старины совершались во все периоды истории человечества. Они имели свои закономерности. Если делать какие-то выводы только на основании изучения памятников, по тем или иным причинам уцелевших до наших дней, то они будут по существу искаженно воссоздавать ушедшую в прошлое реальность. Реконструируемая модель будет разительно отличаться от оригинала. Чтобы описать какое-то явление в более или менее полном объеме, и прежде всего в количественных характеристиках, нужно искать новые методы моделирования. В области точных и естественных наук аналогичные приемы давно разработаны и успешно применяются на практике. Известны они и гуманитарам. Можно указать, например, на крупные достижения текстологов, которым удается убедительно реконструировать древние памятники письменности. В монографии сделана попытка воссоздать книжный фонд Древней Руси не только со стороны его качественного состава, но и количественных характеристик. Совершенно ясно, что в ближайшее время трудно предположить появление таких новых сведений, которые

позволят достаточно точно ответить на вопрос о размерах книжного фонда Руси XI—XIII вв. Степень точности предложенных характеристик вполне соответствует характеру подвергнутых обработке исходных данных. Методы реконструкции, использованные в некоторых разделах монографии, основываются на приемах, разработанных социологами, статистиками, демографами.

Как известно, в настоящее время необычайно расширилась сфера применения математической теории вероятности, которая является выражением качественно своеобразной связи между случайным и необходимым. Учитывались также положения современной гносеологии, уделяющей много внимания проблемам, связанным с изучением перехода вероятности в достоверность.

В ряде случаев необходимо было выйти за хронологические рамки монографии, чтобы проследить то или иное явление в динамике, на более крупном отрезке времени. Такие экскурсы позволяли уяснить характер явлений, находившихся в XIII в. еще в зародышевом или неразвитом состоянии.

Многие положения монографии опираются на наблюдения, полученные автором при музейной обработке памятников культуры Древней Руси, отражают мысли и соображения, возникшие во время археологических и археографических экспедиций.

Если рассматривать русскую культуру конца XI—начала XIII в. во всем ее объеме, и особенно духовную, книжную культуру, то прежде всего возникает чувство глубокого удивления и восхищения темпами и широтой ее распространения. При этом необходимо всегда учитывать, что развитие многих сторон ее практически началось от нулевой точки. В XI в. произошел качественный скачок в развитии русской культуры. За весьма короткий в исторических масштабах отрезок времени, равный жизни двух-трех поколений, Русь вышла, как бы сказали теперь, на уровень европейских стандартов в области культуры. Этот скачок мог произойти только тогда, когда общество получило в свое распоряжение достаточное количество средств хранения и передачи информации во времени и пространстве.

Таким средством была древнерусская книга. Однако книга — это не только аккумулятор знаний, выработанных человечеством. Она является важнейшей составной

частью самого процесса цивилизации. М. Горький писал, что «... книга — быть может, наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворенных человечеством на пути его к счастью и могуществу».³

В XI в. это чудо совершилось на Руси. Есть основания утверждать, что уже в XI в. рукописная книга получила на Руси относительно широкое распространение. Если описывать этот процесс языком математики, то необходимо говорить о бесконечно большой величине прироста книжного фонда, так как до начала отсчета (конец X—начало XI в.) книг практически не было.

В XII в. развитие книжной культуры приняло иное направление. Оно определялось скорее количественными, чем качественными характеристиками. Книга начала завоевывать новые области, проникла в более широкие социальные слои.

По-видимому, иногда даже специалисты в области истории русской культуры не до конца понимают все значение феномена, возникшего в XI в. Применяя современную терминологию, можно утверждать, что тогда на Руси произошел информационный взрыв.

Совершенно очевидно, что в условиях раннефеодального общества сам по себе, спонтанно, он произойти не мог. Организаторами его не были и не могли быть оторванные от жизни ученые монахи, копившие знания под защитой толстых монастырских стен. Открытый характер культуры той эпохи исключал такую возможность. Он не мог быть результатом личной инициативы тех или иных удельных и великих князей. Для его осуществления нужна была единая общегосударственная линия в вопросах долгосрочного развития культуры, и прежде всего грамотности.

Цель нашего исследования заключалась в том, чтобы по мере возможности воссоздать общую картину развития книжной культуры Древней Руси. Основные его положения используются в работах по истории культуры и искусства Древней Руси у нас и за рубежом.⁴

³ Горький А. М. Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941, с. 275.

⁴ Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958; с. 38; Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956, с. 193;

Поставленные задачи и характер привлеченных источников обусловили структуру работы. Она состоит из Введения, посвященного раскрытию задач и методологических основ исследования, шести глав и двух указателей.

Тематика глав и их композиционное построение подсказаны стремлением выделить несколько узловых проблем истории древнерусской книги.

Глава I посвящена проблемам сохранности списков XI—XIII вв. и причинам их исчезновения. Приведены конкретные примеры гибели рукописей в огне пожаров, в лихие годы нашествия врагов, начиная от половцев и орд Батия и кончая Наполеоном. В результате длительного воздействия многих неблагоприятных факторов, как объективного, так и субъективного характера, до наших дней дошли лишь доли процента былых книжных богатств Древней Руси.

Цель главы II — реконструировать размеры и состав того книжного фонда, которым обладала домонгольская Русь. Длительные и весьма трудоемкие разыскания позволили прийти к выводу, что в XI—XIII вв. в обращении находилось около 140 тыс. книг нескольких сот названий.

В главе III рассказывается о производстве рукописных книг, их цене и стоимости. Анализ расходов на сырье, на плату кожевникам, переписчикам, переплетчикам, принимавшим участие в процессе «строения» книги, убеждает в том, что цена средней по оформлению рукописи XI—XIII вв. равнялась нескольким гривнам. Сопоставление цены книг с финансовыми возможностями различных социальных слоев древнерусского общества наглядно показывает ограниченно-классовый характер книжной культуры раннефеодального общества.

В главе IV — «Книга в быту домонгольской Руси» — рассматриваются вопросы социального состава писцов и выделения в XII в. «книжных писателей» в особую группу городских ремесленников, проблемы книжных центров и древнейших русских библиотек, «книжных людей», репертуара книг, доступных русскому читателю в XI—XIII вв.

Porpe A. *Kultura pismenna dawney Rusi.* — *Slavia orientalis*, Warszawa, 1972, т. XXI, № 4, s. 376.

В главе V раскрывается роль книги в международных культурных связях Руси в XI—XIII вв. В ней выявлены общие закономерности, определившие характер, интенсивность и направление книжных контактов, в результате которых осуществлялась взаимная интеграция литературных произведений, художественных, правовых, социальных и иных идей. Включение Руси в систему взаимоотношений европейского культурного региона было возможно в значительной мере благодаря книжному обмену. Приводятся конкретные примеры таких связей.

Глава VI посвящена некоторым историческим предпосылкам возникновения и развития древнерусской книжности. Предпринята попытка определить, хотя бы примерно, широту распространения грамотности в домонгольское время. Подчеркивается, что переписка и распространение книг стали делом государственной важности, одной из главных задач великокняжеской власти.

В работе приведены указатель заглавий рукописных книг и указатель имен авторов, владельцев, заказчиков и переписчиков книг XI—XIII вв.

В настоящее время далеко не все аспекты истории русской книги XI—XIII вв. могут быть раскрыты с исчерпывающей полнотой и предельной ясностью. Над многими вопросами еще предстоит потрудиться. Интересующие автора проблемы принадлежат к числу тех, которые будут вечно волновать воображение исследователей. Данная работа ни в коей мере не закрывает им путь, она лишь призвана облегчить его.

Глава I

О СОХРАННОСТИ ДРЕВНЕРУССКИХ КНИГ

Объективность характеристик книжного фонда древнерусского государства во многом зависит от знания причин и обстоятельств гибели книг XI—XIII вв. Эти причины, как субъективного, так и объективного характера, непрерывно действовали на всем протяжении существования книги.

Наиболее грозным и постоянным противником был огонь. Пожары, опустошавшие деревянные кварталы русских городов, приводили к массовой гибели книг. Огромное количество их погибло еще в домонгольское время в междоусобных войнах, когда разорялись города, сжигались села, ограблялись храмы. Летописи переполнены описаниями подобных «подвигов» удельных князей. Н. Я. Аристов писал, что с 1055 по 1238 г. было около 80 областных войн, некоторые из них тянулись по 12—17 лет.¹

Большие материальные и духовные ценности были уничтожены при нападениях на древнерусские города кочевников южных степей. 20 июля 1096 г. к Киеву прорвался половецкий хан Боняк. Половцы учинили в Киеве страшный разгром, сожгли несколько монастырей, в том числе и Печерский, княжеский дворец и выжгли пригороды. В огне погибли огромные ценности, среди которых должны были находиться книги. В 1203 г. князь Рюрик с половцами снова захватил Киев. Степнякам удалось ворваться не только на Подол, но проникнуть даже на Гору. «Софию и Десятинную церковь разграбили, и мо-

¹ Аристов Н. Я. Промышленность древней Руси. СПб., 1866, с. 251.

настыри все и иконы ободрали, а иные поимали, и кресты честны и сосуды священные и книги и порты».²

Ни с чем не сравнимые потери понесла русская культура в страшные годы нашествия орд Батыея. Монголы не только нанесли нашей цивилизации непоправимый урон, они на столетия затормозили поступательное движение русского народа. Лаврентьевская летопись под 1237 г. сообщает, что во время разгрома Владимира-на-Клязьме в числе трофеев, захваченных ордами Батыея, были книги. Едва ли они представляли для монгол большую ценность. Скорее всего, они были уничтожены. Кто-то из очевидцев или современников событий оставил взволнованный рассказ о гибели Рязани под ударами татарских войск.³

Книги жгли и после Батыея, во время нападений немцев, поляков, при набегах крымских и казанских татар и других внешних врагов. В. В. Мавродин подсчитал, что «... за XIII, XIV и первую половину XV в. русские выдержали больше 160 войн с внешними врагами, из которых 45 — с татарами, 41 — с литовцами, 30 — с немецкими рыцарями, а все остальные — со шведами, поляками, венграми и др.».⁴ Пользуясь ослаблением Руси в борьбе с татаро-монгольскими захватчиками, в 1240 г. на Псковскую землю напали немцы. Прорвавшись к Пскову, они сожгли весь посад «... и много зла было; погорели церкви и честные иконы и книги и евангелия».⁵

В повести «О московском взятии от царя Тохтамыша и о пленении земли Русской», текст которой донес непосредственные впечатления от описываемых событий, подробно рассказано о разгроме Москвы 26 августа 1382 г. Перечисляя урон, нанесенный столице Русской земли, автор горестно констатировал: «... и книг множество снесено со всего града и с сел, в соборных церквях множество наметано, охранения ради спроважено, то все (татары, — Б. С.) безвестно створиша».⁶

² ПСРА, т. I, с. 99, 176; т. II, с. 281; т. VII, с. 9 (Лаврентьевская летопись под 1203 г.).

³ Лихачев Д. С. Повести о Николе Зараском. — ТОДРА, М.—Л., 1949, т. VII, с. 333—334 (Список ГПБ, Погод., № 643).

⁴ Мавродин В. В. Образование русского национального государства. М.—Л., 1941, с. 127.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, Синодальный список, с. 77.

⁶ ПСРА, т. VIII, под 1382 г. См. также: т. II, с. 85—89; т. III, с. 29, 133, 232; т. V, с. 16; т. VI, с. 99—102.

В лучшем положении находился Новгород, который реже подвергался опустошительным набегам. До начала XVII в. захватить город никому не удавалось (во время взятия Новгорода шведами в 1611 г. выгорела Софийская сторона, но Кремль и Торговая сторона уцелели). С 1045 г. до XIX в. в Новгороде было 108 зафиксированных летописями пожаров, во время которых сгорело не менее 816 церквей.⁷

Конечно, не каждый пожар храма приводил к уничтожению книг. Так, Псковская вторая летопись под 1158 г. сообщает: «...сгоре церковь святое Воскресенье на Полонице, а иконы и книги выносили». Во время больших пожаров, или если огонь разгорался ночью и очень быстро, или пожару сопутствовал сильный ветер, церковное имущество, как правило, погибало все. В летописях сохранилось немало записей о том, как книги погибали при пожарах. Возьмем для примера сведения из новгородских летописей.

1272 г. Сгорела церковь Христова на Торговой стороне на Ильине улице. Во время пожара в ней погорели книги.

1298 г. 18 апреля в час ночи загорелось на Варяжской улице... началась буря с вихрем, которая раздула огромный пожар. Сгорело 22 церкви «...и икон не всех успеха вынести, ни книг».

1390 г. «...той же зимы сгоре церковь святого Димитрия на Даньславовой улице, и иконы и книги и весь запас церковный и товара многое множество изгоре».

1396 г. «...сгоре церкви святы Иоан в Росткине монастыре; и иконы и книги сгореша».

1303 г. Того же лета во Пскове ...выгоре вся церковь каменная святого Димитрия, в ней погорело много книг и икон.

Новгородская первая летопись. М.—Л., 1950,
с. 329, 384, 389, 398.

⁷ Прозоровский Д. П. Новгород и Псков по летописям с дополнением по другим источникам. СПб., 1887, с. 158—177.

1535 г. 27 декабря в субботу в 3 часа ночи в Великом Новгороде сгорела деревянная церковь Похвалы Богородицы, а в ней сгорели все иконы и сосуды и книги.

ПСРЛ, т. VI, с. 295.

1548 г. Декабря в 7 день в 8 часу ночи в Новгороде в Кожевниках сгорела церковь св. апостолов Петра и Павла, в ней погорели иконы и книги.

Новгородская вторая летопись, под 1548 г.

Во время больших пожаров горели также книги, находившиеся в частных собраниях во дворах и теремах.

1185 г. 13 апреля во время великого пожара во Владимире-на-Клязьме погорели «куны, и книги, и паволоки», вынесенные горожанами из охваченных огнем «дворов и терема».

Лаврентьевская летопись, под 1185 г.

Масса книг погибла в 1571 г. при нашествии войск Девлет-Гирея, а также в 1574 г., когда сгорела почти вся Москва, и в годы польско-шведской интервенции в начале XVII в. В 1869 г. Академия наук получила из Финляндии 166 полуобгорелых и оборванных листов. Как потом выяснилось, это были фрагменты 48 книг, увезенных шведами из 12 разграбленных церквей (всего было увезено около 200 книг). По всей видимости, эти книги были захвачены не в самом Новгороде, а в городах и селах, оккупированных шведами Карельского уезда и Ижорской земли.

В 1737 г. сгорел старый Кремлевский дворец с остатками библиотеки московских государей. В 1777 г. сгорела богатейшая библиотека в Киеве.⁸ В 1812 г., при захвате Москвы Наполеоном, в пламени московского пожара погибли неисчислимые ценности, в том числе огромные книжные собрания. Масштабы этих потерь теперь даже трудно представить. Достаточно вспомнить только трагическую судьбу такого бесценного памятника древнерусской письменности, как «Слово о полку Игореве», список которого сгорел в доме графа А. И. Мусина-Пушкина.

⁸ См.: Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, с. 6.

В пылу борьбы официальной церкви со старообрядцами в середине XIX в. было опубликовано высочайшее повеление об уничтожении раскольничьих скитов и молелен. Согласно этому предписанию Николая I, после 1855 г. было уничтожено свыше 50 часовен и молелен, принадлежавших Выгорецкому общежитию. В результате разгрома Выга и связанных с ним раскольничьих общин погибло одно из самых больших в стране собраний русских книг, среди которых могли быть домонгольские рукописи.⁹

Можно с полным основанием утверждать, что домонгольские книги были относительно редки уже в XVII столетии. В связи с изучением русской книги московского периода проанализированы описи 223 частных, церковных, монастырских и иных библиотек XVI—XVII вв. Выяснилось, что в церковных собраниях тех лет книги на пергамене практически не встречались. Их было мало даже в богатых книгохранилищах старых монастырей. Так, например, по «Описи книгам, взятым из Иверского подворья и Воскресенского монастыря» в июле 1675 и в 1676 г. и переданным в Патриаршую книгохранильницу, из 534 номеров славянских на пергамене оставалось лишь 94 единицы.¹⁰ В 1848 г. В. Ундольский опубликовал «Опись книг, в степенных монастырях находящихся», которая была составлена 11 января 1653 г. Из 39 крупнейших монастырей России «...печатного дела исправления ради...» было взято 2672 книги. Среди них харатейных оказалось только 189 штук.¹¹ В Чудовом монастыре в XVII в. хранилась связка из 45 книг «харатейных, ветхих». По описи Рязанского Солотчинского монастыря, составленной во второй половине XVII в., в книгохранильнице находилось 20 книг «харатейных, всяких, ветхих». В описи Антониево-Сийского монастыря 1556 г. читаем: «Да харатейных сорок три книги. Все ветхи, из переплету вышли». Эти и подобные им записи интересны в разных отношениях: а) в XVII в. в крупных монастырях еще хранились книги на пергамене; б) хара-

⁹ Филипов П. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862; Барсов Е. Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. СПб., 1784.

¹⁰ ЧОИДР, 1847, № 5, раздел IV, с. 1—20.

¹¹ Там же, 1848, № 6, раздел IV, с. I—IV; 1—44.

тейные книги не рассматривались как большая ценность — многие книгохранители затруднялись дать им правильное название; в) учитывая частую приписку «ветха», можно думать, что часть харатейных книг, доживших в монастырских собраниях до XVII в., была написана в домонгольское время.

Так как пергаменные книги изготовлялись еще в начале XV в., то естественно предположить, что книги XI—середины XIII в. составляли какую-то часть всего числа отмеченных пергаменных списков. В настоящее время из общего числа зарегистрированных 1296 харатейных рукописей XI—начала XV в. только 190 можно отнести к домонгольскому времени.¹² Это составляет всего лишь 14.7%.

Рукописи западной и юго-западной Руси, Галиции и Волыни подвергались сознательному уничтожению в течение всего XVII и XVIII в. Известны случаи, когда древнерусские книги публично сжигались иезуитами еще в 60-е годы XIX столетия.¹³

Рассматривая историю рукописного наследия Древней Руси, следует учитывать еще три весьма существенных обстоятельства. Во-первых, тяжелый удар древнерусской книжности нанесли реформы Никона. Правка книг и строжайшие предписания служить в церквах только по новым книгам привели к тому, что все дониконовские списки богослужебных книг оказались на положении отреченной литературы. Во-вторых, к концу XVII в. в основном завершился процесс вытеснения из церковных и монастырских библиотек рукописных книг продукцией Печатного двора. В-третьих, Петровские реформы в области культуры привели к насильственному, далеко не всегда необходимому, пресечению многих культурных традиций. Достаточно хорошо известна глубокая и устойчивая антипатия Петра I к быту и культуре Московской Руси. Радикальные изменения, совершавшиеся в укладе русской жизни в начале XVIII столетия, резкий поворот новой России к Западу, секуляризация духовной культуры в значительной степени обесценили наследие старой рус-

¹² Археогр. ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 177—272.

¹³ Волков Н. В. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах. XI—XIII веков и их указатель. — ПДПИ, СПб., 1897, т. СХХIII, с. 8.

ской культуры, списали значимость монастырских и церковных книжных собраний.¹⁴

Все это не могло не сказаться самым пагубным образом на дальнейшей судьбе рукописного наследия далекого прошлого. Н. Барсуков, рассказывая о жизни и трудах крупнейшего русского археографа XIX в. П. М. Строева, привел потрясающие факты массовой гибели рукописей на протяжении XVIII—XIX вв. Монастыри сплошь и рядом скрывали от науки свои книгохранилища, затрудняя в них доступ, а иногда и уничтожали ценнейшие рукописи. Так, посетив в 1817 г. Иосифо-Волоколамский монастырь и осмотрев башню, в которой находилось монастырское «книгохранилище», П. М. Строев в 1823 г. писал: «Старый . . . архив помещался в башне, где в окнах не было рам. Снег покрывал на пол-аршина кучу книг и столбцов, наваленных без разбора, и я рылся в них, как в развалинах Геркулана. Этому шесть лет, следовательно, снег шесть раз покрывал рукописи и столько же на них таял, теперь, вероятно, осталась одна ржавая гниль. Судите же, сколько погибло тут материала».¹⁵

Характерен случай, происшедший в самом начале XIX в. с известным археографом и библиографом Е. А. Болховитиновым (1767—1837). Направляясь однажды из Новгорода в Юрьев монастырь, он по дороге встретил воз с монастырскими книгами, предназначенными к уничтожению. Митрополит Евгений, пользуясь своей властью высокого духовного начальства, вернул воз в монастырь, где немедленно приступил к разбору книг. Среди «списанных» юрьевскими монахами книг оказались ценнейшие рукописи, в том числе списки XI в.¹⁶

Сколь велика была книжная производительность XI—XIII вв., можно судить, между прочим, по тому, что на протяжении второй половины XVI в. и всего XVII в. пергаменом харатейных книг постоянно оклеивали тимпаны и фрашкеты при типографских станках на московском Печатном дворе. Во всех уцелевших расходных книгах Печатного приказа XVII в. начиная с 1620 г. посто-

¹⁴ Никольский Н. К. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. — ПДПИ, СПб., 1902, т. СХХVII, с. 27.

¹⁵ Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, с. 33.

¹⁶ Архангельский А. С. Введение в историю русской литературы. Т. I. Пг., 1916, с. 177.

янно встречаются указания на покупку харатейных книг для вышеуказанных целей.¹⁷

Книги погибали от естественного износа, они ветшали и рвались от употребления и портились от неумелого хранения. В библиотеках наберется несколько десятков древних книг без начала, или без конца, или без того и другого, во многих недостает листов в середине, у некоторых местами прогнили листы пергамента или вылиняли чернила, или стерлись крайние страницы. Попадают также отрывки, которые, очевидно, служили переплетами других рукописей.

Плохая сохранность древнейших русских рукописей, дошедших до наших дней, убедительно говорит о тех невзгодах, которые пришлось им пережить. Например, в собрании Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки в настоящее время находится 68 номеров, относящихся к XI—XIII вв., из них 20 номеров сохранилось лишь в отрывках, у 5 рукописей утрачено начало, у 9 конец, 11 номеров утратили конец и начало, в одной рукописи отсутствуют листы внутри текста. Только 22 единицы из 68 можно считать более или менее целыми.¹⁸

Имели место и другие факторы, которые также приводили к гибели большое количество рукописных списков. Если указанные нами ранее причины гибели книг носили объективный характер и не зависели от содержания рукописей, то были и причины субъективного характера.

Хотя в Древней Руси книги находились в различных собраниях, только библиотеки крупных монастырей, особенно северо-восточной Руси, смогли донести до наших дней книжное наследие XI—XIII вв. Основные принципы комплектования монастырских библиотек XI—XVI вв. в настоящее время довольно ясны.¹⁹ Судя по сохранив-

¹⁷ Румянцев В. Е. Иван Федорович — первый русский книгопечатник. М., 1871, с. 5.

Тимпан — четырехугольная рама, на которую клали печатаемый лист. Фрашкет — верхняя крышка в печатном стане, на которую производил давление ручной пресс.

¹⁸ Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953 (Труды ОР ГПБ, Рукописи русского происхождения), с. 15—30.

¹⁹ Дмитриева Р. П. Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры). — ТОДРЛ, Л., 1969,

шимся описям XV—XVI вв. и дошедшим до наших дней книгам XI—XIII вв., эти принципы соблюдались и в домонгольское время. Древнерусские монастырские книжные собрания состояли из трех неравных частей. В первую группу можно отнести церковнослужебные книги, совершенно необходимые при богослужении в храме. В малых и новых церквях этим небольшим количеством ограничивался минимум книг, без которых церковь не могла функционировать. Забота о пополнении этого минимума являлась одной из первейших забот монастырских и церковных властей.

В крупных и старых церквях и в монастырских храмах встречаются так называемые «четы» книги. 19-е правило 6-го Вселенского собора, греческие типиконы требовали, чтобы в церквях читали назидательные творения отцов церкви. Студийский и сменивший его Иерусалимский уставы перечисляли книги и статьи, подлежащие богослужебному прочтению. В значительно большей степени эти рекомендации были адресованы монастырской братии.

После создания определенного минимума богослужебных книг библиотеки монастырей и крупных соборных, а также старых храмов пополнялись четырьмя книгами. Собирались четы-минеи, сборники, торжественники, прологи, златоустники, земные раи, пятидесятницы, патерики, толковые псалтири, златоструи и другие сочинения.

В общежительских и скитских монастырях встречалась еще так называемая «келейная» литература. Она находилась не в общемонастырской хранильнице, а в кельях монахов и составляла их личную собственность. Состав этих книг — по преимуществу полусветского-полурелигиозного содержания — зависел от вкусов и интересов их владельцев.²⁰ Здесь встречались сборники, палеи, хро-

т. XXIII, с. 149—170; Розов Н. Н. 1) Из истории Кирилло-Белозерской библиотеки. — Труды ГПБ, Л., 1961, т. IX (12), с. 177—188; 2) Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей. — ТОДРА, М.—Л., 1962, т. XVIII, с. 294—304; Зарубин Н. Н. Очерки по истории библиотечного дела в древней Руси. — Сб. РГБ, Пг., 1924, т. 2, вып. 1, с. 19—229.

²⁰ В принципах подбора келейных книг, находившихся в личной собственности того или иного монаха, не могло существовать устойчивых традиций. Со сменой владельца сложившийся комплекс рассыпался.

нографы, измарагды, золотые цепи и т. д. Аналогичные рукописи могли храниться в библиотеках крупнейших кафедральных соборов, таких как София Киевская или Новгородская, Спас Черниговский и некоторых других. Есть основания думать, что книги этой группы встречались в личных библиотеках крупных феодалов, великих и удельных князей. До половины XVII в. других памятников письменности в монастырских и церковных библиотеках почти не было.²¹ Книги, входившие в две первые группы, тщательно переписывались и аккуратно хранились за толстыми стенами церкви и монастырей.

Еще в начале XX в. большой знаток древнерусской книжности Н. К. Никольский отмечал, что литература, дошедшая в составе церковных и монастырских библиотек, не отражает всей древнерусской книжности. В эти библиотеки не допускалось то, что выходило за пределы их прямого назначения.²²

Жизнь памятников светской литературы была еще более кратковременна, чем жизнь канонических богослужебных и четких книг. Потерявшие свою актуальность памятники заново не переписывались и не хранились, а естественный износ старых списков приводил их постепенно в полную ветхость. Помимо старения по содержанию, памятники светской литературы старели по форме. Развитие художественных вкусов, переоценки художественных ценностей списали много памятников художественной литературы прошлого.

В XVI—XVII вв., в связи с усилением позиций иосифлян, которых Б. А. Рыбаков назвал «воинствующими церковниками»,²³ намечается рост религиозной цензуры. Устав Сергиевской лавры, ставшей образцом монашеских общежитий, не допускал в монастырь ни одной книги без благословения и контроля игумена. Тем самым перекрывался последний канал проникновения в монастыри и церкви светской литературы. Правда, грань между светской и церковной литературой в Древней Руси

²¹ В данном случае не учитывается актовый материал, грамоты, вкладные и долговые записи, финансовые и юридические документы, находившиеся в монастырях и крупных церквях.

²² Никольский Н. К. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности, с. 4—5.

²³ Рыбаков Б. А. Воинствующие церковники XVI в. — Анги-религиозник, 1934, № 3—4.

была крайне условна. Такие произведения, как сборники житий, вроде Печерского патерика, сугубо религиозные по замыслу их авторов, сохранили много светских мотивов. С другой стороны, такие светские по содержанию памятники, как летописи, пропитаны религиозной идеологией. Впрочем, это положение легко объясняется всей системой философских и религиозных взглядов средневековой и всепроникающим в те годы господством церкви.

Большое влияние религиозной цензуры на состав древнерусских книжных собраний прослеживается с середины XI в. В «Изборник» Святослава 1073 г.²⁴ включены три произведения: «От апостольских уставов» (л. 203, 203 об., 204), «Слово Иоанна (Дамаскина, — Б. С.) о верочитных книгах» (л. 252, 252 об., 253) и наиболее значительное из них — «Богословца от словес» (л. 253, 253 об., 254), которые устанавливают объем запрещенной литературы.

Первое сочинение («От апостольских уставов») содержит общее запрещение апокрифических книг: «... странских книг всех уклоняйся». Далее давалась рекомендация, что же можно и полезно читать. Так, тем, кто захочет «повести почитати», следует обратиться к «Цесарским книгам» (Книги Царств); «аще ли хитростными и творительными» книгами заинтересуется, «... то имеет пророки Иова и Предтечник, в них же всякие твари и ухищрения большую пользу уму обрещети». «Аште ли и песни хош-теши, то имаше псалмосы». Статья ставила своей целью не только увести от нежелательного чтения, но и направить уже зарождающийся читательский интерес в определенное, предписанное церковью русло. «Слово Иоанна о верочитных книгах» содержит перечень книг Ветхого и Нового завета, рекомендованных для религиозного чтения. Все они «добры суть и лепотны».

Наиболее полный индекс канонических (истинных) и ложных (отреченных) сочинений находится в «Богословце от словес». Начинается статья с утверждения, что некие люди прельщаются «неистовыми» книгами, поэтому читателям предлагается «... сей избранный любочисленник». Далее перечислены 47 книг Ветхого завета, 20 книг Нового завета и не менее 23 «сокровенных». В представлении людей Древней Руси слово «сокровенный» понималось

²⁴ ГИМ, Син. № 31-д. Издано: СПб., 1880 (фотомех.).

как «потаенный», «тайный», «непостижимый», «подложный», «отреченный».²⁵

По всей видимости, переписчик «Изборника» 1073 г., а также те, кто его читали, предполагали, что все 90 упомянутых в тексте книг либо реально существовали, либо могли существовать на Руси в середине XI в. В противном случае давать подобные рекомендации и предписывать запрещения было бы не совсем логично. Столь же ясно, что перечисленные отреченные книги: Адам, Енох, Ламех, Патриархи, Молитва Иосифова, Завет Мусии (Моисеев), Исход Мусии, Псалмы Соломона, Ильино откровение, Иосино видение, Софроново откровение, Захарьино явление, Иакова повесть, Петрово откровение, Учения апостольские Варнавы. Послания и Деяния Пауля, Наумово откровение, Учение Климентово, Игнатово учение, Полукарпово учение, Евангелие от Варнавы, Евангелие от Матвея (?) — имели крайне мало шансов уцелеть в составе монастырских и церковных библиотек.

А. Пыпин в исследовании «Для объяснения статьи о ложных книгах» на основании сличения греческого и русского текстов утверждал, что если первая часть статьи, где перечислены истинные, или канонические книги, пришла через Болгарию из Византии, то вторая — книги ложные, содержащая не вошедшие в канон богословские сочинения, легенды, предания, народные суеверия, была русской по происхождению и адресовалась русскому читателю.²⁶ Примечательно, что кодекс был приведен в «Изборнике», предназначенном для великого князя Киевского. По-видимому, в этом вопросе позиция церковников и государственной власти была едина. Эта статья «Изборника» 1073 г. перешла во все последующие русские индексы, часто дополнялась и изменялась.

Строгий и очень специфический принцип подбора книг в церковных и монастырских библиотеках, действующий в течение сотен лет, отсекал и тем самым обрекал на исчезновение все то, что не входило в списки рекомендованной литературы. У каждой отдельной книги XI—XIII вв. было крайне мало шансов пройти через все сциллы и харибды, подстерегающие ее со всех сторон в течение

²⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. М., 1958, с. 727.

²⁶ Летопись занятий Археографической комиссии, 1861 г. Вып. 1. СПб., 1862, с. 1—55.

6—7 веков. Книгам светского содержания была уготована еще более тяжелая судьба.²⁷

Не уцелели даже такие произведения, которые имели большое значение для церкви. В литературе уже не раз отмечалось, что в XI—XIII вв. существовал целый ряд памятников, которые затем бесследно исчезли. Так, в XVI в. старец Исайя безуспешно пытался найти в Москве «Житие Антония Печерского». Не нашли его и в более позднее время. Исчез упоминаемый в сгоревшей Троицкой летописи «Летописец великий русский».²⁸ Не обнаружен список «Владимирского полихрона», о котором говорится в так называемом «Тверском сборнике». Не дошла светская повесть «О мужестве Александра Невского».²⁹ Исчезли почти все документы государственного делопроизводства Древней Руси.³⁰ Список того, что было, но исчезло, можно было бы значительно увеличить.

Собирательская и хранительская работа в Эрмитаже постоянно побуждает обращать пристальное внимание на проблему сохранения памятников духовной и материальной культуры, искусства Древней Руси. Эта проблема изучалась с различных точек зрения.

Так, например, общепризнанно, что мечи были необходимым оружием каждого конного воина. Бесконечные междоусобные стычки и кровопролитные войны с внешними врагами, сведениями о которых переполнены наши ле-

²⁷ О светской литературе Киевской Руси писали Н. Лавровский (см. в кн.: О древнерусских училищах. Харьков, 1854), М. И. Сухомлинов (см. в кн.: О языкознании в древней Руси.—Учен. зап. П отд. Академии наук, СПб., 1854, кн. I, раздел II, с. 177—260), И. И. Срезневский (см. в кн.: Древние русские книги. СПб., 1864), В. Н. Перетц (см.: Образованность.—В кн.: Книга для чтения по русской истории, т. 1. М., 1904, с. 533—549) и др.

²⁸ Приселков М. Д. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, с. 4.

²⁹ Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития.—ЧОИДР, 1915, кн. 3, с. 151—222.

³⁰ Так, например, А. П. Соболевский в «Лекциях по истории русского языка» (СПб., 1888) утверждал, что грамот от XII в. сохранилось 2, от XIII в. — 15. К настоящему времени не сохранилось ни одной пергаменной грамоты XI—начала XIII в. Но, как утверждает В. Л. Янин, теперь известно свыше семисот печатей, скреплявших некогда юридические документы домонгольской Руси. Они были обнаружены в Киеве, Чернигове, Смоленске, Полоцке, Москве и других городах, а больше всего — в Новгороде на Городище в Пскове, раскопки в котором ведет Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа, удалось выявить не менее 11 домонгольских печатей.

тописи, требовали постоянно иметь наготове достаточно крупные контингенты воинов-профессионалов. Известно, как берегли и ценили древнерусские воины свое оружие. Не так легко создать такие условия, чтобы меч — добротное изделие из высококачественной стали — исчез бесследно. Однако теперь русских мечей XI—XIII вв. известно только 183.³¹ Древнерусских шлемов сохранилось гораздо меньше. По словам Н. В. Перцова, одного из крупнейших знатоков и реставраторов древнерусской живописи, русских икон XI—XIII вв. дошло около 50 единиц. Столь же редки памятники высокого ювелирного искусства домонгольского времени. А ведь они украшали многих знатных и богатых дам из верхов феодального общества Древней Руси.

В настоящее время трудно установить все возможные причины, которые в своей совокупности, действуя на протяжении многих веков, обусловили гибель основной массы книжных богатств домонгольской Руси. Каждый конкретный случай — проявление естественного процесса исчезновения рукописного наследия прошлых веков. Эта закономерность в той или иной степени распространяется на все области искусства и культуры далекого прошлого. Надо предположить невероятно удачное стечение обстоятельств, чтобы после многочисленных превратностей судьбы книги домонгольского периода дошли до наших дней.

По всей видимости, уцелели только доли процента былого книжного богатства Руси XI — середины XIII в.

³¹ Кирпичников А. Н. Русское оружие ближнего боя. Автореф. дис. Л., 1963, с. 5.

Глава II

ГИПОТЕТИЧЕСКОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВОЗМОЖНОГО КОЛИЧЕСТВА ДРЕВНЕРУССКИХ КНИГ XI—XIII вв.

Изучение древнерусской книжности шло в основном по линии выявления и анализа сохранившихся памятников письменности Древней Руси. Объединенными усилиями многих литературоведов, филологов, историков, палеографов, искусствоведов в этом направлении были достигнуты внушительные результаты. Однако специалистам уже давно было ясно, что до наших дней дошли лишь ничтожные остатки былых книжных богатств. Естественно возникал вопрос о количественных и качественных характеристиках того книжного фонда, которым некогда располагала домонгольская Русь. Ответ на этот вопрос при всей его очевидной дискуссионности имеет большое историко-культурное значение, ибо книги всегда являлись надежным показателем уровня цивилизации.

Во второй половине прошлого века И. И. Срезневский в «Славяно-русской палеографии XI—XIV вв.» дал сведения о 105 русских рукописях. В «Древних памятниках русского письма и языка» он указал 369 книг.¹ Сводку южнорусских и западнорусских по происхождению рукописей сделал в конце XIX в. Н. Владимиров. Для XI—XIV вв. автор насчитал 60 рукописей западного и южнорусского происхождения, из которых 3 рукописи находились в иностранных архивах и одна им была ошибочно отнесена к XIV в.² В конце XIX в. известный

¹ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. Изд. 2-е. СПб., 1882; Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885.

² Владимиров Н. Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII ст. Киев, 1890.

библиограф архимандрит Леонид назвал 115 русских рукописей.³

Наиболее полный учет древнерусских рукописных книг провел в самом конце XIX в. Н. В. Волков. В его «Указателе» значится 670 русских рукописей в российских собраниях и 9 в иностранных хранилищах.⁴ До самого последнего времени это был наиболее полный список древнерусского книжного богатства, на который постоянно ссылались все исследователи древнерусской книжности. Однако еще сам Н. В. Волков отмечал, что его «Указатель» далеко не исчерпывает всего наследия XI—XIV вв. Так, например, он признавал, что им не были учтены многие фрагменты рукописей, в том числе большинство так называемых «финляндских отрывков» Библиотеки Академии наук и Виленской библиотеки. Не были им полностью отражены все древнейшие рукописи некоторых крупнейших книгохранилищ, а материалы, находившиеся в Архангельске, Вологде и других провинциальных центрах, как правило, выпадали из его поля зрения.

Подсчеты исследователей начала XX в. дали цифры меньшие, чем те, что приводил Н. В. Волков. А. И. Соболевский считал, что из числа всех сохранившихся памятников древнерусской письменности, которых он насчитывал до полутысячи, от XI—XIV вв. уцелело 433 книги.⁵ В «Лекциях по истории русского языка» он отметил 78 наиболее ценных русских рукописных книг XI—XIV вв.⁶ И. А. Шляпкин утверждал, что к началу XX в. уцелело 620 русских рукописей XI—XIV столетий.⁷ Н. М. Каринский отметил только 20 русских рукописей XI—XIV вв. из всего количества находившихся в собраниях Советской России вскоре после окончания гражданской войны.⁸

³ Леонид, архимандрит. Сведения о древнейших пергаменных рукописях русского письма XI, XII, XIII и XIV веков. Приложение к «Систематическому описанию славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова» (т. 1, М., 1893, с. 669—676).

⁴ Волков Н. В. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков и их указатель. — Изв. ОЛДП, СПб., 1897, т. СХХIII, (далее: Волков), Указатель, с. 51—96.

⁵ Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. Изд. 2-е. СПб., 1908, с. 2.

⁶ Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907, с. 12—16.

⁷ Шляпкин И. А. Русская палеография. СПб., 1913, с. 97.

⁸ Каринский Н. М. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925.

В 1927 г. Н. Дурново писал, что количество русских рукописей XI—XIV вв. не превосходит 1000 единиц. В его списке приведены сведения о 192 рукописях этого времени.⁹ П. А. Лавров собрал сведения о болгарских и сербских рукописях с древнейших времен до XX в., находившихся в хранилищах европейских стран. Он привел данные о 5 старославянских, 48 болгарских и 27 сербских рукописях в собраниях России.¹⁰ Памятники сербского письма в московских собраниях выявил архимандрит Леонид. Ему удалось обнаружить 41 сербскую рукопись XIII—XIV вв.¹¹

Имеющиеся перечни и указатели древнейших славяно-русских рукописей не дают возможности судить об общем количестве памятников письменности XI—XIV вв., находящихся в настоящее время в Советском Союзе. Дореволюционные работы не отражали картины сохранившихся славяно-русских рукописей даже для своего времени. Тем более они не могут отвечать требованиям современности, так как, во-первых, изменились методы научного описания, а, во-вторых, многие списки изменили место хранения, некоторые погибли и т. д.

После Великой Октябрьской социалистической революции были национализированы монастырские библиотеки и крупные частные собрания. Было много сделано по выявлению рукописей, упорядочено их хранение, проводились описания, изучение и публикации памятников. Крупные научные центры, такие как Пушкинский Дом, БАН и другие, ежегодно организуют археографические экспедиции. В результате их работ было выявлено много ценнейших памятников рукописного наследия. Вышло в свет значительное число описаний и обзоров фондов архивов, музеев, библиотек.

После Великой Отечественной войны появилось несколько описаний древнейших славяно-русских книг. Старший научный сотрудник ГПБ Е. Э. Гранстрем к докладу на IV Международном съезде славистов в Москве «О подготовке сводного печатного каталога славянских рукописей

⁹ Дурново Н. А. Введение в историю русского языка. Ч. V. Источники. Брно, 1927, с. 25—56.

¹⁰ Лавров П. А. Палеографическое обозрение кирилловского письма. — Энциклопедия славянской филологии, вып. IV. Пг., 1914.

¹¹ Леонид, архимандрит. Рукописи сербского письма XIII—XVIII веков, находящиеся в библиотеках Московской губернии. — ЧОИДР, 1891, кн. 2, раздел II, с. 1—8.

XI—начала XII в.» приложила список славянских рукописей. Ею были учтены почти все известные памятники древнейшего периода славянской письменности. Оказалось, что в СССР находятся 10 старославянских, 20 русских, 1 болгарская и 1 сербская рукопись.¹²

Выборочный список памятников древнейшей русской письменности приведен в каталоге выставки «История русской культуры XI—XVII веков» в Праге в 1959 г. Здесь указаны 53 рукописи XI—XIV вв.¹³ Сведения о древнейших орнаментированных русских рукописях, находящихся в собраниях Украинской ССР (Киев, Львов, Одесса, Ужгород), опубликованы в работах Я. П. Запаско.¹⁴ И. С. Свенцицкий рассказывал в свое время автору настоящей работы, что он начал каталогизацию древнерусских рукописей Западной и Закарпатской Украины. По его словам, много пергаменных рукописей XI—XIV вв. находилось в собственности монастырей и церквей, расположенных на территории этих областей. Он считал, что всего в СССР книг XI—XIV вв., считая с фрагментами, сохранилось около 1000 номеров. К сожалению, после смерти Свенцицкого его работа не была завершена и осталась неопубликованной. До сих пор все эти разрозненные описи, отдельные статьи и другие сообщения не были сведены воедино. По некоторым небольшим хранилищам подобные описи не были опубликованы, и их фонды редко включались в научное обращение.

М. Н. Тихомиров не раз устно и в печати выступал с идеей создания сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР (до конца XIV в.). Он утверждал, что создание такого каталога является делом большого научного значения и государственной важности.¹⁵ После его смерти огромную работу по созданию сводного каталога рукописей возглавил член-корр. АН СССР В. И. Шунков. Работа и

¹² См. в кн.: Славянская филология. IV Международный съезд славистов. Т. II. М., 1958, с. 412—418.

¹³ Выставка «История русской культуры XI—XVII вв. в памятниках письменности». Каталог. М., 1959.

¹⁴ Запаско Я. П. Орнаментовані рукописи XI—XVI століть в книгозховищах Української РСР. — Матеріали з етнографії та художнього промислу, Київ, 1957, вип. III, с. 145—147.

¹⁵ Тихомиров М. Н. Об охране и изучении письменных богатств нашей Родины. — Вопросы истории, 1961, № 4, с. 62—68; Археогр. ежегодник за 1960 г. М., 1962, с. 368—369; Археогр. ежегодник за 1961 г. М., 1962, с. 467—471.

в настоящее время еще не завершена, но теперь уже Археологическая комиссия, которая фактически выполняет каталог рукописей, нашла возможность опубликовать «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV веков, хранящихся в СССР».¹⁶ Комиссия установила, что славяно-русские рукописи XI—XIV вв. находятся в 38 хранилищах нашей страны. Подавляющее большинство их сосредоточено в 5 московских и ленинградских книгохранилищах (ГПБ — 242, ГИМ — 306, ГБЛ — 262, ЦГАДА — 165, БАН — 152).¹⁷ Выяснилось, что славяно-русских рукописей XI—XIV вв. оказалось значительно больше, чем считалось до недавнего времени.

Так как настоящая работа посвящена истории русской книги домонгольского периода, то особый интерес представляют рукописи, созданные до 1240 г. Распределение этих рукописей по языку см. в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Век	Старославянские	Русские	Болгарские	Сербские	Прочие	Всего
XI	10	22	1	—	—	33
Конец XI—начало XII	3	12	1	—	1	17
XII	—	72	8	4	1	85
Конец XII—начало XIII	—	34	5	1	—	40
1200—1240 гг.	—	9	2	4	—	15
Итого	13	149	17	9	2	190

Интересно сравнить данные 1966 г. с теми, которые привел 80 лет назад Н. В. Волков:

XI в.	— 21 книга
XI—XII вв.	— 1 „
XII в.	— 59 книг
XII—XIII вв.	— 28 „

Итого — 109 книг

¹⁶ Археогр. ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 177—272.

¹⁷ Перечисленные Н. В. Волковым рукописи XI—XIV вв. хранились в 45 общественных и частных хранилищах. Наиболее крупные собрания находились в имп. Публичной библиотеке — 121, что вместе с несколькими рукописями, хранившимися в Академии наук, составляло 17.6% от общего числа рукописей (Волков, с. 45—60).

При первом взгляде на приведенные цифры можно сделать вывод, что сведения Н. В. Волкова безнадежно устарели. В самом деле, в списке Археографической комиссии среди рукописей XI в. названо 19 книг, которых нет в «Указателе» Н. В. Волкова (№ 1, 2, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 21, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 31, 32). Видимо, часть этих книг Н. В. Волкову была неизвестна, а другая часть в позднейшее время более точно атрибутирована. Но, с другой стороны, в «Указателе» Н. В. Волкова встречаются такие книги, которые не отмечены в списке Археографической комиссии. Так, в списке 1966 г. не приведены древнерусские рукописи, хранившиеся в конце XIX в. в собраниях Западной Европы, как в публичных библиотеках, так и в частных собраниях. Н. В. Волков сообщает сведения о книгах, находившихся в Реймсе, Варшаве, Праге, Кракове, Вене, в монастырях Буковины. При сравнении списков Н. В. Волкова и Археографической комиссии выяснилось, что некоторых книг XI в., известных Н. В. Волкову, не оказалось в 1966 г. (№ 6, Евангелие, отрывок, 2 л., принадлежал Н. П. Корнилову; № 7, Евангелие, отрывок, 12 л., из Московской типографской библиотеки; № 16Н, Псалтирь, отрывок, 8 л., принадлежал акад. Н. Ф. Бычкову). Эти книги либо утрачены, либо значительно изменилась их атрибуция, либо изменилась их сохранность. Если книги в крупных государственных хранилищах России дожили до наших дней, то судьба древнейших рукописей, находившихся в частных руках, не всегда ясна. Нет уверенности в том, что они уцелели. Укажем некоторые датированные книги XIII в. из частных собраний, приведенные в «Указателе» Н. В. Волкова (например, № 167, Псалтирь 1212—1213 гг., 154 л., из собрания Хлудова; № 24, Евангелие 1279 г., принадлежало купцу С. Афанасьеву; № 47, Евангелие 1301 г., 250 л., принадлежало князю Д. С. Горчакову), которых не оказалось в списке Археографической комиссии. По всей видимости, эти книги либо погибли, либо были увезены за рубеж. О том, что последнее предположение не лишено основания, говорят проспекты аукционов по продаже русских антикварных вещей на Западе. Как правило, распродают памятники искусства и культуры, и в том числе книги, вывезенные из России после Великой Октябрьской социалистической революции. Приведенные примеры позволяют утверждать, что работа Н. В. Волкова

не утратила своего значения и для наших дней, ибо она зафиксировала какое-то определенное состояние книжных богатств на конец XIX в. Трудно предположить, что когда-либо произойдут крупные поступления древнерусских книг. Скорее наоборот, подобные счастливые находки будут все более и более редкими. Основная масса рукописных собраний наших библиотек в настоящее время описана и известна специалистам. Даже если будет найдена легендарная библиотека Ивана Грозного в московском Кремле или еще что-нибудь в таком роде, то и тогда положение мало изменится.

Таким образом, на основе имеющихся данных мы не можем получить полного представления о книжном фонде, существовавшем в свое время в домонгольской Руси, и следовательно, для того чтобы составить такое представление, надо использовать какие-то специальные методы. Подобного рода попытки имели место еще в XVIII в. Так, А. Шлецер и В. Н. Татищев полагали, что для богослужбных целей в домонгольской Руси требовалось не более 1000 книг. В первой трети XIX в. Н. А. Полевой писал о крайне ограниченном количестве книг в Древней Руси. Он утверждал, что в домонгольское время Русь была дикой, варварской страной, в которой отдельные проявления цивилизации были неудачными копиями византийских образцов.¹⁸

Далеко не для всех даже в конце XIX в. было ясно, что уцелевшие до нашего времени книги XI—XIII вв. не могут всесторонне характеризовать книжный фонд домонгольской Руси. Так, например, Н. В. Волков писал: «... число всех написанных в XI, XII, XIII и XIV веках книг не могло быть очень велико, и ... отношение их к книгам, уцелевшим до нашего времени, не следует представлять себе чересчур большим». В год в среднем, по Н. В. Волкову, писалось около 50 книг, что за три столетия (XI, XII и XIII) может дать около 15 тыс. книг.¹⁹

Цифра, названная Н. В. Волковым в конце XIX в., дожила до середины XX столетия. Она стала общепризнанной среди специалистов по древнерусской литературе, библиотечных работников, сотрудников древлехранилищ, историков культуры Древней Руси. Так, например, автор

¹⁸ Полевой Н. А. История русского народа. Т. II. М., 1830, с. 219, примеч. 228 и далее до 239.

¹⁹ Волков, с. 11—12.

работы, посвященной истории библиотечного дела в допетровской Руси, — В. Е. Васильченко полностью соглашается с точкой зрения Н. В. Волкова.²⁰

Если цифры, предложенные А. Л. Шлецером и В. Н. Татищевым, были основаны на одной интуиции, то Н. В. Волков первым попытался как-то обосновать свои соображения. Путь, который сам Н. В. Волков признавал недостаточным твердым, сводился к следующему.

Н. В. Волков исходил из предпосылки, что в каждой церкви Древней Руси должно было быть как минимум по одному евангелию. В Новгороде до XIV в., по мнению Волкова, было построено не менее 90 церквей (X в. — 2, XI в. — 2, XII в. — 69, XIII в. — 17). Далее, Волков утверждал, что от XI—XIII вв. сохранилось 22 списка евангелий новгородского происхождения (XI в. — 1, XII в. — 8, XIII в. — 13). Учитывая, что ряд новгородских по письму и языку списков евангелий мог быть создан не в самом Новгороде, а в других местах выходцами из этого города, Н. В. Волков относит к продукции мастеров города на Волхове только половину указанного им числа — 11 книг. Отсюда следует, что сохранилась лишь 1/8 часть евангелий, написанных в Новгороде с XI до XIV в., или 12.2% общего их числа. Реконструируя дальше ход рассуждений Н. В. Волкова, следует число сохранившихся богослужебных новгородских книг XI—XIII вв. (124 списка) умножить на 8, что даст 992 книги, или, округляя, около 1000. Так как они были изготовлены примерно за 300 лет, то в один год в Новгороде переписывалось не менее трех богослужебных книг. Отсюда Н. В. Волков заключал, что по всей Руси за один год могло быть создано около 50 книг.

Система доказательств и общие выводы Н. В. Волкова основывались на передовых концепциях русской исторической науки конца XIX в. и были для своего времени значительным достижением книговедения. Однако с тех пор прошло уже около 80 лет. За эти годы трудами русских и советских историков, археологов, искусствоведов, литературоведов, фольклористов накоплен огромный фактический материал, позволяющий радикально изменить общие представления об уровне экономического и культур-

²⁰ Васильченко В. Е. Очерки истории библиотечного дела в России XI—XVII вв. М., 1948, с. 68.

ного развития Руси XI—XIII вв. Изменилась и методика исследований, иными стали методы осмысления собранных данных. Естественно, что работа Н. В. Волкова в настоящее время устарела как в теоретическом отношении, так и в своих основных выводах. Теперь ясно, что в рассуждениях Н. В. Волкова были допущены ошибки. Первая из них заключалась в том, что он значительно занижил число новгородских храмов Древней Руси, которое историки давно пытаются установить. Е. Е. Голубинский писал, что Новгород «...несмотря на свое богатство, не отличался особой ревностью к построению церквей и имел их относительно не особенно много». Он насчитал только 29 церквей. Правда, Е. Е. Голубинский отмечал, что в основном церкви в Древней Руси были деревянные, а каменные храмы, воздвигнутые как исключение, составляли ничтожную часть.²¹

Митрополит Макарий в «Истории русской церкви» насчитывал в Новгороде 67 каменных и деревянных церквей, построенных до XIV в.²² Наиболее полный обзор новгородских церквей сделал Д. И. Прозоровский.²³ Он полностью использовал летописные данные, но, как отмечал Н. В. Волков, не воспользовался указаниями записей на рукописях, вследствие чего вкрались небольшие пропуски. Все исследователи при подсчете церквей, исходя из данных летописей, забывали о часовнях, которых, вероятно, было немало и которые в значительно большей степени, чем в позднейшее время, исполняли функции церквей. Совсем не учитывались домашние церкви, находившиеся на дворах богатых феодалов. Наконец, нет никакой гарантии в том, что летописцы зафиксировали постройки даже всех каменных, не говоря уже о деревянных церквях. Невероятно, чтобы в XI в. в Новгороде было построено только 2 церкви. Так, например, под 1105 г. упоминается в летописях церковь св. Ильи, но раньше никогда не попадает указание на дату ее постройки. Не указано время сооружения Воскресенского монастыря, сгоревшего в 1136 г., и Варваринского монастыря, упоминаемого под 1138 г.

²¹ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1, полутом 2. М., 1904, с. 3, 4, 106.

²² Макарий, митрополит. История русской церкви. Т. III. СПб., 1889.

²³ Прозоровский Д. И. Новгород и Псков по летописям с дополнением по другим источникам. СПб., 1887.

На неполноту летописных данных указывают известия о количестве церквей, сгоревших при пожарах. В 1134 г. на «Торговом полу» сгорело 10 церквей, хотя ранее в летописях можно найти сведения о 4 или 5 церквах, построенных в этом районе древнего Новгорода. Во время пожаров 1211 и 1217 гг. сгорело до 30 церквей, после того как в 1194 г. сгорело уже 10 церквей, да в пожарах 1175, 1177 и 1181 гг. погибло еще 10 храмов. Таким образом, в промежуток с 1175 по 1217 г. сгорело 50 церквей, выстроено же за эти годы во всем городе, включая негоревшие районы, было только 52 церкви. В 1299 г. снова сгорело 22 церковных здания. Из этих сведений вполне ясно видно, что летописи дают заниженные данные о числе церквей в Древней Руси.

Вторая крупная методологическая ошибка Н. В. Волкова заключалась в том, что при своих подсчетах он совершенно не учитывал сельские, по-видимому исключительно деревянные, приходские храмы. Надо полностью игнорировать упорную, многовековую борьбу христианства с двоеверием на Руси, чтобы допустить, что влияние церкви могло распространяться только через посредство городских храмов. Выходит, что сельское население оказывалось вне сферы воздействия православного духовенства.

В настоящей работе применен иной путь. Во-первых, по всем летописям и другим доступным источникам выяснены более или менее полно все известия о церквах и монастырях, сооруженных на Руси с X в. по 1240 г. Храмы и обители, сведения о которых восходят ко второй половине XIII в., но дата постройки которых неизвестна, в расчет не принимались. Затем определяется примерная численность населения Древней Руси и населения, обслуживаемого одной церковью (приход). После этого методом интерполяции реконструируется возможное число церквей (включая домовые и монастырские), которые были построены на Руси с X в. по 1240 г. Далее, устанавливается минимум богослужебных книг на одну приходскую и одну монастырскую церковь, после чего определяется число богослужебных книг, которые могли находиться во всех церквах и монастырях Древней Руси за 250 лет. К этому числу добавляется бывшая в обращении христианская четья и светская литература. В результате сложения всех компонентов определяется возможный порядок величины книжного фонда домонгольской Руси.

Автор никоим образом не считает, что метод, предложенный в данной работе, непогрешим. Однако он надеется, что все же этот путь реконструкции размеров книжного фонда Древней Руси является шагом вперед по сравнению с методом Н. В. Волкова и дает возможность получить более точные представления о развитии книжности на Руси XI—XIII вв.

* * *

Методика, основанная на статистических подсчетах, всегда таит опасные подводные камни. В самом начале для нас было ясно, что на основе данных летописей, житий святых, отчетов археологических экспедиций и других доступных источников нельзя составить полный корпус всех русских церквей и монастырей X—середины XIII в. Трудность заключалась не только в том, что далеко не все новопостроенные, даже каменные, церкви фиксировались летописцами. Часто сведения о церквях всплывают случайно, в связи с другими событиями, например с их гибелью от пожаров или нашествия врагов. Многие существующие доныне церкви не имеют зафиксированных дат основания. Так, нигде не записано о постройке церкви Параскевы Пятницы на Торгу в Чернигове, церкви Георгия в Старой Ладогe. Если крупные церкви и монастыри так или иначе получили отражение в письменных источниках, то небольшие церкви и обители могли остаться вне поля зрения летописца. Большие трудности возникли при идентификации многих монастырей храмов. В домонгольское время, так же как и в XX столетии, монастыри и церкви имели по два названия — официальное (во имя патронального святого) и обиходное, чаще по названию местности, где они находились. Оба названия употреблялись либо параллельно, либо одно из них начинало преобладать. Существование двух названий вызывает путаницу, так как при подсчетах может получиться так, что либо один храм или обитель будут сосчитаны дважды, либо, наоборот, два одноименных монастыря, расположенных далеко друг от друга, будут приняты за один. Известны случаи, когда монастыри или храмы переносились на новое место и получали новое обиходное название. Так, например, Воскресенский монастырь на Красной горке в Мигре, в Людине конце (Новгород), вначале был мужским и стоял на левом берегу Волхова, недалеко от оз. Ильмень (время его

основания неизвестно, но до 1136 г.). В 1195 г. архиепископ Мартирий заложил на другом месте каменную церковь Воскресения и устроил девичий монастырь. О чем это может говорить? Либо летописные сведения отражают историю одного монастыря, перенесенного на новое место, либо в Новгороде в XII в. существовало два Воскресенских монастыря.

В «Истории русской церкви» Макарий указывает на новгородский женский монастырь Иоанна Предтечи,²⁴ причем сказано, что существовал он с 1179 г. В других работах, например у А. Ратшина,²⁵ встречается новгородский женский монастырь Иоанна Богослова. В III томе ПСРЛ, на с. 17, читаем, что в 1179 г. в монастыре Иоанна Предтечи поставлена игуменьей некая Феогния. Совершенно ясно, что Макарий имел в виду именно это известие, когда утверждал, что монастырь основан до 1179 г. Однако остается неясным, имеем мы данные об одном или о двух разных монастырях. Трудно поверить, чтобы такой знаток, как Макарий, мог спутать Иоанна Богослова с Иоанном Предтечей.

Макарий говорит о Петропавловском женском монастыре, основанном около 1185 г. в Новгороде мирянами,²⁶ А. Ратшин — о Петропавловском, или Павловом, монастыре, основанном в 1092 г. новгородцами Лукиничами.²⁷ Неясно, идет ли здесь речь об одном монастыре и имеется ошибка в датировке, или о двух разных монастырях. Часто бывает трудно установить дату основания монастыря. Если монастыри, основанные князьями, обычно имеют такую дату, то другие вырастали из кельи отшельника, вокруг которой постепенно зарождалось общежительство. На материалах более позднего времени (XV—XVI вв.) этот процесс прослеживается достаточно отчетливо. Иногда за дату основания считали момент сооружения более или менее крупной патрональной церкви. Многие монастыри после разрушения, вызванного военными действиями или

²⁴ Т. III. СПб., 1889, с. 40—73.

²⁵ Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквях в России. Составлено из достоверных источников Александром Ратшиным. М., 1852.

²⁶ Макарий, митрополит. История русской церкви, т. III, с. 40—78.

²⁷ Полное собрание исторических сведений...; ПСРЛ, т. IV, с. 27.

какими-нибудь стихийными бедствиями, восстанавливались снова. Часто данные о начале монастыря просто не сохранились, и приходится говорить, что монастырь или церковь возникли раньше такого-то года, когда в них произошло то или иное событие, зафиксированное документально.

Специалисты уже давно интересуются историей, топографией и статистикой древнерусских монастырей. Е. Е. Голубинский утверждал, что в 18 городах Древней Руси с конца X в. по 1240 г. существовало 66 монастырей: в Киеве и Новгороде — по 17, во Владимире-на-Клязьме — 6, в Смоленске — 5, в Галиче — 1, в Чернигове — 3, в Полоцке — 3, в Ростове — 3, в Переяславле Южном — 2, во Владимире-Волынском, Переяславле-Залесском, Суздале, Муроме, Пскове, Старой Руссе, Нижнем Новгороде и Ярославле — по одному.²⁸ Митрополит Макарий с 988 по 1240 г. насчитал 85 монастырей.²⁹ М. Н. Тихомиров писал: «... количество монастырей в домонгольской Руси по очень неточным, заниженным сведениям летописей составляет 70».³⁰

Кроме данных летописей (Повести временных лет, Лаврентьевской, Троицкой, Ипатьевской, Новгородской первой и др.), житий и иных письменных источников, были широко использованы сведения митрополита Макария, Е. Е. Голубинского, А. Ратшина,³¹ В. В. Зверинского³² и Д. И. Прозоровского.³³ Учитывались данные, добытые археологами. Собранный материал был сведен в таблицы. Хотя накопленные данные в ряде разделов отличаются значительной фрагментарностью, они все же позволяют наметить определенные закономерности в истории церквей и монастырей домонгольской Руси.

В Киеве с X в. по 1240 г. были построены 44 церкви (в том числе 21 — князьями, 1 — боярами, 2 — духовенством и у 20 основатели неизвестны), которые имели

²⁸ Голубинский Е. Е. История русской церкви, т. 1, полумом 2, с. 746—763.

²⁹ Макарий, митрополит. История русской церкви. СПб., 1889. Т. I (988—1051 гг.), с. 191—204; т. II (1051—1147 гг.), с. 40—95; т. III (1147—1240 гг.), с. 40—73.

³⁰ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1946, с. 182.

³¹ Полное собрание исторических сведений... .

³² Монастыри в Российской империи. Составлено В. В. Зверинским. СПб., 1887.

³³ Новгород и Псков по летописям с дополнением по другим источникам. Составил Д. И. Прозоровский. СПб., 1887.

61 здание (считая и восстановленные после пожаров). Из них с датой основания — 31 (X в. — 7, XI в. — 13, XII в. — 10, XIII в. до 1240 г. — 1), не имеют даты — 13.

С X в. по 1240 г. в Киеве было основано 27 монастырей. Из них 12 имеют дату основания, 15 монастырей не имеют, а время их основания отсчитывается от даты первого упоминания. Если учитывать дату основания и дату упоминания, то в X в. было основано 7 монастырей, в XI в. — 12, в XII в. — 6, в XIII в. (до 1240 г.) — 2. Князья основали 12 монастырей, духовенство — 7 и у 8 основатели неизвестны.

О Новгороде Великом сохранились наиболее полные данные. С начала XI до середины XIII в. в Новгороде зафиксировано 85 церквей, которые за весь период, считая и восстановленные после пожаров, имели 122 здания. Из них с датой первой постройки — 60 (XI в. — 3, XII в. — 47, XIII в. до 1240 г. — 10), без даты первой постройки — 25. Из 122 церковных зданий духовенство построило 16, князья — 10, бояре — 3, миряне — 11, купцы — 2, строители и основатели 80 зданий неизвестны. Из 60 церквей, имеющих дату первой постройки, 3 были основаны в XI в., 47 — в XII в., 10 — в XIII в. (до 1240 г.).

Имеются основания утверждать, что приведенные данные не охватывают всех храмов, построенных в Новгороде с XI в. по 1240 г. По данным одного Синодального списка Новгородской первой летописи, с 1045 по 1236 г. в Новгороде построено и упоминается 72 церкви. По данным летописей, с 1045 по 1234 г. в Новгороде упоминается 22 пожара, 14 из которых были большими. Во время этих пожаров сгорело 82 церковных здания. Добавим, что с 1045 по 1712 г. в Новгороде зафиксировано 108 пожаров, во время которых сгорело 816 церковных зданий.

До середины XIII в. в Новгороде Великом было основано не менее 28 монастырей. Из них даты основания известны для 14 монастырей (XI в. — 1, XII в. — 10, XIII в. до 1240 г. — 3); для других 14 можно указать только дату первого упоминания. Из датированных годом первого упоминания и годом постройки к X в. относится 1 монастырь, к XI в. — 2, к XII в. — 21, к XIII в. (до 1240 г.) — 4 монастыря. Из 28 монастырей 7 были основаны представителями духовенства, 7 — князьями, 4 — боярами, 1 — мирянами и для 9 монастырей таких сведений найти не удалось.

Особо следует также выделить сведения о церквях и монастырях третьего крупнейшего города Древней Руси — Владимира-на-Клязьме. До середины XIII в. во Владимире, по письменным источникам и другим известиям, было основано 17 церквей (имевших 23 здания). Из них датированных — 11, недатированных — 6. Из датированных церквей 8 построено в XII в. и 3 в первой половине XIII в. 11 церквей были основаны князьями, 1 — духовенством и для 5 церквей сведений об их основателях нет. Кроме того, во Владимире-на-Клязьме можно насчитать не менее 8 монастырей. 4 из них имеют дату основания, для 4 других такой даты найти не удалось. 6 монастырей основаны князьями, для двух сведений об основателях нет.

Кроме трех названных городов, церкви зафиксированы еще в 51 населенном пункте (всего 118 церквей, 134 цер-

Таблица 2

Распределение церквей по городам и населенным пунктам Древней Руси (X в.—1240 г.)

Белгород	1	Овруч	1
Василев	1	Остерский городок	1
Витебск	3	Перемышль	1
Владимир Волинский	3	Переяславль Залесский	1
Великий Устюг	5	Переяславль Рязанский	1
Вщиж	1	(Новая Рязань)	1
Вышгород	1	Переяславль Южный	6
Галич	2	Полоцк	5
Городня	1	Псков	7
Гродно	3	Путивль	1
Давидгородок	1	Ростов	8
Дмитров	1	Рязань	5
Драгочин	1	Саррский городок	1
Егорьевск	1	Смоленск	9
Зарайск	1	Ладога	3
Игорево сельцо	1	Суздаль	6
Изяславль	1	Тверь	1
Канев	1	Торжок	1
Коломна	1	Торопец	1
Корсунь	1	Тмутаракань	1
Кострома	2	Углич	1
Лида	1	Холм	2
Луцк	1	Чернигов	6
Лучин	1	Юрьев Польской	1
Москва	1	Ярославль	3
Муром	4		
Новгород Нижний	4		

ковных здания). На четвертом месте по числу церквей стояли Смоленск, имевший не менее 8 церквей, и Ростов Великий — 8, Псков — 7, по 6 церквей имели Переяславль Южный, Суздаль и Чернигов, по 5 — Полоцк, Рязань и Великий Устюг, по 4 церкви было в Нижнем Новгороде и Муроме, по 3 церкви — в Старой Ладого, Витебске, Владимире Волинском, Гродно и Ярославле; в остальных было по 1—2 церкви (см. табл. 2).

Монастыри были основаны, помимо Киева, Новгорода и Владимира-на-Клязьме, в 41 населенном пункте. На четвертом месте опять находится Смоленск — 8 монастырей, на пятом — Ростов Великий, в котором было 6, по 4 монастыря имели Псков, Суздаль и Чернигов. В других городах было по 1, 2 и 3 монастыря. В 41 городе учтено 80 монастырей, из них 27 имеют дату основания.

Всего в 54 городах было 264 церкви, имевших 340 зданий, в 44 городах было 143 монастыря.

Однако это далеко не полные данные. Например, по городу Владимиру-на-Клязьме с 1120 по 1215 г. зарегистрирована постройка 17 церквей, а только за 42 года, с 1185 по 1227 г., сгорели 73 церкви (в 1185 г. — 32, в 1193 г. — 14, в 1227 г. — 27). Никак нельзя поверить, что в Киеве действительно было только 44 церкви, тогда как в Новгороде их было 85. Хорошо известно, что Киев был одним из крупнейших городов Европы и уж, конечно, больше Новгорода. Просто новгородское летописание лучше сохранилось и донесло до нас более подробные сведения о городе на Волхове. Совершенно невероятно, чтобы в одном из крупнейших городов юго-западной Руси — Галиче было только 2 церкви, во Владимире-Волинском — 3.

Есть все основания думать, что процент зафиксированных летописцами каменных зданий церквей XI—XIII вв. не столь высок. Как уже отмечалось, четвертое место по количеству каменных зданий церквей занимал Смоленск. В последнее время архитектурой древнего Смоленска занимались М. К. Каргер, Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт. Учитывая относительно хорошую изученность его в археологическом отношении, можно думать, что М. К. Каргер сумел отметить почти все каменные церкви города, выстроенные в домонгольское время (всего 8 церквей).³⁴

³⁴ Каргер М. К. Зодчество древнего Смоленска. (XII—XIII вв.). Л., 1964.

Нам удалось установить даты их постройки: 1) Успенский собор — 1101 г., 2) Богородицкая церковь — первая половина XII в., 3) Бориса и Глеба — 1145 г., 4) Иоанна Богослова — 1160—1180 гг., 5) Козьмы и Дамиана церковь — 1146 г., 6) Михаила Архистратига — 1158 г., 7) Михаила Архистратига в Смядыне — 1160—1180 гг., 8) Петра и Павла церковь — 1146 г.

Общее число церквей совпадает, но названия и даты их постройки совпадают не во всех случаях. Интересны сведения об обнаруженных развалинах каменных зданий домонгольского периода. М. К. Каргер пишет, что количество зарегистрированных руин древних каменных построек в Смоленске и его предместьях неуклонно растет. С. П. Писарев в конце прошлого века насчитал до 12 зданий, И. М. Хозеров в 1945 г. — 27, И. Д. Белогорцев в 1949 г. — около 30, а в 1952 г. — до 46. Эти постройки, к сожалению, раскрыты слишком фрагментарно и пока не могут быть интерпретированы с достаточной степенью убедительности.³⁵

Естественно, что не все каменные здания должны быть отнесены к церковным постройкам. М. К. Каргер приводит список руин в Смоленске и его пригородах, которые, по всей видимости, являются остатками церквей: 1) на берегу р. Чуриловки, 2) в верхнем течении р. Чуриловки, 3) у Пятницкого ручья, 4) у Троицкого монастыря на Кловке, 5) нескольких храмов у северной крепостной стены, 6) на Верхних холмах в городе, 7) на Протоке, 8) на Вылуповой улице, 9) около Окопской церкви, 10) на правом берегу Днепра, 11) на берегу речки Рачевки.

Хотя все перечисленные руины церквей не были тщательно обследованы и даты их оснований точно не установлены, М. К. Каргер относил их к домонгольскому времени. Напрашивается мысль, что, кроме 8 зафиксированных письменными источниками церквей, в Смоленске за полтора столетия было построено еще около 15 каменных церквей, т. е. летописец отметил постройку только $\frac{1}{3}$ храмов.

Сравнение данных летописей о числе построенных за определенный период церквей с летописными записями о количестве сгоревших за тот же период церковных зданий по Киеву, Новгороду Великому, Владимиру-на-

³⁵ Там же, с. 123.

Клязьме, Ростову Великому, Ярославлю и другим городам позволяет говорить о том, что летописцы фиксировали не больше $\frac{1}{3}$ всех возводимых культовых зданий.

Как уже отмечалось, наиболее полно сохранились известия о строительстве церквей в Новгороде. Однако сведения и по этому городу страдают неточностями и пропусками. Имеется большая группа памятников, которые впервые упоминаются в письменных источниках со второй половины XIII в. Вполне возможно, что они были построены в первой половине XIII в. Так, например: в 1272 г. на Торговой стороне, на Ильине улице, сгорела церковь Рождества Христова; под 1255 г. упоминается церковь Рождества Христова у Городища, под 1291 г. — церковь Рождества Христова на Владычном дворе; в 1291 г. на Прусской улице сгорел храм Введения богородицы. На Великой Варяжской улице на Торговой стороне во время большого пожара 1299 г. сгорело 4 церкви: св. Ивана (крестильня), Жен-мироносиц, св. Димитрия; Успения богородицы.

Точных данных о времени основания этих храмов найти не удалось. Неизвестно, когда были построены упоминаемые в некоторых источниках как существовавшие в домонгольское время церковь Двенадцати апостолов, находившаяся между Чудинцевой и Прусской улицами, Спаса на Городище близ Новгорода, церковь Флора и Лавра на Софийской стороне.

Собранные нами данные о древнерусских храмах и монастырях, вероятно, будут время от времени пополняться. Однако на значительное увеличение сведений о церковных зданиях Древней Руси надеяться особенно не приходится. Немного надежды и на то, что удастся обнаружить новые источники, ценные в интересующем нас аспекте. Ограниченны возможности археологии, ибо невозможно перекопать все древнерусские города... Чтобы ответить на вопрос, сколько же на самом деле могло быть церквей в домонгольское время, следует использовать метод интерполяции, на основе которого построить искомую модель.

Прежде всего необходимо уточнить число городов, которые существовали на Руси с X в. по середину XIII в. То, что в 54 из них находились храмы, нами было установлено достаточно точно. Но в других городах также были храмы и монастыри. М. Н. Тихомиров, основываясь на сведениях летописей, насчитал к 1238 г. в Древней

Руси 239 городов.³⁶ Из них в IX—X вв. основано 26 городов, в XI в. — 62, в XII в. — 120, в XIII в. — 31.

По мнению самого М. Н. Тихомирова, эти цифры сильно занижены, так как большое количество городов не отмечено пером летописца.³⁷ Во втором издании монографии Тихомиров приводит несколько иные данные.³⁸ В X в. было 25 городов. В XI в. появилось не менее 64 новых городов, и к концу века стало 89 городов. В XII в. возникло не менее 135 городов, так что к концу столетия было уже 224 города. В XIII в. (до 1237 г.) в источниках зафиксировано еще 47 новых городов, следовательно, всего 271 город.

Подводя итоги подсчетам, М. Н. Тихомиров писал: «Общее количество русских городов, таким образом, ко времени монгольского нашествия, вероятно, близко подошло к 300». В 1967 г. П. А. Раппопорт в специальном исследовании, посвященном определению основных характеристик древнерусского города, утверждал, что далеко не все населенные пункты, перечисленные в списке М. Н. Тихомирова, могут быть названы городами. По его мнению, в начале XIII в. на Руси было не более 100 городов.³⁹ По всей видимости, М. Н. Тихомиров привел наименования более или менее крупных населенных пунктов независимо от того, имели они статус города или не имели. Для нас вопрос этот не имеет существенного значения, так как в любом относительно крупном поселении, будь то город или село, имелись церкви.⁴⁰

³⁶ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. — Учен. зап. МГУ, М., 1946, № 99, с. 20—24.

³⁷ Археологические раскопки последних лет подтвердили предположение М. Н. Тихомирова. Были обнаружены и обследованы десятки населенных пунктов, крепостей и городов XI—XIII вв., которые не попали на страницы летописей и поэтому оставались неизвестными. Итоги работ археологов получают широкое отражение в специальной и массовой литературе.

³⁸ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Изд. 2. М., 1956, с. 15, 32, 36, 39, 41.

³⁹ Раппопорт П. А. О типологии древнерусских поселений. — КСИИМК, М., 1967, № 110, с. 3—9.

⁴⁰ Так, например, из «Жития преподобного Феодосия Печерского» достоверно известно, что в г. Курске в конце первой трети XI в., кроме соборной, было еще несколько церквей. Однако ни в одном источнике не сказано, сколько же их было и когда они были воздвигнуты. В эти же годы в Курске находились достаточно квалифицированные учителя, один из которых обучал Феодосия «божественному писанию» (Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 17).

Итак, попытаемся установить вероятное количество церквей, которые одновременно функционировали в различных городах Руси. Ответить на поставленный вопрос нам помогают сведения о пожарах, которыми пестрят летописи. В 1221 г. во время большого пожара в Ярославле, когда погорел «мало ни весь город», сгорело 17 церквей. В 1211 г. сгорел почти весь город Ростов Великий, во время пожара погибло 15 церквей. В конце XII—начале XIII в. во Владимире-на-Клязьме летописцами отмечены три крупных пожара. В 1186 г. сгорел почти весь город, и в том числе 32 церкви; в 1193 г. сгорела половина города и 14 церквей; в 1227 г. сгорела большая часть города и 27 церквей.

Особенно подробны сведения о пожарах, опустошавших Новгород. 4 августа 1134 г., во время пожара на Торговой стороне, сгорело 10 церквей; 23 апреля 1152 г. погорел весь Торг от Ручья до Славны и сгорело 8 русских и 1 варяжская церковь; осенью 1177 г. сгорела часть Неревского конца, где «сгоре» 5 церквей; летом 1194 г. во время больших пожаров сгорело 17 церквей; летом 1211 г. во время большого пожара сгорело 15 церквей; 31 мая 1217 г. сильный пожар сжег 15 церквей деревянных, а у нескольких каменных сгорели верх и притворы и т. д. При этом пожары вовсе не охватывали всего города, они уничтожали не больше 20—30% городских кварталов. Учитывая приведенные выше сведения о пожарах, включающие одновременно данные о количестве сгоревших церквей и размерах уничтоженной при этом части города, можно установить примерно общее количество храмов, функционировавших в данных городах. Получается, что в Ярославле в начале XIII в. было около 17—20 действовавших церквей, во Владимире-на-Клязьме в XII в. — 30—35, в Ростове Великом — 15—17, в Новгороде Великом на рубеже XII—XIII вв. — 40—50.

Ответить на вопрос о примерной численности населения городов Древней Руси довольно трудно, так как прямых данных нет, основываясь же на косвенных известиях, нельзя рассчитывать на точность ответа. Степень изученности данного вопроса весьма незначительна, Предложенные цифры населения некоторых городов следует рассматривать только как предварительные и ориентировочные. Нами были собраны и учтены встречающиеся в летописях данные о количестве жертв во время моровых поветрий,

о величине городских ополчений, о пожарах жилых кварталов (во время которых горели дома горожан), наблюдения археологов за ростом площади, занимаемой городом, и плотностью городской застройки. Таким же путем обычно идут демографы и статистики при определении городского населения в случае, если невозможно получить какие-либо другие, более точные данные.

Киев казался современникам одним из самых больших городов Европы. Адам Бременский называл его «соперником Константинополя», Титмар Мерзебургский, побывавший в нем в 1019 г., говорит, что ко времени смерти Владимира I «... в этом большом городе, составляющем столицу этого государства, имеется более 400 церквей и 8 рынков, народу же неизвестное множество».⁴¹

В Лаврентьевской летописи под 1092 г. записано, что во время эпидемии чумы в несколько месяцев (с 14 ноября по 1 февраля) было продано 7000 гробов и город после этого не опустел. Дружина князя Святополка, по словам Лаврентьевской летописи (под 1093 г.), достигала 700 человек, а в случае необходимости Святополк мог выставить 8000 воинов. В тексте нет прямых указаний на то, что имелось в виду, только ли ополчение города Киева, либо также и вспомогательные войска, собранные в Киевской земле. Судя по быстроте, с которой разворачивались события 1093 г., Святополк мог рассчитывать только на киевских горожан. Именно так понимал это место Лаврентьевской летописи М. Н. Тихомиров.⁴² Попытаемся реконструировать численность населения Киева в конце XI в., исходя из предпосылки, что город мог выставить 8000 воинов.

В специальной литературе прочно установилось мнение, что женская часть населения обычно всегда немного больше мужской. Это объясняется сложным комплексом биологических, социальных, политических, военных и иных факторов. Если даже допустить, что мужчины составляли 47% населения Древней Руси, то ошибка будет скорее в сторону завышения этой цифры. Необходимо учитывать также громадную детскую смертность, типичную для всех народов до начала XX в. Она неизбежно приводила к тому, что рождаемость стояла на весьма высоком уровне. Многочисленные летописные сведения XI—XIII вв. о со-

⁴¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1946, с. 23.

⁴² Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Изд. 2. М., 1956, с. 140.

ставе княжеских семей, известия фольклорных источников, документы делопроизводства XVI—XVII вв., отразившие структуру семей горожан и сельского населения, полностью подтверждают это положение. Число детей и стариков превышало половину мужской части населения. Мужчины, пригодные к военной службе, т. е. примерно от 17 до 35 лет, составляли не больше 20—25% всего населения. Так как в случае со Святополком мы имеем не тотальную мобилизацию, а обычную для того времени боевую операцию, то нельзя допустить, что было собрано все мужское население, способное носить оружие. В любом варианте город продолжал функционировать полнокровной жизнью. Замена ушедших воевать ремесленников-мужчин женщинами в те времена была практически невозможна. Изъято могло быть не больше половины или трети боеспособных мужчин, т. е. около 10—13% от всего населения города, которое должно было достигать 50—80 тыс. человек.

Памятники материальной культуры также говорят о больших размерах территории Киева. Чтобы воздвигнуть такие огромные сооружения, как храм Софии, Успенскую церковь Печерской лавры и другие при примитивной технике XI в., нужно было привлекать весьма большое число строительных рабочих.⁴³ Ведущее экономическое по-

⁴³ В 1037 г. Ярослав заложил «город великий Киев». При нем территория Киева увеличилась более чем в десять раз и достигла 400 га. Вал, окружавший Ярославов город, при высоте в 14—15 м протянулся на 3,5 км. По мнению инженеров-строителей, чтобы его построить, нужно было выкопать и насыпать около 650 000 м³ земли и потратить примерно 50 000 м³ древесины. Для выполнения этой работы, по самым скромным подсчетам, было затрачено не менее 1 200 тыс. человекодней (Логвин Г. Н. Киев, М., 1967, с. 23, 32). В настоящее время неизвестно, когда были завершены работы по созданию оборонительной системы Ярославова городка. Вероятно, они завершались поэтапно. Но ясно, что все эти грандиозные сооружения были построены еще до смерти великого князя в 1054 г. По-видимому, основная часть работ была выполнена к концу 40-х годов. За 10—12 лет, с учетом воскресных дней и праздников, ежедневно необходимо было привлекать не менее 400 рабочих. Одновременно, по словам Лаврентьевской летописи, в городе велись крупные строительные работы: были заложены церковь Святой Софии, церковь Богородицы Благовещения на Золотых воротах, создавались комплексы монастырей Св. Георгия и Св. Ирины. Для реализации грандиозных замыслов Ярослава Мудрого необходимо было одновременно использовать труд тысяч рабочих самых различных специальностей.

ложение древнего Киева могло базироваться только на труде значительной прослойки ремесленного люда. Высокхудожественные изделия киевских ремесленников были известны по всей Руси и далеко за ее пределами. Являясь крупнейшим торговым центром страны, Киев притягивал к себе купцов из многих стран.

Наконец, как политический центр «державы Рюриковичей», Киев манил бояр и князей с их дворами, воинов как славянского, так и иного происхождения, искателей заработка и приключений. Церковная столица Руси, древний Киев привлекал массы черного и белого духовенства, паломников и т. д. и т. п. Население Киева в период его расцвета (конец XI—начало XII в.) могло быть около 50—70 тыс. человек, а, возможно, и несколько больше.

Вторым городом страны был Великий Новгород. В 1016 г. Ярослав «избил славную тысячу» и в городе осталось еще около тысячи воинов. В поход на Киев Ярослав повел 3 тыс. новгородцев и тысячу варягов. В 1215 г. Ярослав Всеволодович обманом захватил под Торжком 2 тыс. новгородцев, и больше в городе воинов не осталось. В большой пожар 1211 г. в Новгороде сгорело 4300 дворов, во время голода 1230 г. было похоронено 6350 человек и т. д. Площадь средневекового Новгорода достигала 200 гектаров. На основании этих и ряда других соображений можно предположить, что в начале XI в. в Новгороде проживало около 5—10 тыс. человек, а в начале XIII в. — 20—30 тыс.

В первой трети XIII в. одним из крупнейших городов Руси был Смоленск. Историки не раз обращали внимание на запись Троицкой летописи под 1230 г., свидетельствующую, что во время «мора», продолжавшегося два года, в городе «створища» 4 скудельницы, в которые положили 8 тыс., 8 тыс., 7 тыс. и 9 тыс. трупов. Следовательно, за два года в городе умерло 32 тыс. человек, но он не опустел, хотя его экономическая мощь была сильно подорвана и каменное строительство прекратилось. По всей видимости, за два года население города пополнялось как за счет естественного прироста, так и за счет приезжающих из пригородов и окрестных сел и деревень. До эпидемии в Смоленске проживало не менее 30—35 тыс. человек.

О величине населения Владимира-на-Клязьме можно в какой-то степени судить по сообщению Лаврентьевской летописи под 1175 г. о том, что ополчение города, ушедшее

на очередную войну, составило полторы тысячи человек. Оставшаяся в городе часть боеспособных мужчин семь недель отбивала приступы врагов. Военные историки считают, что средневековые войны могли отвлекать около 10% населения. При таком расчете население Владимира в конце XII в. должно было составлять 15—20 тыс. человек. Ростов Великий был несколько меньше. В нем проживало в XII в. едва ли более 10—15 тыс., в Ярославле в начале XIII в. — около 10—12 тыс.

Насколько достоверны предложенные цифры? Динамика роста городов средневековой Европы дает примерно такие же показатели. Так, Париж, всегда бывший одним из крупнейших европейских городов, в начале XIII в. имел более 100 тыс. жителей, Страсбург в XIV в. — 20 тыс., Бремен в 1349 г. — 30 тыс., Франкфурт-на-Майне в XIV в. — 8 тыс.

Данные археологической литературы об итогах раскопок многих русских городов приводят к убеждению, что основные черты планировки и средняя плотность застройки сохранялись без существенных изменений в течение длительного отрезка времени.

Наиболее ранние достоверные демографические сведения о русских городах восходят к XVI в. Впервые они были собраны и обработаны Н. Д. Чечулиным в монографии «Города Московского государства XVI в.» (СПб., 1889). Истории средневекового русского города посвящено много исследований советских историков. Особенно велика заслуга в разработке этой темы М. Н. Тихомирова, который специально занимался численностью и составом городского населения Древней Руси.⁴⁴ Выводы, к которым он пришел, весьма близки к предложенным в данной работе.

Сопоставим численность жителей некоторых городов с количеством функционировавших в них одновременно церквей.

Город	Население (в тыс.)	Количество церквей
Новгород Великий	20—30	40—50
Владимир-на-Клязьме	15—20	30—35
Ростов Великий	10—15	15—17
Ярославль	10—12	17—20

⁴⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Изд. 2, с. 138—141.

В среднем получается, что один городской приход охватывал около 500 человек. Это подтверждается и другими данными.

Так, в течение ряда лет Государственный Эрмитаж производил раскопки в Старой Ладоге. Благодаря исследованиям В. И. Равдоникаса и Г. П. Гроздилова история этого древнего города Новгородской земли прослеживается довольно подробно. Ладога была сравнительно крупным населенным пунктом, имевшим большое торговое и военное значение. Но даже в пору своего наибольшего расцвета население города не превышало 2—3 тыс. человек. Согласно нашим предположениям, в городе должно было находиться не менее 5 церквей. Что же было на самом деле? До наших дней в крепости сохранился Георгиевский собор бывшего Георгиевского застенного монастыря. Дата его постройки точно неизвестна. Крепость была сооружена в 1114—1116 гг. повелением новгородского князя Мстислава Владимировича. Вероятно, тогда же был основан и монастырь с каменным собором св. Георгия. В 1153 г. новгородский епископ Нифонт построил «камену» церковь Климента, папы Римского. В середине XII в. была воздвигнута реставрированная ныне церковь Успения божьей матери. Раскопками удалось обнаружить фундаменты еще двух безымянных каменных храмов. Кроме того, недалеко от церкви св. Климента Г. П. Гроздилов выявил среди кладбища фундамент большого деревянного сооружения, которое, судя по некоторым данным, можно предположительно считать церковью. Если в городе в XII в. уже существовало 5 каменных церквей, то деревянных было, вероятно, еще несколько, так что наше предположение о размере городского прихода вполне допустимо.

Однако следует отметить еще одно важное обстоятельство. За две с половиной сотни лет, прошедших с момента крещения Руси до нашествия татаро-монголов, многие церковные здания возводились по нескольку раз. Летописные своды полны известий о перестройках храмов после очередного разрушения во время пожара. Так, из существовавших в Великом Новгороде с 988 по 1240 г. 85 церквей 58 строились по одному разу, 19 — по два раза, 6 — по три и 2 — по четыре раза, так что всего построено 122 здания.

Нельзя утверждать, что каждое новое церковное здание получило новый комплект книг, икон и другого необ-

ходимого имущества. Однако хорошо известно, что во время больших пожаров в церквях постоянно горели книги, а если их и удавалось вынести, то они все же часто погибли в море огня, истреблявшего целые районы древнерусских городов. Новгородские летописи сохранили много известий об этом. При восстановлении церкви после пожара неизбежно приходилось снабжать новый храм новым комплектом книг или дополнять погибшие экземпляры.

Подводя некоторые итоги, можно сказать следующее: 1) документально доказано существование в 54 городах с X в. по 1240 г. 340 церковных зданий; 2) проверка летописных записей наблюдениями археологов и перекрестная проверка другими летописными данными показала, что до нас дошли сведения примерно об одной трети древнерусских храмов в этих городах. Возможно, даже о меньшем количестве.

Отсюда следует вывод, что за 250 лет, с конца X в. по 1240 г., в 54 городах было «...устроено иконами многоценными и евангелиями многоценными и всеми книгами исполонь» (Новгородская первая летопись под 1127 г.) $340 \times 3 = 1020$, или, округляя, около тысячи церквей. Далее попытаемся определить, сколько храмов могло быть в других древнерусских городах, сведения о церквях в которых летописи не донесли. Как уже было отмечено выше, таких городов, по мнению П. А. Раппопорта, было $100 - 54 = 46$, а по оценке М. Н. Тихомирова — $271 - 54 = 217$. М. Н. Тихомиров, предлагая максимальный список древнерусских городов, включает и небольшие населенные пункты, число жителей в которых, по его мнению, «...редко превышало 1000 человек». В таком случае суммарное население этих 217 городов достигало примерно 250 тыс. При допущении, что приходы городских храмов в среднем составляли 500 человек, можно думать, что во всех этих городах функционировало около 500 храмов.

В минимальном варианте П. А. Раппопорта учитывались лишь те населенные пункты, которые отвечали всем требованиям, предъявляемым к городу с социальной, экономической, политической, военной, культурной и иных точек зрения. Естественно, что соответствовать таким требованиям могли скорее более крупные населенные пункты, чем те, которые учитывались М. Н. Тихомировым. В среднем в каждом из них должно было проживать не менее 3—5 тыс., а во всех 46 городах около 150 тыс. человек. При

той же численности прихода в городах, учтенных П. А. Раппопортом, могло находиться примерно 300 церквей.

Итак, суммируя сведения о количестве городских храмов, по которым имеются более или менее определенные данные, с реконструированным числом храмов по другим городам, о которых нет прямых сведений в письменных источниках, можно допустить, что во всех городах Руси до середины XIII в. было сооружено примерно 1300—1500 церквей.

Церкви в Древней Руси, естественно, находились не только в городах. Хотя современники и называли Русь страной городов, но все же подавляющая масса населения проживала в сельской местности. Огромные просторы страны, бездорожье, незначительная плотность населения не позволили бы городскому духовенству подчинить своему влиянию жителей сел и деревень. Многочисленные материалы, собранные за много лет археологами при раскопках сельских курганов на большой территории страны, бесспорно говорят о наличии повседневного непрерывного воздействия христианства на сельских жителей.

Сведения о сельских церквях и часовнях в нашей литературе совершенно отсутствуют. Молчат о них летописные своды и иные письменные источники. Археологические раскопки также едва ли когда-нибудь смогут внести ясность. По-видимому, то были маленькие деревянные церкви или даже часовни. Возможно, в них жили монахи, имевшие священнический сан, которые и совершали богослужение. Такие церкви были гораздо беднее городских, но, учитывая их большое число, следует предположить, что в них имелось в сумме относительно много книг. Хорошо известно, что в первые годы после принятия христианства храмы строились в городах, поближе к сильной княжеской власти. Но уже в XI в. церковь настолько окрепла, что начала проникать в отдаленные уголки. Христианство на Руси никогда бы не добилось успеха, если бы оно опиралось только на городских священников.

Е. Е. Голубинский высказывал предположение, что обыкновенные приходские церкви были исключительно деревянными.⁴⁵ В другом месте той же монографии он писал, что в домонгольский период церквями в России было «...вовсе не скудно» и «...их пропорция по отношению

⁴⁵ Голубинский, т. 1, полутом 2, с. 106.

к количеству населения была нисколько не меньше, если, например, не гораздо большая, чем в настоящее время в губерниях, наиболее обильных церквами».⁴⁶

Как правило, летописи сообщают о постройке только более крупных каменных церквей, сооружение которых было определенным событием в представлении современников. Иногда, правда, летописи упоминают о строительстве деревянных церквей. Так, например, есть прямые указания на то, что первые церкви, построенные в конце X в., были деревянные: «...повеле (Владимир, — Б. С.) рубити церкви».⁴⁷

Для того чтобы ответить на сложный вопрос о количестве сельских церквей в домонгольское время, необходимо предварительно рассмотреть по крайней мере три вопроса: 1) определить численность городского населения; 2) установить численность всего населения Древней Руси; 3) определить численность сельского населения.

В начале XVIII в., по данным первой ревизии (1722—1724 гг.), сельское население составляло 97%. В 1796 г. в городах проживало 4.1%. Даже в 1863 г. городское население европейской части России составляло только 9.94%. Если рассмотреть динамику численности городского населения Европы с X по XX в., то во всех странах заметна тенденция постепенного роста городского населения. Конечно, этот процесс был очень сложный, имелись периоды застоя, даже упадка (так, например, после Тридцатилетней войны 1618—1648 гг.), но общее направление — рост городов — остается незыблемым. Если принять за основу расчета число городов (271) и примерную численность их населения, предложенные М. Н. Тихомировым во втором издании его монографии, то общая численность городского населения Руси в начале XIII в. должна была приближаться к полумиллиону.⁴⁸ В варианте П. А. Раппопорта выпадает около 200 мелких городов, которые он не считает поселениями городского типа.⁴⁹ В таком случае численность городского населения будет достигать 300 тыс. человек.

⁴⁶ Там же, с. 3—4.

⁴⁷ Лаврентьевская летопись, под 988 г.

⁴⁸ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 42, 140.

⁴⁹ Раппопорт П. А. О типологии древнерусских поселений... с. 3—9.

Ответ на второй вопрос — об общей численности населения Древней Руси — пока еще в окончательном виде не сформулирован. Между тем этот вопрос имеет принципиальное значение для понимания многих сторон истории культуры Руси XI—XIII вв. Данные «первой» переписи 1678 г. были достаточно тщательно обработаны П. Н. Милюковым. Он утверждал, что население Московской Руси на этот год было не менее 6 573 345 человек.⁵⁰ Во втором издании своей монографии, учитывая неполноту и неточность сведений «переписи» 1678 г., он писал, что в конце XVII в. население России достигло 12—13 млн. (СПб., 1905). Я. Е. Володарский утверждает: «Общая численность населения в 1678 г. определяется округленно в 10,5 миллионов человек».⁵¹

Современные представления о динамике роста населения Европы с X по XVII в. сходятся на том, что в период средневековья население континента удваивалось примерно за 500 лет.⁵² Первые достоверные данные о населении России восходят к петровским ревизиям. На 1719 г. численность населения страны можно считать выясненной. Она равнялась 15,5 млн. Следовательно, в начале XIII в. население Руси должно было достигать примерно 7 750 000. По мнению А. И. Яковлева, население Руси в начале XIII в. равнялось 6—8 млн.⁵³

Авторитетный советский демограф-статистик Б. Ц. Урланис всесторонне раскрывает проблему населения раннефеодальной Руси.⁵⁴ Из его данных следует, что на территории Киевской Руси в 1100 г. проживало 6 млн. 201 тыс. человек, в 1200 — 6 млн. 990 тыс., а перед монгольским нашествием — несколько более 6—7 млн. Средняя плотность при этом также повысилась и составила приблизительно 5 человек на 1 км². Расчеты Б. Ц. Урланиса хорошо увязываются с динамикой населения Европы периода раннего средневековья. В настоящее время

⁵⁰ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1892, с. 274.

⁵¹ Володарский М. Е. Население России за 400 лет (XVI—начало XX в.). М., 1973, с. 25.

⁵² Страны социализма и капитализма в цифрах. М., 1966.

⁵³ Яковлев А. И. Холопство и холопы в Московском государстве в XVII в. Т. I. М.—Л., 1943, с. 198.

⁵⁴ Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе. М., 1941, с. 81—91.

они приняты большинством специалистов в области статистики и демографии.⁵⁵

На первый взгляд получается некоторое противоречие между величиной городского населения Древней Руси, определенной М. Н. Тихомировым (500 тыс.) и П. А. Раппопортом (около 300 тыс.), с одной стороны, и общими закономерностями роста городского населения средневековой Европы — с другой. Если даже взять среднее между числами, предложенными Тихомировым и Раппопортом, т. е. 400 тыс., то при общем населении России в начале XIII в. 6—7 млн. получится, что в городах перед татаро-монгольским нашествием проживало примерно 5,7% всего населения. А между тем, по данным переписи 1722—1724 гг., в городах России проживало только 3% населения. По-видимому, это противоречие объясняется разными системами подсчета. Переписи XVII—XIX вв. учитывали людей по сословным признакам. Огромная масса крестьян, составлявшая до 30—40% жителей городов, по сословному положению значилась как сельское население: многочисленная дворян в богатых городских усадьбах помещиков, оброчные крепостные крестьяне, пришедшие в город на заработки и через некоторое время снова возвращавшиеся в деревню. Реконструируя же размеры населения городов Древней Руси, мы учитывали всех проживавших в городе людей.

Итак, сколько же могло быть сельских храмов в Древней Руси? В основу подсчета положено утверждение, что сельские и городские приходы были примерно одинаковы и численность прихожан одной городской церкви составляла приблизительно около 500 человек, хотя более вероятно допустить, что сельские приходы были несколько меньше городских. Конечно, в жизни размеры прихода бесконечно варьировались и 500 человек — это только усредненная предположительная величина. В условиях севера и северо-востока страны, где плотность населения резко падала и, согласно Б. Ц. Урланису, едва ли поднималась больше 2 человек на 1 км², территория прихода могла достигать 250 км², или 50×50 км. В этом случае два ближайших храма размещались на расстоянии 50 км друг от друга. В районах экономически развитого юга и

⁵⁵ Авербух М. С. Законы народонаселения докапиталистических формаций. М., 1967.

юго-запада, где плотность поднималась до 6—7 человек на 1 км², площадь прихода сокращалась до 70—80 км², а расстояние между двумя церквями — до 8—10 км. Подобные расчеты довольно точно отражают состояние дел в московский период, что зафиксировано в писцовых книгах и других документах XV—XVII вв.⁵⁶

Итак, если признать, что население страны в начале XIII в. составляло примерно 7 млн., а в городах и населенных пунктах городского типа проживало около 400 тыс. (т. е. около 6%), то в сельской местности обитала основная масса населения — 6 млн. 600 тыс. (94%). При равных приходах сельское население должно было бы обслуживать 13 200 церквей. На окраинах государства, в нерусской среде и в районах кочевья церквей, конечно, было меньше, и общее количество сельских церквей следует ограничить 8—9 тыс.

Помимо городских и сельских приходских храмов, не следует забывать при нашем подсчете и количество церквей, находящихся в домах феодалов. Е. Е. Голубинский писал по этому поводу: «В Греции с древнего времени представлено было всякому желающему иметь для себя свою домовую церковь, пользуясь каковым правом, имели их большая часть знатных и вообще состоятельных людей... Они устраивались особыми небольшими зданиями на дворах. От греков обычай иметь такие церкви перешел к нам, русским. Мы не имеем положительных сведений,

⁵⁶ Материалы по истории народов СССР. Вып. 1. Писцовые книги Обонежской пятины. 1496 и 1563 гг. Л., 1930; Новгородские писцовые книги, т. I—IV. СПб., 1859—1910; Переписная книга по Новгороду Вотской пятины (1490 г.).—Временник Моск. о-ва любителей истории и древностей, кн. 11 и 12. М., 1851—1852; Гневущев А. М. Отрывок Писцовой книги Вотской. Вторая половина, 1504—1505 гг. Киев, 1908. Писцовых книг XVI и XVII вв. опубликовано довольно много. Описи церквей Вельского уезда 70—80-х годов XVII в. показывают, что небольшие северные сельские храмы, клир которых состоял из трех человек — попа, дьячка и пономаря, имели приходы (в среднем) из 100 душ мужского пола. Крупные храмы, при которых находились два священника, дьячок и два пономаря, охватывали довольно большую территорию с полсотней деревень, в которых проживало немногим более тысячи человек обоего пола. Учитывая, что население Руси от домонгольского времени к XVII в. выросло меньше чем вдвое, приходы XVII в. могут быть как-то сопоставлены с приходами XI—XIII вв. Скорее всего, приходы XI—XIII вв. были меньше (см.: Три описи церквей Вельского уезда XVII в. — Изв. Археол. о-ва, СПб., 1865, т. V, с. 128—130).

в какой степени был у нас распространен и силен обычай иметь эти церкви в период домонгольский, но есть вероятность предполагать, что он был распространен столько же, как это было в Греции. Иметь небольшую домовую деревянную церковь стоило столь же мало, сколько иметь во дворе лишнее строение: а так как дело, без сомнения, было поставлено таким образом, что домовая церковь была признаком знатности, то необходимо думать, что имели их не только все люди действительно знатные, но и все те, которые тянулись в знать, или, иначе говоря, что имели их весьма многие».

И далее: «Содержание одного священника стоило столько, сколько содержать одного лишнего лакея, и единственный действительный расход на него составляла плата за посвящение, то необходимо думать, что вообще домовых священников, или капелланов, имели если не положительно все, то по крайней мере наибольшая часть всех тех, которые в позднейшее время стали называться общим именем дворянства».⁵⁷

В подтверждение своего высказывания Е. Е. Голубинский приводит интересную грамоту константинопольского патриарха Германа II и с ним шести митрополитов Леону Киру, митрополиту Русскому (1228 г.). Грамота была обнаружена в Кормчей книге XVI в. В ней читаем: «Дошло до слухов нашего смирения, что некоторые в Русской стране приобретают куплею рабов, даже и пленников, и отдают их учиться священной грамоте (подразумевается: пленников, наперед крестив), и потом, когда придут в возраст, возводят их по чину к священнослужению, приводят их к епископам, но не освобождают их наперед от рабства, так что и после священного поставления иереи бесчествуются рабьим именем».⁵⁸ Для нас не столь важно, было ли это письмо адресовано митрополиту Леону или, как утверждал Востоков, митрополиту Кириллу (1221—1240).⁵⁹ Важно, что этот обычай, по-видимому, получил достаточное распространение, если слух о нем дошел до константинопольского патриарха, находившегося в то время в Никее. Как уже отмечалось, с точки зрения нов-

⁵⁷ Голубинский, т. I, полутом 1, М., 1901, с. 470—478.

⁵⁸ Там же, с. 472—473.

⁵⁹ Лавровский Н. О древнерусских училищах. Харьков, 1854, с. 50. Грамота опубликована: РИБ, СПб., 1908, т. VI, № 5, 1228 г., с. 79—81.

городских летописцев не было ничего удивительного в том, что в частных домах находились иконы и книги.⁶⁰

Как велико могло быть количество этих домовых церквей и молелен? Естественно, что в разных городах и в разное время оно было весьма различно. Много их должно было быть в крупных городах и преимущественно в самом Киеве, все боярские усадьбы которого, вроде летописного «Ольмина двора», имели свои церкви. В XI в., когда Киев действительно объединял огромную территорию, когда при дворе великого князя сосредоточивалось большое количество феодальной знати, число домовых церквей и молелен должно было достигать внушительных размеров, порядка нескольких сотен. Как уже отмечалось, Титмар, епископ города Мерзебурга, побывавший в Киеве вскоре после смерти Владимира Святославича, утверждал, что в Киеве имеется более 400 церквей.⁶¹ Лаврентьевская летопись сообщает, что в пожаре 1124 г. в городе сгорело «близь шести сот» церквей, а Никоновская летопись утверждает, что в пожаре 1017 г. в Киеве их погорело «яко до семи сот». Эти цифры всегда вызывали большое сомнение в их реальности, в них видели некое мифическое число, вроде «сорок сороков» церквей белокаменной Москвы. К слову говоря, «сорок сороков» московских храмов вовсе не гипербола. В XVII и XVIII вв. их число в Москве было так велико, что действительно приближалось к эпическому (1600). 400, 600, 700 — огромные цифры, совершенно невероятные для числа приходских храмов. Однако они могут быть приняты, если в состав церквей включить домовые молельни, которые должны были составлять значительный процент церквей Киева. Характерно, что столь большое количество церквей зафиксировано только для XI—начала XII в. и совершенно неизвестно для более позднего времени (от 1130 до 1240 г.). Усиление центробежных тенденций, став-

⁶⁰ Новгородская первая летопись под 1340 г. и др. Г. Котошихин утверждал, что в XVII в. этот обычай имел широкое распространение и, кроме того, что домовых священников содержали не только те, у которых были свои домовые церкви, но также многие из тех, кто их не имел. В этом случае домашние священники совершали церковные службы, за исключением литургии, в молельнях или в так называемых «крестовых комнатах» (Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. Изд. 4. СПб., 1906, с. 147).

⁶¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1946, с. 28.

шее более заметным с середины XII в., привело к возникновению феодальных полугосударств со своими столицами, с полунезависимыми удельными князьями и местным боярством. Киев, оставаясь номинально центром Русской державы, потерял свой прежний блеск и реальное политическое значение. Запустили боярские усадьбы, не таким пышным стал двор великого князя. Естественно, что резко сократилось число домовых церквей в боярских усадьбах. Зато количество их быстро возросло во Владимире, Новгороде, Пскове, Рязани, Галиче, Чернигове и других центрах княжеств, сосредоточивших многочисленную феодальную знать.

Учитывая значительно меньшие размеры столиц удельных княжеств по сравнению с Киевом, следует соответственно сократить для них число домовых церквей и молен. Если в Киеве, как мы предположили, было несколько сот церквей, то в каждой из столиц их насчитывали едва ли более сотни. Предположив, что на всей территории Руси за 250 лет была построена и снабжена книгами тысяча домовых церквей, мы, по всей вероятности, даже преуменьшим действительное их число.

Помимо приходских и домовых церквей, церковнослужебная и богословская литература находилась в монастырях и монастырских храмах. Как уже было сказано, в 44 городах и населенных пунктах удалось установить существование 143 монастырей. В каждом из них было не менее одной церкви, а в Киевском Печерском — даже 11 каменных, деревянных и пещерных храмов. Представляется, что соотношение зафиксированных и реально существовавших в домонгольское время монастырей далеко не такое, как в отношении церквей. Всех монастырей было едва ли больше трех сотен, а в них находилось 300—500 монастырских церквей. Сами по себе эти цифры не столь велики. Но, учитывая большое значение, которое имели тогда монастыри в деле производства и распространения книги, принимая во внимание то, что в монастырях создавались библиотеки и имелись так называемые келейные книги, т. е. книги, находившиеся в личной собственности монахов, число 300 представляется весьма значительным.⁶²

⁶² В XVI—XVII вв., когда население страны почти вдвое увеличилось по сравнению с XIII в., количество церквей и монасты-

Итак, подведем общие итоги. Количество городских приходских храмов Древней Руси (до 1240 г.) определено в 1300—1500, сельских приходских — 8—9 тыс., домовых молелен в усадьбах феодалов — 1000. Кроме того, примерно в 300 монастырях имелось не менее 300, а возможно, и большее число церквей. Таким образом, в Древней Руси функционировало примерно 10 тыс. церквей разных категорий.

* * *

Следующим важным вопросом, требующим решения, является вопрос о минимальном количестве книг, без которых церковь в XI—XIII вв. не могла функционировать.

В конце XIX—начале XX в. в библиотеках и иных книгохранилищах России были учтены следующие богослужебные книги домонгольского времени (всего 76 книг).⁶³

Евангелия («тетро» — полное четвероевангелие; «апракос» — избранный текст, расположенный по службам). 1) Остромирово, Новгород, 1056—1057, апракос, 294 л. Писал дьякон Григорий (ГПБ, Ф.п.1.5); 2) Архангельское, 1092, неполное по тексту, часть листов утеряна, сохранилось 178 л., писал Завид. Куплено в г. Архангельске (ГБЛ, Муз. № 1666); 3) Мстиславово, написано в Новгороде для князя Мстислава Владимировича до 1117 г. Алексеем, сыном попа Лазаря. В Константинополь для украшения оклада возил Наслав (ГИМ, Син., № 1203); 4) Юрьевское, написано для Новгородского Юрьева монастыря Федором Угринцем до 1128 г. (ГИМ, Син. № 1003); 5) Симеоновское (Добрилово), написано в Новгороде дьяком церкви Святых апостолов Константином Добрилою для священника церкви Иоанна Предтечи Симеона в 1164 г. (ГБЛ, собр. Румянцев, № 103); 6) Милятино (Демкино), написано в «голодное лето» (1215 или 1230 гг.) попом церкви святого Лазаря Демкою для Милятина Лукиничя (ГПБ, Ф.п.1.7); 7) Типографское XII—XIII вв. (вероятно, ЦГАДА, ф. 6-ки Моск. синод. типогр., № 1).

Кроме того, три евангелия сохранились в отрывках, в том числе Туровское XI в. (10 л.) (ЦБАН Лит. ССР, ф. 19, № 1), Новгородское (2 листа) и Ундольское — (2 листа).

Апостол. Ни полный текст (тетро), ни избранный (апракос) не сохранились. Дошел один список Апостола Толкового.

рей в городах Московской Руси было весьма велико. 27 мая 1575 г. Иоанн Пернштейн сообщал, что в России масса монастырей, которые встречаются через каждые 8—12 верст (Пернштейн И. Донесение о Московии. — ЧОИДР, М., 1876, кн. II, отдел I, с. 1—20). Сведений такого рода можно привести очень много.

⁶³ Голубинский, т. 1, полутом 2, с. 523—530.

Псалтири богослужебные (следованные). 1) Отрывок XI в.; 2) два списка XIII в. из Новгорода.

Паремийники. 1) Два списка относятся к XIII в. из 15 древних списков.

Служебники. 1) Антония Римлянина и Варлаама Хутынского (ГИМ, Син. № 604).

Требники. Имеются достаточно убедительные доказательства того, что в домонгольское время требники существовали, но сами списки не сохранились.

Устав (Студийский). 1) Типографский (XI—XII вв.); 2) Синопальный (конец XI—начало XIII в.) (ГИМ, Син. № 330).

Минеи (месячные). Сентябрь — 4 списка, из них 2 Типографские конца XI в., октябрь — 3 списка, ноябрь — 3 списка XII в., декабрь — 3 списка XII—XIII вв., январь — 4 списка XI—XIII вв., февраль — 3 списка XI—XII вв., март — полных списков нет, имеются фрагменты; апрель — 3 списка XI—XII вв., май — 3 списка XI—XIII вв., июнь — 3 списка XII в., июль — 2 списка XI—XII вв., август — 2 списка XI—XII вв.

Минеи (праздничные). 2 списка — XI—XII вв.

Триоды постные. 5 списков XI—XIII вв.

Триоды цветные. 2 списка XI—XII вв.

Стихирарь. 8 списков XI—XIII вв. (в XIX в. не употреблялись при богослужении).

Кондакарь. 3 списка с XI по XIII в. (в XIX в. не употреблялись).

Ирмологии. 1 список XII в.

Канонники. 1 список XII в.

Праздники. 1 список XII—XIII вв.

Н. В. Волков приводит другие данные.⁶⁴ По его подсчету, количество богослужебных книг, сохранившихся от домонгольского времени, — 88, из них евангелий — 20 штук, апостолов — 3, псалтирей — 3, псалтирей толковых — 4, паремийников не было, миней служебных месячных — 30, миней праздничных (трефологионы) — 1, стихирарей — 10, ирмологиев — 2, кондакарей — 4, триодей цветных — 8, триодей постных не было, уставов — 3 штуки.

Археографическая комиссия значительно пополнила данные Н. В. Волкова. На 1966 г. число богослужебных книг, датируемых XI в. — 1240 г., достигло 145 единиц, из них евангелий — 42, апостолов — 8, псалтирей — 7, миней служебных, месячных и праздничных — 41, октоихов — 1, стихирарей — 19, ирмологиев — 4, кондакарей — 5, триодей цветных — 8, триодей постных — 4, паремийников — 2, служебников — 3, требников — 1.⁶⁵

⁶⁴ Волков, с. 51—94.

⁶⁵ Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв. — Археогр. ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 187—200.

Изучение Паннонской биографии Кирилла и Мефодия, известий экзарха Иоанна Нестора и других приводит к убеждению, что славянские просветители перевели на церковнославянский чтения из Евангелия и Апостола (апракос), а также Псалтирь, Часовник, Паремийник, Литургию, Чины, Праздничные каноны Дамаскина и Козьмы. Все эти книги вместе с принятием христианства перешли в русскую церковь. По мнению крупнейших знатоков русской церкви, при Ярославе были переведены службы избранным святым, написанные Феофаном Никитским в 857 г. и Иосифом Константинопольским песнопевцем в 887 г., Триодь Феодора и Иосифа Студита. В конце XI в. написаны службы Феодосию, Георгию, Борису и Глебу. С 1053 г. в русской церкви утвердилось «сладкогласие» — пение по 8 гласам. С XI в. была известна литургия Иоанна Златоуста и Василия Великого. С 1037 г. Ярослав Мудрый установил праздник Георгию Победоносцу, с 9 мая 1092 г. отмечался праздник Николы в связи с переносом его праха из Мирры Ликийской в Бар. В 1160 г. Андрей Боголюбский «открыл мощи» ростовских святителей Леонтия и Исая и установил им праздник. С 1 августа 1164 г. был установлен праздник поклонения кресту Христову. Кроме того, на Руси чтили Ольгу, Владимира, Антония, Никиту Новгородского.⁶⁶ Всем им были написаны службы, молитвы, которые должны были находиться в церквях и монастырях.

Церковный устав требовал обращать самое серьезное внимание на поучительную деятельность монахов и попов. Старшим братьям постоянно предписывалось поучать своих младших братьев (этим, в частности, объясняется тот факт, что деятельность подобного рода занимала значительное место в жизни Феодосия Печерского). В связи с этим требованием необходимо предположить наличие в древнерусских монастырях и отчасти в приходских церквях большого количества учительных книг.

Как известно, содержание и ход церковной службы определяются Уставом, так называемым Типиконом. Под 1051 г. в Лаврентьевской летописи помещено «Сказание о начале Печерского монастыря». Там отмечено, что Фео-

⁶⁶ Филарет, епископ Рижский. Богослужение русской церкви домонгольского времени. — ЧОИДР, М., 1847, № 7, ч. 1, Исследования, с. 1—42; Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.

досий ввел в своей обители устав греческого Студийского монастыря, который он списал у чернеца Михаила, монаха этого монастыря, прибывшего в Киев с митрополитом Георгием. После незначительной переработки и перевода этот устав вскоре был принят всеми монастырями Древней Руси. Просуществовал Студийский устав до XV в., когда его заменили Иерусалимским. В разделах, касающихся церковных служб, оба устава оставались основным документом, регламентирующим богослужение в монастырских и приходских церквях.⁶⁷

Ни в догматах веры, ни в обряде богослужения существенных отличий между этими уставами не имелось, за исключением того, что в настоящее время служба во всех церквях одина, а в древности служба в кафедрально-епископских и монастырских церквях была несколько длиннее, чем в приходских. Впрочем, бóльшая торжественность богослужения в кафедральных соборах имеет место и поныне.

В настоящее время при православном богослужении, согласно Типикону, необходимы нижеследующие книги: Служебник, Евангелие, Псалтирь следованная или Часовник, Минеи (общая, следованная, месячная), Часослов, Апостол. Для службы в дни великого поста (от недели Мытаря и Фарисея до пасхи), кроме указанных книг, требуется Триодь постная, а для служб от пасхи до троицы — Триодь цветная. Всенощное бдение представляет соединение вечерни и первого утреннего часа. Для совершения служб желательны, но не обязательны: Стихирарь — сборник стихир и Ирмологий, который состоит из праздничных ирмосов. Если отсутствует Часовник или Октоих, их легко можно заменить Псалтирью следованной.

⁶⁷ Наиболее ранний «Устав монастырский церковного служения» датируется XII в. (ГПБ, Соф., 1136), см.: Мансветов И. Д. Церковный устав. СПб., 1885, с. 391—392 и др. Старший список Устава Студийского восходит к концу XII в. (ГИМ, Син. № 330); Красносельцев Н. Ф. Толковал службу и другие сочинения, относящиеся к объяснению богослужения в Древней Руси до XVIII в. — Православный собеседник, Казань, 1878, май, часть II, с. 3—43. Грек Георгий был третьим Киевским митрополитом. Он прибыл на кафедру в 1071 г. Следовательно, Студийский Устав утвердился на Руси с 70-х годов XI в. (Строев П. Б. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, раздел «Митрополиты Киевские»).

Все перечисленные книги представляли собой максимум, используемый при богослужении. Они были хорошо известны в Древней Руси и сохранились в списках XI—XIII вв.

Сложнее обстоит вопрос с Требником и Служебником. Требник был необходимой книгой для приходского священника. Он предназначался для обслуживания бытовых нужд верующих и содержал молитвы чисто утилитарного характера, как то: охранительные молитвы от сильного дождя, града, от засухи, червей, на освящение нового дома, на спуск корабля, на рождение младенца и т. д., и т. п. Требник был нужен для совершения различных религиозных таинств, вроде таинства крещения, брака и других религиозных треб. Большое значение имел также Служебник, содержащий тексты ряда служб.

Необходимость в этих книгах, и особенно в Требнике, возрастала в связи с тем, что на протяжении XI—XIII вв. русское духовенство вело ожесточенную борьбу с двоеверием, еще пронизывавшим многие сферы личной и общественной жизни прихожан. Выражаясь современным языком, священнику приходилось не только вести агитацию перед сотнями или десятками прихожан с церковного амвона, но и проводить настойчивую, повседневную, «пропагандистскую» работу с каждым отдельным верующим, обслуживая его личные, конкретные религиозные потребности. Подобную форму пастырской деятельности духовное начальство всячески поощряло, ибо только таким путем можно было выкорчевать двоеверческие обряды и представления, которые не сдавались без боя. Практика показала, что методы администрирования или военных операций против двоеверцев не приносили успехов.

В греческом церковном обиходе существовал Евхологион, который явился неким единством Служебника и Требника. С принятием христианства эта книга должна была перейти на Русь. Ни в оригинале, ни в переводе Евхологион не мог удовлетворить русского священника в его богослужебной практике и не получил широкого распространения на русской почве. «Пропагандистская» форма деятельности могла быть эффективной только в том случае, если духовенство очень тонко учитывало запросы и настроения прихожан и немедленно на них реагировало. Не случайно все сохранившиеся списки поздних требников чрезвычайно разнятся между собой. Они отлича-

ются не только репертуаром молитв и исповедальных вопросов. Даже внутри одних и тех же молитв не было единообразия. Жестокое канона здесь не существовало, и на основании практики XVII в. можно думать, что и в более раннее время каждый священник по своему вкусу и исходя из своих задач подбирал нужный репертуар молитв.

Необходимо также отметить еще два обстоятельства, связанные с судьбой бытования этих книг. Во-первых, кто видел рукописные требники и служебники XVI—XVIII вв., тот хорошо знает, что это обычно очень затрепаные книжицы маленького формата. Во-вторых, занимаясь историей русской книги XVI—XVII вв., мы просмотрели описи книжных собраний почти двух сотен храмов, церквей и монастырей Московской Руси. При этом выявилась определенная закономерность. В описях маленьких сельских церквушек служебники и требники не указаны. Встречаются они только в собраниях крупных церквей и монастырей. Невозможно предположить, чтобы сельский священник мог обходиться без этих книг. Объяснение этой загадки оказалось довольно простым. Практика XVII—XX вв., владельческие записи на сохранившихся требниках и служебниках, сам характер формирования корпуса этих книг говорят о том, что они почти всегда находились в личной собственности священнослужителей.

Сохранилось единственное летописное указание на то, что и во второй половине XIII в. Требник находился в личной собственности священника. Ипатьевская летопись под 1288 г. сообщает, что князь Владимиро-Волынского княжества Владимир Васильевич вложил в основанную им Георгиевскую церковь в г. Любомле молитвенник, который купил у протопопины за 8 гривен кун. Сборник молитв — это Требник, или «Потребник», как говорили в Древней Руси. Видимо, у протопопины скончался муж и она распродала имущество умершего. Можно быть совершенно уверенным в том, что книга принадлежала ее мужу, ибо, находясь она в собственности прихожан, продавать ее князю было бы слишком рискованно.

Служебники и требники зафиксированы в русской церковной практике с XI в. Наиболее ранним является Служебник первой половины XI в., написанный глаголицей на старославянском языке (БАН. 24.4.8, сохранился в отрывке). Первым сохранившимся русским Служебни-

ком следует считать известный Служебник Варлаама Хутынского конца XII в. (ГИМ, Синод, собр., № 604). XI веком датируется лист Требника, написанный глаголицей на болгарском языке (ГПБ, глаг. 3; вся рукопись хранится в Синае). Концом XIII в. датируют Требник на сербском языке из собрания ГПБ (Q.п.1.14), XIII веком — на болгарском, в коллекциях ГБЛ (собр. Григоровича, № 33/М. 1716). К началу XIV в. относится Требник на сербском языке из ГПБ (Гильф., 21). Древнейший Требник на русском языке, написанный кириллицей, сохранился от первой половины XIV в. (ГИМ, Чудн. № 5).

Легко объяснить, почему уцелело весьма мало списков этих богослужебных книг. Небольшие, часто исползуемые книжки, находившиеся чаще всего в личной собственности священников, требники и служебники и не могли сохраниться в большом количестве. Кроме того, их неунифицированность исключала их долготеление.

Есть все основания утверждать, что порядок и объем богослужения по Иерусалимскому уставу примерно так же соблюдались и в домонгольское время, по Студийскому уставу.

Итак, предельный минимум для приходской или домашней церкви составляли следующие книги.

1. Евангелие апракос (в рукописях «апрокос», «опрокос», «пракос» от греч *απραχος* или *απραχτος* — недельный, праздничный), представляло собой выбор («изборы») евангельских чтений в порядке богослужения — по праздничным дням и дням недели. В дальнейшем употребляется Тетраевангелие, или Четвероевангелие.

2. Апостол апракос — т. е. выбор чтений из апостольских посланий в богослужебном порядке.

3—4. Евхологион — сборник служб и молитв. Вероятно, с конца XI в. вместо него начали употреблять отдельно Служебник и Требник.

5. Псалтирь следованная, расположенная в порядке богослужебного употребления, или Часовник.

6. Триодь постная, содержащая песнопения, главным образом великого поста.

7. Триодь цветная, содержащая песнопения пасхи и следующих недель, кончая пятидесятницей.

8. Минея общая, содержащая общие службы святым.

В соборных, а также кафедрально-епископских и монастырских церквах количество книг было несколько

больше. Сверх числа необходимых для приходских храмов, там должны были находиться следующие книги.

9. Стихирарь (нотный, со «знаменными крюками») — сборник повседневных стихир на весь год, содержащий песнопения, главным образом великого поста.

10. Воскресный Октоих («Осьмигласник»), содержащий воскресные службы «восьми гласов» — восьми главных церковных напевов.

11. Шестоднев, содержащий песнопения будних дней недели («седмицы»), еще не разделенные на восемь гласов.⁶⁸

12. Ирмологий, содержащий праздничные ирмосы.

13. Паремийник, содержащий положенные на праздничные дни чтения из Ветхого и отчасти Нового завета.⁶⁹

14—25. Минеи месячные — песнопения всех дней месяца (памяти святых и праздники), числом 12 по числу месяцев.

26. Типикон (церковный устав) — определял состав, порядок и чин церковных богослужений на каждый день года, указывал праздники и посты на целый год, содержал правила монастырской жизни.

Кроме того, в монастырях должно было находиться большое количество книг церковно-учительных для душеспасительного чтения. Так, например, во время трапезы полагалось читать Четьи-Минеи, сборники житий святых, расположенные по дням месяцев, всего 12 книг.

Ясно, что от точности ответа на вопрос о минимуме богослужебных книг на одну приходскую церковь в XI—XIII вв. зависит достоверность общих выводов работы. Если реконструированная теоретическим путем величина книжного фонда одной приходской церкви домонгольского времени соответствовала реальности, то все построение получает прочную базу.

Против определенного нами минимума богослужебных книг можно выдвинуть три основных возражения. Первое можно сформулировать примерно так. Установленное ко-

⁶⁸ Старейший сохранившийся список Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского датируется 1263 г. Написан на сербском языке (ГИМ, Син. № 345).

⁶⁹ Наиболее древний из сохранившихся списков Паремийника датируется концом XII—началом XIII в. (ГБЛ, собр. Григоровича, № 2/М. 1685). Написан на болгарском яз. Наиболее ранний русский список — 1271 г. (ГПБ, Q, п.1.13).

личество является не минимальным, а оптимальным. Если тех или иных книг не хватало, обходились без них.⁷⁰ Конечно, трудно, даже невозможно представить, что все до одной церкви были всегда полностью укомплектованы книгами. На практике дело наверняка обстояло не так. За все время существования церкви библиотека ее, содержащая богослужебные и иные книги, все время пополнялась.

В Ипатьевской летописи под 1288 г., в некрологе князю Владимиру Васильковичу Волинскому, скончавшемуся 10 декабря, имеется исключительно интересная запись о его книжных вкладах в церкви и монастыри. Это первое в русской библиографии описание книг и окладов.

В г. Кременец, в Благовещенскую церковь, он вложил Евангелие апракос, окованное серебром, Апостол апракос, Паремийник, «Сборник отца своего»; в г. Бельск — иконы и книги; в г. Владимир-Волинский «списа святого Димитра»; в епископскую церковь списал Евангелие; в церковь св. Богородицы вложил Апостол апракос и оковал серебром, молитвенник «Сборник отца своего»; в «свой монастырь Великий» — Апостолы, Евангелие апракос; в г. Перемышль, Епископскую церковь — Евангелие апракос (сам списал) и оковал серебром и жемчугом; в г. Чернигов, Епископскую церковь (собор Спаса Преображения) послал Евангелие апракос, золотом писанное, и оковал серебром и жемчугом, а в серебре — Спас с финифтью.

Князь создал много новых церквей, в том числе в г. Любомле (Люблин) основал и богато украсил каменную церковь св. Георгия, для чего списал Евангелие апракос и оковал его золотом и жемчугом и Денсуса на нем украсил кованной из золота «великой цатой с финифтью чудно видением», «другое Евангелие апракос волочено оливаром и цата возложена на него с финифтью, а на ней святые мученики Глеб и Борис»; Апостол апракос, Прологи 12 месяцев, в которых изложено житие святых отцов, Миниев 12 месяцев списал; Триодь цветную, Триодь постную, Ермологий (Ермолай), Служебник св. Георгия, Молитвы вечерние и утренние. Кроме того, вложил «особь молитвенник», который купил у протопопины и «...дал на нем 8 гривен кун».

⁷⁰ Так, например, Н. В. Волков допускает возможность существования в церкви одной-единственной книги — Евангелия (Волков, с. 18).

В Берестье (Брест) поставил церковь св. Петра, вложил в нее Евангелие апракос, списанное им и окованное серебром.

Итак, более чем в 8 церквей князь вложил не менее 50 книг, причем только в одну церковь Георгия в г. Любомле Владимир Василькович пожертвовал 34 книги. Всего вложено было значительно больше экземпляров, так как отмечались только наиболее дорогие по оформлению книги, а также те, в переписывании которых принимал участие сам князь. Следует учитывать, что многие из перечисленных церквей были построены раньше, и вклады Владимира Васильковича только обогатили их библиотеки. Список Ипатьевской летописи примечателен в двух отношениях. Во-первых, он отражает реальный, а не гипотетический состав богослужебных книг одной церкви. С точки зрения летописца, вновь отстроенная церковь Георгия, для того чтобы функционировать, должна была иметь как минимум 34 книги 11 названий. С другой стороны, проясняются пути комплектования церковных библиотек. Одни книги были написаны самим князем, другие были им заказаны, третьи поступили из княжеской казны как наследство от отца князя, Василька Романовича, и, наконец, «особь молитвенник», по всей видимости, весьма нужный для священника Требник, был куплен у протопопины.

В 1127 г. князь Всеволод Мстиславич заложил в Новгороде на Торговице, на Опоках, во имя своего сына каменную церковь Рождества Иоанна Предтечи. В 1130 г. она была закончена. Исключительная для XII в. по высоте, церковь получила в народе название «Ивана Великого». Это событие летописец описал следующими словами: «Се князь великий Гавриил, нареченный Всеволод, самодержец Мстиславец внук Володимир ... поставил ... церковь святой великий Иван на Петрятине дворище и устроил есмь ее иконами многоценными, и евангелием многоценным, и всеми книгами исполонь».⁷¹

При первом знакомстве с этим и другими аналогичными текстами может показаться, что сам факт «устройства книгами исполонь» именно потому и попал на страницы летописей, что был исключительным явлением. Но

⁷¹ Новгородская первая летопись. М.—Л., 1950. Приложение третье, с. 508.

такое предположение было бы ошибочным. Летописец писал о наиболее богатых, выдающихся для своего времени постройках, интерьеры которых были «изукрашены» «дивными» иконами, драгоценной утварью и книгами. О библиотеках рядовых храмов он не писал потому, что их состав был привычный и не привлекал внимания.

Второе возражение против установленного минимального количества книг, необходимых для богослужения, заключается в следующем. Еще Е. Е. Голубинский утверждал, что в XI—XIII вв. на Руси встречались малограмотные или совсем неграмотные священники, которые могли исполнять всю службу наизусть, свободно обходясь без книг. Е. Е. Голубинский почему-то считал, что гораздо легче выучить все тексты, необходимые для богослужения, чем научиться грамоте.⁷²

Вопрос о том, что легче, выучить ли несколько тысяч страниц или научиться читать, оставим на совести Е. Е. Голубинского. Известны случаи, когда отдельные лица, обладавшие исключительной памятью, могли заучивать наизусть большое количество текста. Однако это требует огромного труда и доступно далеко не каждому. О том, что в XVIII в. действительно встречались малограмотные священники, имеются достаточно определенные показания письменных источников.⁷³ Сторонники подобных взглядов обычно ссылаются на известные высказывания о малограмотности русских священников XV и XVI вв., сделанные архиепископом Новгородским Геннадием и Стоглавым собором.⁷⁴ Однако имеется интересный документ начала XII в. — церковный Устав князя Всеволода Мстиславича, в котором сказано, что если «... поповский сын грамоте не умеет», то он превращается в изгоя.⁷⁵ По объяснению Калачева, термин «изгой» состоит из корня «гой», что означало в древнерусском само состояние бытия, жизни («ой ты, гой еси» означало «будь здоров»), и приставки «из». Изгоем в Древней Руси называли человека,

⁷² Голубинский, т. I, подтом 1, с. 474—481.

⁷³ Розанов Н. История Московской епархии. Ч. 2, кн. 1. М., 1870, с. 69.

⁷⁴ АИ, т. 1, № 104, с. 147; Стоглав. СПб., 1863, вопрос 6 — с. 43, ответ — с. 93—94.

⁷⁵ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974, с. 136—146; Памятники русского права. Вып. II. М., 1952, с. 164.

выбитого из жизни, отпавшего от своего сословия, потерявшего с ним связь, изгнанника. По «Русской Правде», об этих людях, потерпевших неудачу на жизненном пути, должна заботиться церковь, на обеспечении которой они и находились.⁷⁶ На основании двух авторитетных памятников — Устава Всеволода и «Русской Правды» можно сделать довольно обоснованное предположение, что случай с поповским сыном, не знавшим грамоты, был исключительно редким явлением.

Если неграмотность в домонгольское время превращала поповского сына в изгоя, закрывала перед ним возможность унаследовать профессию своего отца, исключала возможность стать священником, то, следовательно, грамотность была совершенно необходимым условием для получения священнического сана.

Наконец, имеется еще одно, третье возражение, которое не раз делалось автору. Были церкви, в которых служба совершалась редко и поэтому в них вообще можно было обойтись без своего комплекта богослужебных книг. Например, ссылаются на церковь Николая на Липне в Новгороде. Туда в случае совершения богослужения книги привозились из расположенного недалеко Юрьева монастыря. Даже в XVI в. знаменитый, богато украшенный Покровский собор в Москве (Василий Блаженный) не имел своих книг и для богослужения их приходилось брать из кремлевских соборов. Однако хорошо известно, что Покровский собор был скорее памятником взятия Казани, чем собором для пышных богослужений. Его столпообразные храмы очень малы и неудобны для массовых служб, которые совершались в нем всего 9 раз в году. Известно также, что в московское время церкви часто образовывали некие «кусты», в которые входили два храма — старый и новый или летний и зимний, а также колокольня. Из описей церковных библиотек XVII в. известно, что новая церковь, построенная возле старой, не сразу обзаводилась положенным по штату количеством книг. Какое-то время в ней пользовались книгами из старого храма. Но этот случай является исключением, подтверждающим данное правило. Конечно, вполне возможно, что какое-то очень небольшое количество церквей некоторое время не имело своих библиотек. Основная тенденция, проходящая через все сред-

⁷⁶ Правда Русская. Т. II. М.—Л., 1947, с. 48—57.

невековье, заключалась в том, что основатели церквей, духовенство и прихожане стремились украсить свой храм иконами, утварью, книгами. Это желание подогревалось не только требованиями Студийского устава, но и всей системой пронизанных религией взглядов средневековья.

Конечно, было бы очень интересно найти описи церковных или монастырских библиотек XI—XIII вв., но, кроме сообщения Ипатьевской летописи о вкладыях князя Владимира Васильковича, подобных описей нет, и мало шансов найти их в будущем.⁷⁷ Как известно, самая ранняя из подобных описей — опись библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря — восходит к концу XV в.⁷⁸ XVI век дал уже несколько десятков таких описей, а от XVII столетия их сохранилось несколько сотен. Ознакомление с ними дает основание полагать, что установленный нами список минимума богослужебных книг, имевшихся в одной церкви Древней Руси, вполне реален.

Особенно интересными представляются данные, опубликованные пермским краеведом В. Шошенко.⁷⁹ Материалы В. Шошенко касаются территории Чердынского и других уездов, расположенных в предгорьях Северного Урала. В первой половине XVII в. это были медвежьи углы, освоение которых русскими только начиналось. В. Шошенко приводит 35 описей книг маленьких деревянных церквей, недавно срубленных в глухих лесах севера. Едва ли уровень развития этих весьма отсталых в начале XVII столетия районов был много выше среднего уровня развития Киевской Руси. Можно думать, что в каком-то отношении эти величины сопоставимы.

Ни в одном случае минимум книг, зафиксированный описями В. Шошенко, не был ниже 7—8 единиц на одну церковь. В это число входили следующие богослужебные книги: 1) Евангелие напрестольное, 2) Евангелие толковое, 3) Апостол, 4) Триодь цветная, 5) Триодь постная, 6) Псалтирь, 7) Минея общая, 8) Полууставье.

⁷⁷ Не совсем понятно, что именно имел в виду А. А. Говоров, когда писал: «До нас дошли списки книг, которые продавались в некоторых Киевских монастырях» (Говоров А. А. История книжной торговли. М., 1966, с. 35—36).

⁷⁸ Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря в конце XV в. СПб., 1897.

⁷⁹ Шошенко В. Пермская летопись с 1263 по 1881 г. (Период второй, 1613—1645 гг.). Пермь, 1882, с. 145—409.

В описях книг церковных библиотек Чердыни, Усоля Камского, Кунгура, ближних и дальних погостов вокруг этих городов обращают на себя внимание по крайней мере три обстоятельства: 1) почти во всех церквях находилось по два евангелия — одно более или менее богато украшенное напрестольное (Тетраевангелие) и второе, Толковое, которое употреблялось при богослужении; 2) почти во всех храмах встречалось Полууставье; 3) почти ни в одном приходском храме описи не зафиксировали служебники и требники. Не следует удивляться этому. Составители описей вносили в них только «государево имущество», а находившиеся в личной собственности священника служебники и требники не подходили под эту рубрику.

Попробуем теперь сравнить два списка: минимум богослужебных книг, составленный на основе предписаний Студийского и Иерусалимского уставов (I), и практический минимум книг в одной приходской церкви (II) в первой половине XVII в. в глухих лесах за Чердыню:

I

1. Евангелие апракос
2. Апостол апракос
3. Триодь постная
4. Триодь цветная
5. Минея общая
6. Псалтирь следованная
7. Служебник
8. Требник

II

1. Евангелие тетр напрестольное
2. Евангелие толковое
3. Апостол
4. Триодь постная
5. Триодь цветная
6. Минея общая
7. Псалтирь
8. Служебник
9. Требник
10. Полууставье

Как показывает богослужебная практика первой половины XVII в., в наиболее бедных храмах минимальное количество книг было все же на две единицы больше, чем в предложенном нами минимуме для XI—XIII вв. Разница заключалась в напрестольном Тетроевангелии и Полууставье. В прямом смысле слова Полууставье не входит в число богослужебных книг, так как по нему не служат. Однако для священника отдаленной церкви оно было совершенно необходимо, так как являлось руководством к действию. В домонгольское время его функции заменял перевод греческого Типикона или какие-то выписки из Устава Киевского Печерского монастыря, ставшего, как известно, образцом для всех русских обителей. В сокращенном виде, в разделах, определяющих порядок богослу-

жения, Устав Киевского Печерского монастыря был пригоден и для приходских священников. Полууставье возникло из русских комментариев к греческому Типикону, определяющему порядок богослужения в монастырских и приходских храмах. Другими источниками его были известные «Ордо» патриарха Филофея и «Чин» митрополита Киприяна. Следует предположить, что небольшая книжица с текстом Устава должна была находиться в приходских храмах Древней Руси.⁸⁰

Особо нужно остановиться на роли напрестольного Евангелия. Хотя евангельские тексты священник читает не так часто, Евангелие занимает исключительное место среди всех церковных книг. Передавая рассказы четырех евангелистов о земной жизни Христа, оно является святой святых христианства, символизируя собой православную церковь. В церквях Московской Руси, как и в настоящее время, без напрестольного Евангелия храм так же немислим, как без антиминса. Не случайно во всех описях церковных и монастырских библиотек XV—XVII вв. напрестольные евангелия перечисляются вместе с остальными священными предметами храма, а затем идут книги, в число которых входят толковые евангелия, употребляемые при богослужении. Безусловно, особое значение Евангелие имело и в домонгольской Руси. В наиболее ранних летописных текстах при перечне церковных книг Евангелие почти всегда выделяется особо — «книги и евангелия».⁸¹ Иногда отмечается, что евангелия были окованы золотом и серебром, украшены драгоценными камнями.⁸² Одно из древнейших сохранившихся евангелий — Мстиславово — является непревзойденным образцом ювелирного дела и миниатюрного письма Древней Руси. Н. В. Волков насчитывает до 22 новгородских списков евангелий, относящихся к XI—XIII вв. (от XI в. — 1, от XII в. — 8, от XIII в. — 13 списков). Это составляет более $\frac{1}{6}$ всех сохранившихся богослужебных книг XI—XIII вв. (124 экз.) и гораздо больше, чем уцелело экземпляров любых других церковнослужебных и церковнопевческих книг (апостолов — 5, паремийников — 5, псалтирей — 6, ирмосов — 2,

⁸⁰ Наиболее ранний из всех сохранившихся списков — Устав монастырский церковного служения (XII в. ГПБ, Соф., 1136. На русском языке).

⁸¹ Новгородская первая летопись, под 1240 г.

⁸² Ипатьевская летопись, под 1288 г.

кондакарей — 5, октоихов — 1, прологов — 3, служебников — 4, обиходов — 1, тресбников — 1, уставов церковных — 4 и т. д.).⁸³

Остается неясным, было ли в домонгольских церквях по два евангелия — одно напрестольное и одно служебное, или одно напрестольное было одновременно и служебным. Скорее всего, крупные соборы и монастырские храмы имели по несколько экземпляров Евангелия, а приходские храмы успешно обходились одним списком.

Т. Н. Протасьева утверждает, что установленный нами минимум богослужебных книг не может обеспечить богослужения, и предлагает дополнить его Октоихом и Часословом.⁸⁴ С этим трудно согласиться. Дело в том, что в церковной практике Часослов и Октоих могут быть заменены Псалтирью следованной. Октоих используется при более пышном и длительном богослужении в монастырях и крупных соборах. Для таких церквей он необходим. В приходских храмах без этих книг можно обойтись.

В заключение придется все же признать, что предложенный исходный минимум в 8 книг для приходской и домово́й церкви и 26 книг для монастырского и кафедрального храма вполне могут быть приняты за основу рабочей гипотезы для установления примерного порядка числа книг, находившихся в обращении в Древней Руси.

На основании изучения состава реально сохранившихся древнерусских книг от середины XI в. до середины XIII в., анализа книжных фондов Московской Руси XVI—XVII вв. можно утверждать, что книги, бытовавшие на Руси в домонгольское время, принадлежат к трем большим группам: 1) богослужебные книги; 2) религиозные четьи; 3) полусветская и светская литература.

Состав первой группы определить нетрудно. По репертуару она самая малочисленная. В нее входили апостолы, евангелия, псалтири, минеи, триоди, стихирари, ирмологии, кондакари и некоторые другие. Книги из этой группы дошли до наших дней в списках XI—XIII вв. По числу экземпляров первая группа — самая крупная, составлявшая большинство книг всего фонда Древней Руси. Книги данной группы бытовали, «жили», как говорили в Москов-

⁸³ Волков, с. 17—19.

⁸⁴ Цит. по: Жуковская Л. П. Сколько книг было в Древней Руси? — Русская речь, 1971, № 1, с. 76.

ской Руси, в городских и сельских приходских храмах, в монастырях, в молельнях.

Вторая группа, включавшая религиозные книги для чтения, — более богатая по составу, но меньше первой по числу экземпляров. Границы ее очерчиваются менее четко. К ней относились минеи четьи, сборники, прологи, златоустники, патерики, агиографические сочинения, творения отцов церкви и толкования на них. Группа эта все время росла как по репертуару, так и по количеству экземпляров. В этом заключалось одно из отличий второй группы от первой, которая росла только за счет увеличения числа экземпляров и не изменялась по содержанию. Церковно-учительная — «четья» литература находилась в княжеских библиотеках, в собраниях владык православной церкви, в крупных городских соборах. Основными центрами ее концентрации были монастырские книгохранилища.

Наконец, третью группу составляли книги светского содержания. Она была самая сложная по составу и наименьшая по числу экземпляров. Книги третьей группы были в наибольшей степени подвержены превратностям судьбы и хуже всего сохранились. Изменчив был состав книг этой группы. В нее входили сборники, палеи, хронографы, летописи, измарагды, юридические сочинения вроде «Русской Правды», памятники светской литературы, такие как «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», княжеские родословцы. Состав книг этой группы во многом зависел от вкусов и интересов владельца. С его смертью собрание рассыпалось, а книги, устарев морально, приходили в ветхость. Литература светского и полусветского содержания бытовала в княжеских и других частных собраниях, в монастырских библиотеках. В городских и сельских приходских храмах она, по-видимому, попадалась редко.

Определить число книг мирского содержания, находившихся в обращении в домонгольское время, весьма трудно. Специально занимавшийся этим вопросом М. Н. Тихомиров считал, что, по всей вероятности, письменность в Древней Руси была развита гораздо больше, чем это принято думать. «Она, — писал М. Н. Тихомиров, — не являлась достоянием духовенства и феодалов, а имела значительно большее распространение. ... Литература Древней Руси... не носила того одностороннего церковного характера, кото-

рый ей нередко приписывали». ⁸⁵ В данном случае он имел в виду работу В. М. Истрина, который доказывал, что почти вся древнерусская литература была основана на чужом, готовом материале. ⁸⁶

Исходя из широты распространения грамотности в русских городах XI—XIII вв., М. Н. Тихомиров пытался выделить фрагменты светской литературы, уцелевшей от той поры. В заключение он писал, что гражданская литература по числу книг явно уступала церковной, но все же существовала. ⁸⁷

В конце XIX в. Н. А. Волков выявил 708 русских, сербских и болгарских пергаменных рукописей XI—XIV вв. Из них богослужебных оказалось 470, четых — 218 и не связанных с церковным обиходом — 20. ⁸⁸ «Указатель» Н. В. Волкова показывает, что процент четых и особенно мирских книг в XIII и XIV вв. повышается по отношению к XI—XII столетиям. Примерно такое же соотношение получается по списку Археографической комиссии. ⁸⁹

Имеются основания полагать, что соотношение сохранившихся богослужебных и четых книг домонгольского времени (24 : 11) в какой-то степени отражает их действительное соотношение в XI—XIII вв. Но отношение первых двух групп к третьей (24 : 11 : 1), выведенное по уцелевшим рукописям, не может отражать действительную картину, имевшую место во времена Древней Руси. Вероятно, и абсолютное, и относительное число книг светского содержания было более значительным.

* * *

Учитывая все вышеизложенное, попытаемся ответить на вопрос об абсолютных размерах книжного фонда Древней Руси. Так как любая реконструкция всегда несет в себе

⁸⁵ Тихомиров М. Н. Городская письменность в древней Руси XI—XIII вв. — ТОДРА, М.—Л., 1953, т. XIX, с. 51.

⁸⁶ Истрин В. М. Очерки истории древнерусской литературы домонгольского периода XI—XIII вв. Пг., 1922, с. 15.

⁸⁷ Тихомиров М. Н. Городская письменность в древней Руси XI—XIII вв., с. 66.

⁸⁸ Волков, с. 51—96.

⁸⁹ Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., с. 187—271.

определенный элемент гипотетичности, предложим два варианта: 1) минимальный и 2) оптимальный.

1. В 54 городах с XI в. по 1240 г. зафиксировано 264 церкви, имевшие 340 зданий. В 44 городах документально доказано наличие 143 монастырей. Считая, что одна приходская церковь нуждалась как минимум в 8 богослужебных книгах, а одна монастырская — в 26, получим $(340 \times 8) + (143 \times 26) = 6438$. При соотношении трех групп книг 24 : 11 : 1 общий размер фонда — 10 500 книг. Из летописных данных следует, что даже в больших городах была отмечена постройка не более одной трети каменных культовых зданий. С учетом данной поправки число книг с XI в. по 1240 г. можно считать равным 31 500. При таком подсчете неучтенными оказались все сельские храмы, большое количество приходских церквей в городах, моельни на дворах феодалов, личные книжные собрания князей, духовных владык, горожан.

2. При оптимальном варианте результат будет иным. Если считать, что с X до середины XIII в. на Руси было построено и снабжено книгами около 10 000 церквей, в том числе примерно 300—500 церквей в монастырях, то для богослужения в них как минимум нужно было иметь 90 тыс. книг. С учетом четвей и светской литературы все книжные богатства Древней Руси следует определить в 130—140 тыс. томов. С точки зрения автора, это оптимальная, а далеко не максимальная величина книжного фонда Руси X—середины XIII в. Принимая эту схему гипотетического восстановления книжных богатств Древней Руси за основу в качестве рабочей гипотезы, ряд специалистов предложили свои уточнения и дополнения.⁹⁰ Так, в 1971 г. Л. П. Жуковская посвятила специальную статью данной проблеме.⁹¹ Признав наши выводы близкими к истине, она предложила свою схему определения величины книжных богатств Древней Руси. Сущность ее рассуждений сводится к следующему. От XI в. сохранились

⁹⁰ Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. IV Международный съезд славистов. М., 1958, с. 38; Порре А. *Kultura pismienna dawney Rusi.—Slavia orientalis*, Warszawa, 1972, vol. XXI, N 4, S. 376; Рыбаков Б. А. *Просвещение*. — В кн.: *Очерки русской культуры XIII—XV вв.* Т. II. М., 1969, с. 170.

⁹¹ Жуковская Л. П. Сколько книг было в Древней Руси, с. 73—80.

33 книги, в том числе 9 евангелий, от XI—XII вв. уцелело 135, в том числе 27 евангелий, от XI—XIII — 300 рукописей, из которых 100 евангелий. Если, пишет Л. П. Жуковская, до XIII в. на Руси было построено не менее 10 тыс. церквей, то для них было написано не менее 10 тыс. евангелий, из которых сохранилось 100, т. е. 1%. До наших дней сохранилось 190 книг, созданных до 1240 г. При том же проценте сохранности до середины XIII в. могло быть создано не менее 19 000 богослужебных книг.

В предпосылках рассуждений Л. П. Жуковской вкрадась одна неточность. Сохранность евангелий совершенно иная, чем остальных богослужебных книг. В средневековой Руси Евангелие занимало совершенно особое место в ритуале православного культа, что обеспечило евангелиям лучшую сохранность. Сохранность других книг была значительно более низкой.

Проблемами реконструкции книжного фонда Древней Руси автор данной работы начал заниматься около 20 лет назад, когда еще не были известны ни берестяные грамоты, ни список Археографической комиссии. Исследования, проводимые два десятилетия археологами, литературоведами, историками искусства и культуры, все время раскрывают новые стороны богатства книжной культуры Древней Руси. Тем самым позиции автора получали все новые и новые подтверждения, а высказываемые им положения из категории возможности перешли в категорию вероятности и приближаются к достоверности.

Глава III

ПРОИЗВОДСТВО РУКОПИСНЫХ КНИГ, ИХ ЦЕНА И СТОИМОСТЬ В XI—XIII вв.

До настоящего времени не дошли сведения о ценах на книги в домонгольское время. Насколько известно, никто не пытался эти цены реконструировать. Бытующее до сих пор представление о весьма высокой цене средней по оформлению книги Древней Руси по сути дела пока еще никем не обосновано. Между тем этот вопрос имеет большое историко-культурное значение. Определив, с допустимой степенью точности, себестоимость и цену русской рукописной книги XI—XIII вв., можно более или менее уверенно представлять круг лиц, которые могли владеть книгой, наметить социальную дифференциацию распространения книжной культуры в домонгольское время.

Сохранилось только два упоминания о цене древнерусских книг, да и то одно из них косвенное. Известно, что до 1117 г. сын попа Лазаря Алекса списал для новгородского князя Мстислава Владимировича так называемое Мстиславово евангелие. Затем по распоряжению Мстислава княжий тиун Наслав возил книгу в Царьград для украшения оклада. После возвращения из Царьграда Наслав оказался в Киеве, где местные ювелиры «... окончили все дело месяца августа в 20 (день)». Трудрами византийских и русских мастеров оклад, украшенный золотом, серебром, драгоценными камнями и финифтью, превратился в уникальное произведение ювелирного искусства. Рассказав историю создания памятника, автор приписки 1125 г. патетически написал: «Цену же евангелия сего един бог ведае».¹ Княжеский уполномоченный На-

¹ Евангелие апракос Мстиславово, начало XII в. (ГИМ, Син. № 1203); Филимонов Г. Археологическое исследование по памят-

слав не мог не знать фактической суммы, в которую княжеской казне обошлось Евангелие. Складывалась она из стоимости израсходованных на «строение» книги материалов (пергамен, серебро, золото, драгоценные камни), заработной платы переписчику Алексею Жадену, писавшему золотом, художнику, греческим и киевским ювелирам, а также из суммы денег, которые были выданы Наславу на его вояж из Новгорода через Киев в Царьград и обратно. Однако автор приписки прекрасно понимал, что перед ним лежало выдающееся произведение искусства, цена которого далеко не соответствует арифметической сумме затрат на его изготовление. Вследствие этого цены на уникалы, шедевры были всегда необычайно высоки, но, находясь в зависимости от моды и вкусов той или иной эпохи, относительны и субъективны.

Второе указание, касающееся цены книг, относится к середине XIII в. Князь Владимира-Волынского Владимир Василькович вложил в основанную им Георгиевскую церковь в г. Любомле молитвенник, который купил у протопопины за 8 гривен кун.²

С самого начала следует отметить, что такие совершеннейшие произведения искусства, как «Остромирово евангелие» (1056—1057 гг.), «Изборник» Святослава Ярославича (1073 г.),³ роскошные книги, о которых говорится в некрологе Владимира Васильковича, и другие, не дошедшие до наших дней, не могут идти в расчет. Цена на такие книги была несравненно выше цен обычных богослужебных и четких книг того времени. В распоряжении исследователя все же имеется определенная сумма информации, на основе которой можно более или менее убедительно реконструировать стоимость рядовой книги домонгольского времени.

Основными денежными единицами Древней Руси были гривна серебра и ее фракции. В. Л. Янин разработал принятую в настоящее время среди нумизматов де-

никам. Оклад Мстиславова евангелия. Разбор древнейших финифтей в России. М., 1861; С и м о н и П. К. Мстиславова евангелие начала XII в. в археологическом и палеографическом отношениях. СПб., 1910, с. 2, 3; Р ы б а к о в Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 392—393.

² Ипатьевская летопись, под 1288 г.

³ Евангелие апракос Остромирово (ГПБ, Ф. п.1.5); «Изборник» Святослава (ГИМ, Син. № 31-Д).

нежно-весовую шкалу Древней Руси. Он выделил две системы веса денежной гривны — северную и южную. Внутри этих систем весовые соотношения были относительно стабильны и сохранялись в неизменности с конца X до середины XIII в.⁴

Северная система

$$\frac{1 \text{ гривна}}{(51,19 \text{ г})} = \frac{20 \text{ ногатам}}{(1 \text{ ногата} = 2,56 \text{ г})} =$$

$$= \frac{25 \text{ кунам}}{(1 \text{ куна} = 2,05 \text{ г})} = \frac{50 \text{ резанам}}{(1 \text{ резана} = 1,02 \text{ г})}$$

Южная система

$$\frac{1 \text{ гривна}}{(81,86 \text{ г})} = \frac{20 \text{ ногатам}}{(1 \text{ ногата} = 4,09 \text{ г})} =$$

$$= \frac{25 \text{ кунам}}{(1 \text{ куна} = 3,28 \text{ г})} = \frac{50 \text{ резанам}}{(1 \text{ резана} = 1,64 \text{ г})}$$

Вес гривны серебра в XII в. колебался около 200 г. Одна гривна серебра равнялась 4 гривнам кун, которые были денежно-счетными единицами. Одна гривна золота считалась в десять раз дороже гривны серебра.

Специалисты историки и нумизматы пытались переводить деньги домонгольского периода по курсу рубля начала XX в. Так, например, в учебнике для вуза по истории СССР читаем, что гривну X—XI вв. можно приравнять к 7 р. 13 к. — 8р. 30 к. по курсу рубля начала XX в. Более поздняя гривна стоила меньше: 6 руб., а в XII в. даже около 3 р. 32 к.⁵ По-видимому, такие переводы крайне неточны, ибо курс рубля складывается из множества факторов, часть которых имеет весьма опосредованное влияние и трудно поддается математическому учету. Для того чтобы лучше представить реальную цену книги, следует сопоставить ее с ценой товаров того же времени. Более сложных расчетов делать, видимо, и не стоит, так как в этом случае слишком большое место будут занимать субъективные элементы.

Себестоимость книги складывалась из стоимости материала (пергамена, красок и т. д.) и оплаты труда переписчика, переплетчика.

⁴ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, с. 150, 160, 203, 204.

⁵ История СССР. Под ред. Б. Д. Грекова. Т. 1. М., 1948, с. 99.

Раскопки в северных русских городах, особенно в Новгороде и Пскове, убедительно доказали широкое распространение кожевенного и сапожного производства в домонгольское время. Автору настоящей работы пришлось под руководством Г. П. Гроздилова участвовать в раскрытии крупной сапожной мастерской в Пскове, которая датировалась XII в. Десятилетние раскопки в Пскове позволяют сделать твердый вывод, что Древняя Русь, по крайней мере ее городские обитатели, не была «лапотной». Ни одних лаптей в домонгольских слоях Пскова обнаружено не было, хотя условия для сохранности лыка там идеальные. Аналогичные выводы можно сделать на основе материалов Новгородской экспедиции Академии наук, с которыми автору удалось познакомиться.

Древнерусские кожевники прекрасно владели разными технологическими приемами выделки кожи. Исследованиями образцов кожи из древнего Полоцка занимался Г. В. Штыхов. Прodelав большое количество химических анализов полоцкой кожи X—XIII вв., Г. В. Штыхов утверждает, что «...наиболее важные показатели химического анализа древнеполоцкой кожи в общем близки к показателям, характерным для современной юфти».⁶

По общепринятому мнению, технология производства пергамена в Древней Руси отличалась простотой и не была связана со значительными затратами на оборудование и химикалии. По-видимому, оно могло быть налажено в любых необходимых масштабах. Сырьем для производства пергамена могли служить шкуры молочных телят, а также овец, коз, жеребят и других животных. Судя по древнерусскому названию «телятина», опоек был наиболее распространенным сырьем для производства пергамена. Весь процесс обработки сводился к мездрению, разминанию кожи и просушиванию ее на рамах в тени с последующим выглаживанием.

Изучение большого количества русских пергаменных книг XI—XIII вв. позволило восстановить приемы, которыми пользовались древнерусские переписчики, подготавливая пергамен к письму.

⁶ Штыхов Г. В. Опыт исследования древнеполоцкой кожи. — Сов. археология, 1963, № 4, с. 240—246.

Промеры книг установили, что принятая ныне в библиографической литературе практика определения формата пергаменных книг «в лист», «в четверку» и т. п. не совсем правильна. Эти определения были перенесены на пергаменные рукописи позднее, по аналогии с книгами на бумаге. В последнем случае указанные форматы вполне конкретны, ибо они исходят из определенного размера листа бумаги, принятого в XVI и XVII вв. При описании пергаменных рукописей такие характеристики формата книг теряют конкретное содержание. Формат будущей книги выбирал сам переписчик. Если он писал книгу на продажу, то теоретически ничем не был связан в выборе размераготавливаемой рукописи. Если он писал книгу по заказу, то, вероятно, зависел от вкуса заказчика. Из шкуры практически можно было выкроить любые куски. Промеры десятков русских книг XI—XIII вв. показывают, что никакого стандарта не было. Просто наиболее крупные рукописи считают обычно размером «в лист». Срезы полей при переплетах и позднейших реставрациях также не могли разрушить некий стандарт, если бы он был на самом деле. Система определения рукописи в сантиметрах, которой придерживалась М. В. Щепкина, описывая рукописи ГИМ, является более прогрессивной.⁷

После выбора размера книги писец или кто-либо другой, если работала корпорация, разрезал выделанные шкуры «телятины» на нужные листы. Затем он размечал лист с учетом, что впоследствии лист будет складываться вдвое. Для этого при помощи линейки мастер наносил проколы на краях листа. О том, что при разметке использовалась линейка или какой-то другой измерительный инструмент, говорит строгая выдержанность принятых размеров. Ошибки в разметке не больше 0,5—1 мм. Такой точности при разметке на глаз достичь нельзя. Иногда, правда, мастер допускал ошибки. Так, например, встречались вертикальные линии, сбитые на 5—6 мм вправо или влево, но это была именно случайная ошибка при устойчивой системе точных разлиновок.

⁷ Щепкина М. В., Протасьева Г. Н., Костюхина Л. М., Голыщенко В. С. Описание пергаменных рукописей ГИМ. Ч. 1. Русские рукописи.— Археогр. ежегодник за 1964 год. М., 1965, с. 135—231.

Рассматривая проколы в лупу, можно заметить, что наносились они двумя разными инструментами. Одни проколы представляют собой небольшие четырех- или трехгранные отверстия и, вероятно, были нанесены тонким, острым шилом. Другие проколы делались тонким и также очень острым инструментом типа современного ланцета. Затем по проколам проводились линии, отбивающие поля («берега», как говорили в древности) и линейки для письма. По своему расположению последние напоминали систему линовки в современных школьных тетрадах в линейку. Вертикальные и горизонтальные линии, отбивающие поля, всегда доходили до краев листа. Часто вертикальные и горизонтальные поля отбивались двумя линиями. Как правило, нижнее поле было всегда больше верхнего. Напрашивается предположение, что книжный мастер придерживался тех же принципов, что и иконописец. Две полосы, отмечающие поля, как бы повторяли две линии «лузги» иконы, которая отделяла ковчег от поля. На древнерусских иконах нижнее поле всегда больше верхнего.

Обе половины двойного листа линовались сразу. Линию наносили путем вдавливания специальным металлическим либо костяным инструментом. Рабочий край инструмента был не острый, так как он выдавливал в пергамене линию толщиной до 0.5 мм. Бороздка продавливалась довольно глубоко, образуя на обороте валик, который хорошо прослеживается. Если пергамен был слишком толст или груб и на обороте след был плохо заметен, мастер его усиливал, линуя лист с оборотной стороны. При этом на просмотр линии совпадали. Однако подобная двойная линовка делалась редко. Графили все листы подряд, даже те, на которые затем помещали миниатюры. Объяснить такую практику можно тем, что было неизвестно, сколько листов займет тот или иной текст, так как трудно было рассчитать плотность письма переписчика.

Судя по изображениям пишущих апостолов на миниатюрах домонгольского времени, писец заполнял отдельные листы, которые после просушки складывались пополам в тетрадки по 8 (или четыре двойных) листов. Эта традиция дожила до наших дней — современный объем тетрадок в книгах 16 страниц. Стандарт — 8 или 4 двойных листа — иногда нарушался. Изредка встречаются тетради по 3 двойных и даже 2 двойных листа.

Писец писал по одной линейке, очень тщательно выдерживая высоту букв. В тех случаях, когда одну книгу писало несколько человек и их почерка очень разнятся, высота букв все же сохранялась. Различия проявлялись в ширине букв и особенностях начертания. Так как лицевая и оборотная стороны листа имели одну линию, то на просмотр строки точно совпадают.

Сперва переписчик подбирал тетради и наносил текст на левую половину одного двойного листа, затем другого, третьего и четвертого. После этого он должен был перейти к правой половине четвертого листа, затем третьего, второго и, наконец, первого. Вероятно, это было довольно сложным процессом, так как нужно было тщательно следить за порядком листов. Может быть, именно этим объясняются те непонятные филологам явления, когда в древних русских списках текст бывает перепутан. Обычно подобную перестановку листов объясняют тем, что тот или иной лист выпал и его вложили не на место.

Пергамен — настолько добротный материал, что из середины переплетенной книги даже теперь листы не выпадают. Тем более они не выпадали раньше, когда харатья еще не пересохла и не ломалась. Конечно, можно предположить, что для облегчения переписывания тетрадки как-то скреплялись и писец писал всю тетрадку подряд. Но против такого, казалось бы, вполне логичного предположения можно выдвинуть три возражения. Во-первых, на сохранившихся пергаменных рукописях XI—XIII вв. не удалось обнаружить следов предварительного брошюрования. Во-вторых, на древнерусских миниатюрах не видно, чтобы писец писал целую тетрадку или книгу. В-третьих, практика работы писцов кооперациями была возможна только в том случае, если книга переписывалась по частям. Если бы писцы по очереди вписывали свой текст в одну книгу, то никакой выгоды от такой работы ожидать было бы нельзя. Пока трудно сказать, каким путем писец не сбивал нумерацию страниц.

Когда весь текст был переписан, мастер подбирал двойные листы в тетради, тетрадки в книгу. Затем с торца по стороне перегибов, аккуратно сложив и выровняв тетрадки, переплетчик делал два угольных надреза, через которые пропускал две веревки, скрепляющие тетрадки между собой и с переплетом. Технология переплета древнерусских книг почти до мелочей совпадает с той, ко-

торая применяется ныне при ручном переплете. Порядок заполнения текстом страниц сохранился и при типографском способе производства книг вплоть до Петра I.

Соотношение площадей, занятых в древних рукописных книгах под текстом и под полями, характеризует отношение мастера к ценности используемого им писчего материала. Это хорошо видно из табл. 3, в которой отражены данные, полученные автором в результате тщательного промера шести следующих рукописных книг.

1. Архангельское евангелие, 1092 г. (ГБЛ, ф. 178, № 1666, 178 листов). Устав пяти или шести почерков, но высота букв сохраняется, л. 177 и 178 об., палимпсесты, на л. 174 об. и 175 — запись писца.

2. Патерик Синайский, конец XI в. (ГИМ, Син. № 551, 184 листа).

3. Ефремовская кормчая, начало XII в. (ГИМ, Син. № 227, 310 листов). На л. 145, 246, 251 об. — приписки писца Офрема.

4. Лествица Иоанна Лествичника, середина XII в. (ГБЛ, Румянц. собр., ф. 256, № 198, 218 листов).

5. Добролюво евангелие (лицевое), 1164 г. (ГБЛ, Румянц. собр., ф. 256, № 103, 270 листов).

6. Житие Нифонта, 1219 г. (1222?) (ГБЛ, собр. Троице-Серг. лавры, № 35, 175 листов). На л. 175 — летопись с указанием года, л. 1—11 переписаны на бумагу.

Результаты промеров других древних книг, например Кирилла Иерусалимского огласительное поучение (ГИМ, Син. № 478, конец XI—начало XII в.), Стихирарь месячный на крюковых нотах (БАН, 34.7.6, XII в.), Кондакарь (ГБЛ, Собр. ОИДР, ф. 205, № 107, конец XII в.), Кондакарь на безлинейных кондакарных нотах (ГБЛ, Собр. Троице-Серг. лавры, ф. 304, № 23, конец XII—начало XIII в.), в таблице не приведены, так как эти данные в общих чертах повторяют уже приведенные.

Основной вывод, который напрашивается при ознакомлении с данными табл. 3, заключается в том, что мастер, размечавший лист для письма, явно не дорожил пергаментом. Если бы он хоть немного задумался о путях понижения себестоимости, что было вполне естественно в случае его работы на рынок, он не стал бы отбивать «берега», занимающие около половины листа. Особенно большие потери писчего материала наблюдаются в крупных по формату рукописях, где текст часто располагался в два

Характеристика использования писцами площади пергаменных листов древних рукописных книг

	Архангельское евангелие	Патерик синаяский	Ефремовская коричка	Лествица	Добрислово евангелие	Житие Нифонта
Общий размер листа книги (см ²)	336 (205 × 164)	357 (210 × 170)	1006 (375 × 263)	575 (266 × 218)	480 (244 × 194)	777 (345 × 228)
Площадь, занятая текстом (см ²)	161 (148 × 109)	194 (155 × 125)	428 (252 × 170)	246 (текст в два столбца)	250 (текст в два столбца)	331 (текст в два столбца)
Площадь полей книги (см ²)	175	163	578	329	230	446
Высота букв (мм)	3	3	4	4	5	5
Расстояние между строками (мм)	4	5	10	5	4	11
Количество строк на листе	21	20	27	22	23	23
Количество букв в строке	25	32	35	38	25	18
Количество букв на листе	525	640	945	836	575	414

столбца. Прямо по назначению использовалось только 40—45% всего пергамена, пошедшего на книгу. В таких рукописях буквы писались обычно более крупные, до 5 мм высотой. Разбивка текста на две колонки, видимо, имела практическое значение. В длинной строке при слитном начертании слов и предложений труднее уловить смысл написанного. При этом еще следует учитывать, что первоначальные поля были еще больше, так как при последующей реставрации книг поля обрезались.⁸

Однако предположение о том, что все древнерусские книги сильно обрезаны, не совсем верно. Такое представление возникло по аналогии с книгой, написанной или напечатанной на бумаге. Но пергамен и бумага — весьма разные материалы, обладающие совершенно различным запасом прочности на разрыв. Листы пергаменных рукописей даже теперь, через много веков после их создания, очень прочны. И это при условии, что пергамен сильно высох и не обладает той эластичностью, которая была присуща ему при изготовлении. Пергаменные книги рвались не с внешнего края, как бумажные, а по линиям вертикальных полос, отмечавших поля. Для написания одной книги писец не мог подобрать листы одной толщины и одинаковой плотности. Как уже отмечалось, иногда, проводя линию (графью), писец слегка надрезал поверхность пергамена. Этот незначительный порез приводил к тому, что кожа на сгибе у корешка от перелистывания давала более глубокую трещину, которая постепенно превращалась в сквозную. Порвать или истрепать внешний вертикальный край было не так легко. Из 10 упомянутых выше книг у трех поля были обрезаны более или менее значительно. Это «Житие Нифонта» во вторичном переплете XVII в., Лествица Иоанна Лествичника и Кондакарь в переплете XVI в. Другие книги, если и были обрезаны, то незначительно. Архангельское евангелие, видимо, дошло в первоначальном размере.

Доказать, что поля у трех указанных книг были обрезаны, можно следующим образом. Как уже отмечалось выше, двойной лист пергамена вначале размечался про-

⁸ При сличении соотношений линейных характеристик листа, размеров букв, полей прослеживается некая соразмерность между всеми составляющими. По-видимому, она являлась одной из характеристик художественно-эстетических вкусов эпохи.

колами, которые наносились на некотором расстоянии от края. В «Житии Нифонта», Лествице и Кондакаре на большинстве листов проколы отсутствуют. На некоторых листах на самом обресе в лупу заметны остатки проколов, которые были перерезаны ножом при выравнивании листов книги. Когда обрезали листы Кондакаря, видимо, при реставрации книги в XVI в., переплетчик по непонятной причине не смог сделать прямую линию обреза. Книга получилась с выпуклыми в середине краями. На наименее обрезанных участках листа кое-где уцелели остатки проколов: по углам книги, где пергамен был обрезан больше, проколы не сохранились.

Небольшое сокращение полей за счет выкраивания меньших по размеру листов при сохранении той же площади под текстом или, наоборот, расширение на 20—15 мм с каждой стороны текста при сохранении того же формата листа могло бы дать огромный выигрыш в экономии пергамена.

Огромные поля у Ефремовской кормчей. Не очень искажая вид книги (конечно, с современной точки зрения), их можно было бы сократить на 10, 50, 50 мм. Это дало бы экономию 315 см² на один лист, или 97 650 см² на всей книге. Напомним, что на Архангельское евангелие потребовалось 59 808 см² пергамена. Более аккуратное распределение текста Ефремовской кормчей дало бы возможность написать на том же пергамене еще почти две такие книги, как Архангельское евангелие.

Придется признать, что, с точки зрения писца, пергамен не был баснословно дорог и мастер-книгописец больше заботился о красоте компоновки текста, чем об экономии материала. Видимо, он был уверен в том, что покупатель оплатит подобные излишества.

Конечно, можно допустить, что размеры полей определялись их функциональным значением, и величина площади не использованного для письма пергамена еще не говорит о дешевизне писчего материала. Значительные размеры «берегов», возможно, объясняются тем, что большие поля были необходимы 1) для защиты текста книги, так как последняя создавалась на века, 2) для размещения на них системы выносных знаков, столь характерных для древнерусской книги, 3) для помет, которые могли появиться в будущем при пользовании книгой, 4) по требованиям эстетики того времени.

Однако все эти и аналогичные им возражения и соображения говорят только о необходимости полей, но никак не могут объяснить их излишнюю величину. Как показывает практика древнерусского книгописания, для выносных знаков вполне достаточны поля значительно меньших размеров, чем те, которые оставляли писцы. И конечно, ни один древнерусский писец не мог полагать, что приписки будущих чтецов займут больше места, чем основной текст книги. Практика подтвердила это положение. За шесть—девять сотен лет существования книг домонгольской Руси на них было сделано весьма небольшое количество позднейших приписок. Что касается защитной функции полей, то для этого также совсем не требовались поля таких больших размеров. Наконец, соображения эстетики. Они, конечно, играли роль. Однако надо помнить, что на всех этапах развития человечества эстетические нормы порождались условиями общественной жизни, теми производительными возможностями, которыми обладало общество. На практике эта зависимость весьма сложна, но она всегда существует и в конечном итоге является определяющей.

Хорошо известно, что в рядовых по оформлению древнерусских пергаменных книгах встречаются бракованные листы. Это такие листы, края которых были либо меньше, чем остальные, по размеру, либо имели «зарезы», образовавшиеся от неудачного или неумелого снятия шкуры или же от плохой обработки. Иногда разрезы листов древнерусской книги сшивались узкой пергаменной лентой. Таким образом, получается, что мастер берег пергамен. Однако это не совсем так. Дело в том, что пергамен — такой материал, который исключает возможность подбора для книги абсолютно одинаковых листов. В зависимости от того куска шкуры, из которого он выкраивался, один лист мог отличаться от другого толщиной, жесткостью, цветом и другими качествами. Отбросить двойной лист пергамена из-за незначительного брака писцу было бы невыгодно, так как в данном случае убытки оплачивались из его кармана.

В настоящее время палеографы тщательно изучили особенности начертания букв русского письма XI—XIII вв. На основании характера письма производится датировка памятников.

При изучении русского уставного письма нами был применен метод, предложенный А. С. Зерновой в отношении шрифтов старопечатных книг. Сравнение букв по их высоте показало, что последняя колебалась в пределах от 3 до 5 мм, а в больших по формату книгах она составляла 5 мм. Расстояние между строками при буквах высотой 3 мм в среднем равнялось 7 мм. Линейка от линейки отделялась интервалом в 10 мм.

Невольно возникает ассоциация с размером шрифтов канцелярских пишущих машинок, высота букв которых также 3 мм, а строки печатаются через два переката, т. е. с интервалом в 6 мм. Современные стандарты букв пишущих машинок определялись как экспериментальным, так и теоретическим путем. Они отвечают медицинским нормам наименьшей утомляемости глаза при чтении. Видимо, наши предки дошли до этих параметров эмпирическим путем. Размер букв в значительной степени был лимитирован освещенностью, при которой книга читалась. Читать книгу могли либо в церкви при богослужении, либо в частных домах и монастырских кельях. Днем, при естественном освещении, можно было бы прочитать и более мелкие буквы. Однако основная часть богослужения в приходских и домовых храмах совершалась ранним утром или вечером и требовала искусственного света. По-видимому, и в домах преимущественно читали вечером или ночью, так как днем каждый был занят своими повседневными делами.

Для искусственного освещения в церкви или в доме использовали свечи. По церковной традиции, дожившей до наших дней, Евангелие в храме лежит на престоле, сзади которого стоит зажигаемый во время службы семи-свечник, символизирующий собой человеческую жизнь. 7 свечей на расстоянии полуметра от текста книги, расположенные под углом в 30° к плоскости листов, могут дать около 15 люкс. По нормам современной техники безопасности освещенность при чтении и письме должна равняться 80 люксам. Необходимо также учитывать, что такая освещенность рассчитана на чтение текста на белой бумаге, а желтый, шероховатый пергамен требовал большей освещенности. Можно утверждать, что в Древней Руси читали и писали при освещенности в 5—7 раз меньше нормальной.

Даже учитывая широкие возможности человеческого глаза к адаптации, все же придется признать, что высота букв 3 мм была минимальной. Читать буквы в 2 мм (высота современного газетного шрифта) при той освещенности было бы крайне трудно. Физиологический порог исключал возможность экономить писчий материал за счет сокращения размеров букв.⁹

Перейдем теперь к определению себестоимости пергамента, используемого для написания древнерусских книг. Для примера возьмем Архангельское евангелие (ГБЛ, ф. 178, № 1666) и Стихирарь из коллекции БАН.

Чтобы написать Архангельское евангелие 1092 г., надо было использовать около 598 дм² пергамента. На крупную книгу XII в.— Стихирарь пошло не менее 1256 дм². Если площадь одного листа Архангельского евангелия была 336 см², а Стихираря 619 см², то при раскрое пергамента вырезались куски двойного размера — 6.7 и 12 дм².

Выход товарной кожи из шкуры молочного теленка колеблется от 60 до 80 дм². По мнению сотрудников научно-исследовательской лаборатории при фабрике «Скороход», отходы при таком раскрое должны достигать 25—35%. На листы книги из одной средней шкуры могло быть использовано около 45—60 дм². Для Архангельского евангелия из одной шкуры выходит 7—10 двойных листов, для Стихираря — 3—5. Чтобы написать Архангельское евангелие, нужно было использовать 8—13 телячьих шкур, для Стихираря потребовалось не менее 16—27 шкур.

В настоящее время нам неизвестно, сколько могла стоить одна шкура опойка в XI—XII вв. «Русская Правда» сохранила цены на телят. Так, 28-я статья определяет «за теленка 5 резан».¹⁰ Статья 45 определяет взыскать с вора за кражу теленка 5 кун, за овцу 5 кун, за жеребенка 6 ногат и т. д.¹¹ В XI в. одна куна равнялась 2 резанам. Это означает, что штраф за кражу был почти вдвое выше цены самой украденной вещи.

В более близкое к нам время шкура составляет около 10—15% стоимости забитого теленка. Теперь кожа на-

⁹ Кравцов С. В. Глаз и его работа. 4-е изд. М.—Л., 1950.

¹⁰ Правда Русская. Т. 2. М.—Л., 1947, с. 185.

¹¹ Там же, с. 396.

ходит значительно больше применений, чем в древности, и едва ли этот процент тогда был выше. Скорее всего, он был ниже. Весьма вероятно, что шкура среднего опойка оценивалась в 0.5 резаны. Значит, стоимость 8—13 опойков можно приравнять к стоимости одного-полутора телят, т. е. 4—6.5 резан; 16—27 шкур — к стоимости двух-трех телят, или 8—13 резан в ценах XI в.

Выделать 8—13 или 16—27 телячьих шкур и приготовить из них пергамен для русских кожевников не представляло больших затруднений. Это была относительно простая работа, отнимавшая немного времени. Сейчас трудно сказать, сколько на это в XI в. требовалось рабочих часов, но даже при самых больших преувеличениях никак не больше 10—15 или 20—25 рабочих дней работника невысокой квалификации.

Заработная плата мастерового или ремесленника в XI в., видимо, была ниже 1 ногаты в день. По крайней мере в 1037 г. плата каменщикам по 1 ногате в день расценивалась современниками как весьма завышенная.¹² Если обычная плата поденщика была вдвое ниже, то за 10—15 рабочих дней кожевник должен был получить около 5—7 ногат, а за 20—25 дней примерно 10—12.5 ногат.

Даже в таких скромных по оформлению книгах, как Архангельское евангелие, 41% площади листа, а по всей книге 218 дм² пергамена, осталось под «берегами». А если учесть, что писали на двух сторонах листа, потери на большие поля предстанут более значительными. Такое же положение прослеживается на примере Стихираря. Под «берегами» переписчик оставил 42%, общая площадь полей на всех листах равна 531 дм² из 1256 дм² пергамена, пошедшего на книгу. Примеров подобного рода можно привести значительно больше.

О том, что пергамен был, видимо, не очень дорог, говорит также наблюдение И. И. Срезневского, сделанное еще 100 лет назад. Изучив пергаменные рукописи Древней Руси и юго-западных славян, он пришел к выводу, что так называемые палимпсесты, т. е. рукописи, написанные на смывом или соскобленном пергаменте, которые широко применялись на Западе, у нас совсем не встре-

¹² ПСРЛ, т. 3. СПб., 1848, с. 210.

чаются, попадают только отдельные листы, да и то очень редко.¹³

Сохранилось только одно указание на цену пергамента в домонгольской Руси. Статья «А се наклады» Пространной редакции «Русской Правды» по Троицкому списку второй половины XIV в. говорит о том, что при производстве дела с суммой в 12 гривен среди разных расходов на судопроизводство требуется уплатить «... на мех две ногаты».¹⁴ Следуя за И. И. Срезневским,¹⁵ М. Н. Тихомиров переводит слово «мех» — «кожа для письма, пергамен».¹⁶ Иные толкования этого термина: «сумка» (И. Н. Болтин и др.), «меховые деньги» (В. О. Ключевский) — неправдоподобны и в настоящее время не принимаются всерьез. Для начала XIII в., когда, по мнению М. Н. Тихомирова, возникла Пространная редакция «Русской Правды»,¹⁷ 12 гривен были достаточно крупной суммой.

Бюрократическая машина княжеского делопроизводства вполне могла потребовать для ведения одного судебного дела один либо несколько листов пергамента размером 20×30 см. Для сравнения напомним, что листов подобного размера на Архангельское евангелие пошло не менее 90 штук. Если составители Пространной редакции «Правды» имели в виду один лист, то получается, что для написания книги, примерно равной по объему Архангельскому евангелию, пергамента пошло на 9 гривен (2 ногаты×90 листов=180 ногатам=9 гривен). За молитвен-

¹³ Срезневский И. И. Древние русские книги. Палеографический очерк. СПб., 1864, с. 6. Мне известна только одна рукопись XII в. — Апостол апракос Слепенский, материалом которой является греческий палимпсест, да и то текст написан не на русском, а на болгарском языке. В настоящее время Слепенский апостол разрознен и отдельные части текста хранятся в разных книгохранилищах: Ленинград, ГПБ, Ф.п.1.101 и 101а, БАН, 24.4.6 (Собр. Срезневского, 1 л.); Москва, ГБЛ, собр. Григоровича, № 14 м. 1696, 6 л.; Киев, ЦБАН УССР, ДА-п. 25. отрывки; Пловдив (Болгария), Народная библиотека, 9 л. Е. Э. Гранстрем указывала автору еще несколько славянских рукописей, использовавших палимпсесты, но они также нерусского происхождения.

¹⁴ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1963, с. 103.

¹⁵ Срезневский И. И. Материалы для изучения древнерусского языка. Т. 2. СПб., 1895, стлб. 252.

¹⁶ Тихомиров М. Н. Пособие для изучения..., с. 103.

¹⁷ Там же, с. 24.

ник, купленный князем Владимиром Васильковичем Во-лынским, было уплачено 8 гривен кун. Учитывая, что молитвенник был по объему не больше Евангелия и на него должно было пойти примерно столько же пергамена, как и на Архангельское евангелие, придется допустить, что пергамен молитвенника стоил значительно дешевле, чем указано в Пространной редакции «Правды».

Такое несоответствие может иметь два объяснения: «Русская Правда» либо ограничивает сумму денег на покупку нужного количества писчего материала, не оговаривая количество потребных листов, либо устанавливает стоимость одного листа пергамена, и тогда в цену его входят судебные пошлины, а «мех» приобретает характер гербовой бумаги делопроизводства XIX в.

Пергамен занимал основное место в сумме расходов на материалы в «деле книжного строения». Однако следует учитывать также незначительные затраты, которые надо было произвести, покупая или изготовляя чернила, киноварную краску для заглавных букв, доски и кожу на переплет и другие мелкие расходы.¹⁸ Мы не будем учитывать стоимость золота и красок для иллюстрирования рукописей, а также оплату миниатюристу, так как в подобном случае цена книги резко возрастала.

Имеются сведения, что в домонгольское время, помимо пергамена, в качестве материала для книг изредка употребляли бересту. Описывая бедность монастыря Сергия Радонежского, Иосиф Волоцкий писал: «Толику нищету и нестяжание имяху, яко во обители блаженного Сергия и самыя книги не на хартиях писаху, но на берестях».¹⁹ Однако столь ранние берестяные книги до сих

¹⁸ Техника рукописного дела на Руси в более позднее время подробно изложена в работах: С и м о н и П. 1) К истории обихода книгописца, переплетчика и иконописного писца при книжном и иконном строении. Вып. 1. СПб., 1906; 2) Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного искусства на Руси преимущественно в допетровское время, с XI по XVIII столетие включительно. СПб., 1903; 3) Собрание изображений окладов на русских богослужебных книгах XII—XVIII столетий. Вып. 1. Древнейшие церковные оклады XII—XIV столетий. СПб., 1910. См. также: Ш а в и н с к и й В. А. Очерк по истории техники живописи и технологии красок в Древней Руси. Л., 1935 (гл. 2 и 3. Книжное искусство); К а р и н с к и й Н. М. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925.

¹⁹ См.: Преподобного Иосифа Волоколамского отвещание... — ЧОИДР, 1847, № 7, ч. IV, Смесь, с. 2.

пор были неизвестны. Раскопки последних лет в Новгороде принесли ценную находку — древнерусскую берестяную книжку (грамота № 419).²⁰

Другой частью расходов, из которой складывалась себестоимость книги, была плата писцу за переписку. К сожалению, прямых данных по этому вопросу у нас не имеется. Правда, И. И. Срезневский приводит приписку, обнаруженную им на одном из новгородских Софийских евангелий XIV в., в которой писец книги Флор отметил, что за письмо (155 листов, лист в 2 столбца) было уплачено 6 сороков бель, т. е. примерно 3 бели за 2 листа.²¹ Осторожности ради отметим, что установить соотношение бели XIV в. и гривен серебра XII в. весьма трудно и оперировать этими данными не представляется возможным.

Следовательно, необходимо искать какие-то другие пути. Во время экспедиций по сбору памятников древнерусского искусства и культуры в северных районах страны автору приходилось встречать лиц, которые еще сохранили навыки переписывания от руки богослужебных книг. Писали они полууставом, подражая шрифту русских старопечатных книг. По их мнению, написать 10 букв уставом в минуту сможет даже не очень хороший писец. Такой темп они считали средним. По записям на книгах более позднего времени можно считать, что писцы XV—XVII вв. списывали в день от 700 до 5000 букв. Хорошо известно, что в Московский период плата переписчикам за работу была весьма скромная. Так, в приходно-расходной книге Никольского Карельского монастыря под 1562 г. имеется запись о том, что за переписку судебного 1500 г. было дано клиросному Якуну три алтына (ЛОИИ, Собр. рук. кн. № 937, л. 27).

По моей просьбе шрифтовики-профессионалы пробовали писать буквами, приближающимися к уставу Древней Руси. 10 букв в минуту они писали без особого напряжения. После соответствующей тренировки скорость списывания доходила до 15 букв. Конечно, эти эксперименты не могут быть полными аналогами работы писцов XI—XIII вв. Но для корректировки имеющихся данных они служить могут. При такой скорости списывания в час можно написать 600 знаков. Продолжительность рабочего

²⁰ Арциховский А. В. Берестяные грамоты из раскопок 1962—1964 гг. — СА, 1965, № 3, с. 208.

²¹ Срезневский И. И. Древние русские книги, с. 13.

дня у разных переписчиков была весьма различна. Так, у переписчиков попа Упыря Лихого (1047 г.), дьякона Григория (1057 г.), дьякона Иоанна (1073 и 1076 гг.) и других лиц духовного звания, занятых в церквях прямыми обязанностями, времени на переписывание едва ли оставалось много, 4—6 часов в день. У переписчиков-профессионалов, число которых к XII в., судя по надписям на книгах, значительно выросло, рабочий день мог быть значительно больше и, возможно, доходил до 10—12 часов.

Четвероевангелие, содержащее около 35 тыс. знаков, могло быть переписано священнослужителем примерно за 140 рабочих дней, т. е. за пять с половиной месяцев, считая, что он списывал за час около 500 знаков, рабочий день составлял около 5 часов, а в воскресные дни работа не производилась. Переписчик-мирянин, для которого переписывание книг было ремеслом, мог сделать эту работу значительно скорее, дней за 50—60, а с воскресными днями — за два—два с половиной месяца. При этом он должен был работать не менее 10 часов в сутки.

Евангелие является небольшой по объему церковно-служебной книгой, другие книги содержат значительно больше текста. Так, например, Апостол содержит 560 тыс. знаков, Псалтирь следованная — 1200 тыс., Минея общая — 740 тыс., Требник — 660 тыс., Служебник — 340 тыс., Триодь постная — 1200 тыс., Триодь цветная — 770 тыс., Октоих — 700 тыс. знаков.

Имеется возможность проверить предложенные теоретические расчеты. Сохранились записи, позволяющие точно установить скорость списывания. Остромирово евангелие апракос 1056—1057 гг. писалось с 21 октября по 12 мая, т. е. 6 месяцев и 20 дней (294 листа). Видимо, переписчик не очень спешил, особенно тщательно выводя буквы этой роскошной рукописи. В день он выписывал в среднем только по полтора листа. Апостол 1220 г. в 240 листов был написан за два месяца без нескольких дней. В день переписчик списывал по $4\frac{1}{2}$ листа, или около 10 тыс. знаков. Рабочий день этого писца был не меньше 10—12 часов.²² Рязанскую кормчую 1284 г. в 402 листа пять писцов писали 50 дней, т. е. каждый из них писал в среднем по $1\frac{2}{5}$ листа в день.²³ Лаврентьевская летопись

²² Апостол толковый, 1220 (ГИМ, Син. № 7).

²³ Кормчая Рязанская, 1284 (ГПБ, Ф.п.И.1).

1377 года объемом 173 листа пергамена была написана за 75 дней, т. е. по $2\frac{1}{3}$ листа в день.²⁴ Тактикон Никона Черноридца 1397 г. в 222 листа был написан двумя писцами за 24 дня.²⁵ Средняя выработка, выражаясь современным языком, равнялась $4\frac{1}{2}$ листам в день.

Труд переписчика был тяжел. В Добриловом евангелии 1164 г. имеется характерная приписка: «Яко же радуется жених о невесте, тако радуется писец, видя последний лист». Весьма вероятно, что данная приписка — просто трафаретная фраза, однако она отражает, как всякая истина, ставшая прописной, реальную оценку тяжелого труда переписчика.

Сколько мог получить писец за свой тяжелый и долгий труд? Нет оснований считать, что много. Берестяные грамоты, обнаруженные в Новгороде, бесспорно доказали широкое распространение грамотности в Новгородской земле. «Правда Русская» определяет денежный оклад судебному писцу в случае выезда для разбирательства на место происшествия: помимо натурального довольствия («...и что чрево возьмет...»), 10 кун. Это в 7 раз меньше, чем платили княжескому отроку, посланному вместе с писцом (2 гривны 20 кун).²⁶ Если 10 кун платили писцу при выезде в «служебную командировку», которая могла продолжаться несколько дней, то его суточный оклад был около 1—2 кун.

Чтобы конкретнее представить себе реальное значение этой суммы в условиях XI—XII вв., следует для сравнения привести несколько окладов и цен на продукты того же времени. В восстановленном М. Н. Тихомировым протографе Пространной «Правды Русской», возникновение которой он относил к концу XII—началу XIII в., приведены «уроки мостнику» и «уроки городнику» — квалифицированным и хорошо оплачиваемым специалистам-строителям Древней Руси, от качества работ которых зависела жизнь горожан и безопасность их имущества. При закладке городни (участок городской стены) городнику давали 1 куну, при завершении — 1 ногату; кроме того, он получал по 1 куне «за корм» на день и натурой хлеб, пшено и овес на 4 лошади. «Мостнику», мостившему

²⁴ Летопись Лаврентьевская (ГПБ, Ф.п.IV.2).

²⁵ Тактикон Никона Черноридца, 1397 (ГПБ, Ф.п.I.41).

²⁶ Правда Русская, т. 2, с. 566.

«мост» — уличные мостовые (в современных северных диалектах «мостом» называется деревянный настил пешеходной части улицы), давали за 10 сделанных локтей «моста» по 1 ногате, при ремонте ветхого «моста» платили по 1 куне от городни, при неограниченном снабжении питанием и фуражом для лошадей.²⁷ В 1037 г. князь Ярослав Владимирович построил в Киеве на Золотых Воротах церковь св. Георгия. Он платил строительным рабочим необычайно высокую плату — по 1 ногате в день. В пользу того, что это была действительно высокая плата, говорит сам факт занесения этого известия в летопись как исключительного события. Для княжеской казны финансовая нагрузка при обычной постройке церкви не была слишком велика. На воротах можно было возвести лишь весьма скромную церквушку, которую небольшая «дружина» каменщиков могла сложить за несколько летних месяцев.²⁸

Во время похода Ярослава Владимировича с новгородцами на Киев в 1016 г. он платил за участие в нем новгородцу-горожанину 10 гривен, а смерду по 1 гривне. С точки зрения современников, это, видимо, была достаточно крупная сумма, так как никто не был застрахован от перспективы сложить за эту гривну свою голову.²⁹

Для того чтобы оценить указанные выше размеры оплаты через покупательную способность гривны, приведем цены на скот, указанные в статье «А се уроци скоту» Пространной редакции «Правды».

«Аже за кобылу 60 кун, а за вол гривна, а за корову 40 кун, а за третьяку 30 кун, а за лоньщину полгривны, а за теля 5 кун, а за свинью 5 кун, а за порося ногата, а за овцу 5 кун, за баран ногата, а за жеребец, аже не вседано на нь, то гривна кун, за жеребя 6 ногат».³⁰

Во время раскопок в Пскове, Новгороде, Киеве и других городах археологи воочию убедились, в какой бедности жило трудовое ремесленное население древнерусских городов. Нельзя представить, чтобы книжный писец, работавший на рынок, мог получать больше городника-

²⁷ Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.—Л., 1941, с. 250.

²⁸ ПСРЛ, т. III, с. 210.

²⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 175.

³⁰ См.: Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде, с. 241.

строителя, специалиста по фортификационным работам. Едва ли он получал более высокий оклад, чем платили княжескому судебному писцу. Думается, что в XI в. 1 куну в день он заработать не мог. 1 резана была более вероятной поденной платой книжному писцу.

При таких расценках за списывание Евангелия апракос писец мог получить за два с небольшим месяца немного более гривны (60—70 резан). Выше уже отмечалось, что на Архангельское евангелие потребовалось 530 дм² пергамена. Чтобы раскроить нужное количество двойных листов, требовалось 10 шкур опойков, которые стоили около 5 резан. На выработку пергамена потребовалось 10—15 рабочих дней, которые, судя по расценкам, стоили 12—17 резан. При округлении в сторону завышения себестоимость 530 дм² пергамена доходила до 17—22 резан, а цена была, естественно, выше — около 25—30 резан.

С учетом стоимости сырья, платы за работу кожевнику, переписчику, переплетчику,³¹ а также других расходов, себестоимость Архангельского евангелия должна была равняться 1.5—2 гривнам, а Стихираря — 3—4.

В зависимости от конкретной конъюнктуры рынка цены на книги колебались. Как правило, цена должна была быть выше себестоимости. Высока или низка была для современников указанная нами цена рукописей?

Совершенно новый и весьма интересный материал об экономической жизни Новгорода в XI—XIII вв. дали берестяные грамоты. Анализ сведений экономического характера, заключенных в грамотах, может быть темой специального исследования. Ограничимся только несколькими конкретными примерами.³²

³¹ Клепиков С. А. Из истории русского художественного переплета. — Книга. Исследования и материалы. Вып. 1. М., 1959, с. 102—109.

³² Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1951 г., № 1—10). М., 1953; Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1952 г., № 11—82). М., 1953; Арциховский А. В., Борковский В. П. 1) Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1953—1954 гг., № 84—136). М., 1958; 2) Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1955 г., № 137—194). М., 1958; 3) Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956—1957 гг., № 195—318). М., 1963; Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1958—1961 гг., № 319—405). М., 1963. Дальнейшие находки были опубликованы выборочно:

405 полностью опубликованных грамот показали, насколько далеко зашло развитие товарно-денежных отношений, насколько глубоко проникли деньги в сознание новгородцев. Грамоты фиксируют разнообразные финансовые операции, как то: покупку недвижимости и движимости, продажу, раздел имущества, заклады, записи долгов, повинностей и т. п. Часто фигурируют весьма крупные суммы, находившиеся в обращении. Так, в грамоте № 61 (XIII в.) говорится о посылке 25 гривен; в грамоте № 78 (XI—XII вв.) — о том, что взято 11 гривен; грамота № 114 (XII в.) предлагает отдать гривну истцу; в грамоте № 115 «От Прокши к Нестору» (XII в.) упоминается о 6 гривнах, которые необходимо было уплатить; № 119 (XI в.) — об отдаче 2 гривен; № 168 (XII в.) фиксирует, что у Димитра было 11 гривен долгу; № 212 — что у попадьи было 7 гривен; № 219 (XII—XIII вв.) — что Иван должен был вернуть 9 гривен и еще за овес 2 гривны.

В грамоте № 293 (XIII в.) — «от попа к Завиду» — указаны крупные суммы — 19 и 5 гривен, а в № 338 (XIII в.) — 30 гривен.

Не во всех случаях можно более или менее точно определить, из каких социальных кругов происходили авторы и адресаты грамот. Однако совершенно ясно, что многие грамоты отразили финансовые возможности средних городских слоев — духовенства (попы, попадьи), ростовщиков, дружинников, обеспеченных горожан.

В грамотах сохранились сведения о покупательной способности гривны в домонгольское время. Так, хорошая шапка в XIII в. стоила 13 гривен (№ 138); несвободная «девка» в XII в. — 12 гривен (№ 155), хороший крест в XI в. — 4,5 гривны (№ 246), золотой колт в XII в. — полгривны (№ 335).

Курс денег мог меняться в зависимости от тех или иных конкретных обстоятельств, могла изменяться рыночная цена книги в связи с колебаниями спроса и предложения.³³ Также не могли не подвергаться сезонным и

СА, 1960, № 1; 1962, № 2; 1965, № 3; 1966, № 2; 1971, № 3; 1974, № 1.

³³ Имеются указания на то, что уже в конце XI—начале XII в. книги стали товаром, поступавшим в рыночное обращение. В 28-м «слове» Киевского Печерского патерика рассказывается, как у монаха Григория воры пытались украсть книги из кельи (Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 92).

иным изменениям плата за работу переписчика, кожевника, цена пергамена и т. д. Всех этих вечно меняющихся факторов точно учесть невозможно.

С другой стороны, классовая и экономическая дифференциация общества в то время достигла уже таких размеров, что бюджеты феодала или богатого горожанина исчислялись сотнями и тысячами гривен.

Огромные средства требовались для проведения крупных боевых операций. В Комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода сохранился пространный рассказ о борьбе Ярослава Мудрого со Святополком в 1016 г. за великокняжеский престол. Войска Ярослава состояли из 1000 варягов, 3000 новгородцев-горожан и какого-то (точно не зафиксировано) числа смердов. В результате жестокого ночного боя на берегу Днепра у Любеча Святополк был разгромлен, и Ярослав овладел Киевом. Великий князь щедро наградил свою дружину: старостам и всем новгородцам было дано по 10 гривен, смердам — по 1 гривне. Неизвестно, какие потери понесли войска Ярослава. Летописец не отметил, как были награждены варяги, но надо думать, что едва ли они получили меньше новгородцев-горожан. С точки зрения современников, киевский престол стоил того, чтобы за него отдать не менее 40 тыс. гривен.³⁴

В 1137 г. «рать на Псков» против бежавшего туда Всеволода обошлась новгородцам в 1500 гривен,³⁵ В начале XI в. в Новгороде собиралось 3000 гривен, из которых 2000 отправлялись в Киев, а 1000 оставлялась на содержание княжеской дружины.³⁶ В 1144 г., во время междоусобицы киевского князя Всеволода с Владимиром Галицким, последний уплатил в качестве контрибуции 1200 гривен.³⁷

В своем «Поучении...» Великий князь Мономах вспоминал, что, будучи еще молодым, он скопил 300 гривен золота (3000 гривен серебра) и поднес их своему отцу Всеволоду Ярославичу на семейном обеде в Чернигове, на Красном Дворе.³⁸

«Кормилец» князя Юрия Долгорукого Георгий Симонов внук Африканов, «... державший всю землю Суз-

³⁴ Новгородская первая летопись, с. 175.

³⁵ Там же, с. 210.

³⁶ Там же, с. 168.

³⁷ ПСРЛ, т. I, с. 135—136.

³⁸ Там же, с. 103.

дальскую...», послал боярина Василия «от Суздаля» с 50 гривнами золота и 500 гривнами серебра (итого около 1000 гривен серебра) в Киев оковать раку Феодосия Печерского.³⁹

В Киевском Печерском патерике имеется рассказ о некоем Иоанне, «муже великом от града Киева». Перед смертью он раздал свое имение нищим, а сыновью часть передал на сохранение своему другу Сергию. После долгих препирательств между другим наследником — Захарием и опекуном, не хотевшим отдавать деньги, они достались Печерскому монастырю, а сын, лишившись наследства, постригся в монахи. На эти деньги — 1000 гривен серебра и 100 гривен золота — в монастыре была построена церковь Иоанна Предтечи. Рассказ интересен в двух отношениях: во-первых, 2000 гривен серебра составляли только некую часть богатств знатного киевлянина; во-вторых, сказано, в какую сумму обошлось строительство храма.⁴⁰

В 1209 г. в Новгороде был разграблен двор посадника Дмитрия, причем было захвачено такое количество наличных денег, что каждому из участников погрома досталось «по 3 гривны на зуб».⁴¹

Необходимо учитывать еще одно весьма важное обстоятельство: XI—XIII века приходились на раннефеодальный период, когда деньги еще не играли универсальной роли мерила стоимости.

От феодального периода до наших дней дошли высокохудожественные ювелирные изделия, для изготовления которых ремесленнику нужно было потратить очень много времени. Свободный человек никогда не станет изготавливать какую-нибудь вещь несколько лет, продать которую,

³⁹ Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 62.

⁴⁰ Там же, с. 9—10. Убедительные сведения об огромных материальных ценностях, сконцентрированных в руках светских и духовных феодалов, донесли древнерусские клады (см.: Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, с. 105). Так, в 1842 г. в Киеве после завершения строительства новой Десятинной церкви рабочие А. С. Анненкова, строителя этой церкви, при планировке участка вокруг храма нашли клад, зарытый в период между 70-ми годами XII в. и 1240 г. В кладе было такое количество золотых и серебряных вещей, что их едва уместили в два мешка. От продажи на переплавку одних золотых сосудов А. С. Анненков получил несколько тысяч рублей. Золотых колтов с перегородчатой эмалью было несколько сотен.

⁴¹ Новгородская первая летопись, с. 51.

хотя бы и за большие деньги, он сможет в неопределенном будущем. Ему и его семье необходимо было ежедневно есть, пить и одеваться. Только зависимый ремесленник, получающий от хозяина какой-то минимум средств к существованию, мог изготовить изделие, не заботясь о его судьбе на рынке.

Производство книг в период раннего средневековья имело свои особенности, несколько отличающие эту область деятельности от других видов ремесла. «Книжное строение» носило «богоугодный» характер. Хотя с XII в. производство книг перешло в руки свободных (или зависимых от церкви или феодала) писцов, параллельно с ними работали отдельные монахи-переписчики или целые мастерские при монастырях, крупных храмах. Книги писали представители белого духовенства, даже князья. Ученье стоимость их труда весьма трудно, ибо для них переписка книг была прежде всего «душеспасительным» занятием, а не средством заработка.

Но в результате зарождающегося книжного обращения рукописи, созданные руками свободных или зависимых переписчиков-мирян, а также в монастырях или по обету, рано или поздно могли поступить на рынок, где выявлялась их цена.⁴²

Подводя краткие итоги, можно сказать следующее. Средние по оформлению рукописи, из которых формировалась основная масса книжного фонда Древней Руси, стоили несколько гривен. Для ремесленного городского люда, а также других малообеспеченных слоев книга была слишком дорога и практически недоступна. Для феодалов, духовенства, богатых горожан несколько гривен не являлись непреодолимым рубежом для приобретения книги. Классово ограниченный характер культуры феодального общества на этом примере проявился достаточно ярко.

⁴² Интересно было бы сравнить цены русских книг домонгольского времени с ценами на книги в Европе в романскую эпоху (XI—XIII вв.). Крупнейший в Европе знаток средневековой книги проф. М. Виттек (Брюссель, Королевская Библиотека Бельгии, Отдел рукописей) сообщил мне, что в настоящее время он не может назвать ни одной работы, посвященной проблемам цены и себестоимости европейских рукописей раннего средневековья. В западной литературе встречаются отдельные сведения о ценах на рукописи XI—XIII вв. Впрочем, они чрезвычайно редки.

Глава IV

КНИГА В БЫТУ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Современное книговедение уделяет большое внимание изучению системы «книга—человек». Любое, самое богатое собрание рукописей, фонды которого недоступны для использования, в значительной степени теряет свое социальное и культурное значение. Научная, художественная, общественная ценность книги определяется прежде всего тем, сколь широко и глубоко проникла она в повседневную жизнь общества.

Рассматривая историю книги на Руси в XI—XIII вв., невозможно не остановиться на таких вопросах, как книжные центры и библиотеки, переписчики, читатели и «книжные» люди. Значительный интерес представляет репертуар чтения древнерусских людей, их отношение к рукописи, судьбы отдельных памятников древнерусской письменности.

Еще в конце XIX в. Н. В. Волков утверждал, что представление о безымянности большей части трудов древнерусских переписчиков неправильно.¹ Из 690 уцелевших книг XI—XIV вв., которые были известны Н. В. Волкову, 115 имели современные письму рукописи записи. Это составляет 16.6%. Из 575 книг без записей 45 представляют собой фрагменты, из остальных 530 большинство дошло до нас в неполном виде. Во многих рукописях не хватает тетрадей, начальных или последних листов. Характерно, что рукописи с записями «книжных писателей», как называл своих коллег в 1377 г. монах Лаврентий, все хорошей

¹ Волков Н. В. Действительно ли безымянна была большая часть трудов древнерусских переписчиков? — ЖМНП, 1897, ноябрь, ч. CCCXIV, с. 70—82.

сохранности. Гибель последних или первых листов, на которых обычно писцы помещали свои записи, привела к утрате большого числа надписей переписчиков. Надписи могли уцелеть лишь в том случае, если к тексту впоследствии добавляли еще другие статьи или песнопения, и запись, таким образом, оказывалась внутри книги. Так, в Галицком евангелии 1143 г. текст Евангелия кончается на л. 228, после чего следует еще 32 листа с месящесловом. Запись писца находится на л. 228, т. е. в конце первоначального текста. В Трефолое 1260 г., состоящем из 232 листов, запись помещена на л. 212.² Многие записи исчезли с утратой начала списка.³

О том, что записи в древности делались значительно чаще, чем принято теперь думать, говорят позднейшие переписки таких ранних записей. Так, запись попа Упыря Лихого 1042 г. на Книге Пророчеств дошла в списке XVI в., запись дьякона Кирика 1136 г. — в позднейшем списке его произведения. Иногда записи делались для фиксации вклада в тот или иной монастырь.

Однако, отмечает Н. В. Волков, сохранился ряд целых книг (таких, как Стихирарь XII в., Минея сентябрьская XI—XII вв., Устав церковный Студийский XII в. и др.),⁴ на которых записей не было. По его мнению, это объясняется тем, что книги могли заказываться писцу (или писцам) сериями (например, 12 миней месячных, Триодь постная и Триодь цветная и т. д.) и писец подписывал одну (первую или последнюю) книгу заказанной ему серии. Несомненно, что многие писцы переписывали несколько книг. Так, например, писец Захарий, списывавший по заказу княгини Марины Псалтирь 1296 г., отмечал, что он «издетска» имел обычай писать «богословные книги святыя».⁵ В записи Пантелеймонова евангелия 1250 г. упоминается, что писец Максим написал еще Пролог.⁶ На Сти-

² См.: Евангелие тетр «Галицкое», 1143 г. (ГИМ, Син. № 404); Трефолой, февраль—август 1260 г. (ГИМ, Син. № 895).

³ Минея служебная, сентябрь 1095—1096 г. (ЦГАДА, ф. 6-ки Моск. синод. типогр., № 84).

⁴ Стихирарь месячный на крюковых нотах (БАН, 34.7.6); Минея служебная, сентябрь, XII в. (ГИМ, Син. № 159); Устав Студийский, конец XII в. (ГИМ, Син. № 330).

⁵ Псалтирь, 1296 г. (ГИМ, Син. № 235).

⁶ Евангелие апракос «Пантелеймоново», XII—XIII вв. (ГПБ, Соф. 1).

хираре XII в. имеется запись, в которой сказано, что писец Яков или Творимир, пономарь церкви св. Николы, написал еще Кондакарь.⁷ На Милятином евангелии 1188 г. есть запись, что писец его Демка, поп у св. Лазаря, повелением Милятина Лукиница в один год написал Евангелие и Апостола. Евангелие Демки сохранилось, а Апостол утерян.⁸ Миней 1095—1096 и 1096 гг. написаны писцом Демкою,⁹ две миней XII в. за июль и август — писцом Матвеем.¹⁰ Писец Лаврентий, или Лавр, написал Минею XII в. (апрель)¹¹ и помог закончить ту июльскую Минею, которую писал писец Матвей. Житие Нифонта 1219 г. и Апостол 1220 г., написанные для ростовского епископа Кирилла, писали одни и те же лица — писцы Иоанн и Алексей.¹² Изготавливая несколько разных книг, писец (или писцы) могли подписывать каждую из них, как поступили писцы «Жития Нифонта» 1219 г. и Апостола 1220 г. Миней же, вероятно, подписывались на мартовской книге, так как она начинала год. Книги, предназначенные для личного употребления, едва ли подписывались. В итоге Н. В. Волков приходит к выводу, что в древности (XI—XIV вв.) большинство рукописей были подписными, а анонимные составляли исключение.¹³

Из 123 достоверно известных Волкову записей на рукописях XI—XIV вв. только 14 не содержали имен писцов, а все остальные имели имена писца (или писцов). В 91 записи, сохранившейся в полном виде, имена есть, а в 18 записях, дошедших в отрывках, они должны были быть, как это явствует из уцелевшего списка. Подписанные и неподписанные рукописи ничем друг от друга не отличаются. Это допускает предположение о том, что

⁷ Стихирарь, XII—XIII вв. (ЦГАДА, ф. 6-ки Моск. синод. типогр., № 145).

⁸ Евангелие апракос «Милятино», ныне имеет две даты: 1215 г. и 1188 г. (?) (ГПБ, п.1.7, л. 160).

⁹ Миней служебная, сентябрь, 1095—1096 гг.; Миней служебная, октябрь, 1096 г. (ЦГАДА, ф. 6-ки Моск. синод. типогр., № 89).

¹⁰ Миней служебная, июль, XII в. (ЦГАДА, ф. 6-ки Моск. синод. типогр., № 122); Миней служебная, август, XII в. (ГИМ, Син. № 168).

¹¹ По-видимому, Н. В. Волков имел в виду Минею служебную, апрель, XII в. (ГИМ, Син., № 165).

¹² Житие Нифонта..., 1219 г. (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 35); Апостол толковый, 1220 г. (ГИМ, Син. № 7).

¹³ Волков Н. В. Действительно ли безымянна..., с. 79.

списки, которые ныне не имеют подписей, раньше могли их иметь.

Обычай подписывать рукописи пришел к нам, видимо, из Византии. Переписчик указывал обстоятельства создания данной рукописи, побудительные причины, срок исполнения, фиксировал свое имя. Всегда имеются обращения к читателям с просьбой исправить текст, если будут замечены ошибки или опiski, и не проклинать за это списателя, а добром помянуть его имя. Писец, если он даже был монахом, которому предписывалось подавлять собственную гордыню, хотел увековечить себя своим трудом в храме, если книга предназначалась для вклада. С такими же мыслями богомolec цаapaл свое имя на стенах

Таблица 4

Годы	Писцы-церковники	Годы	Светские писцы
1047 1057 1073—1075 1092	Поп Упырь Лихой Дьякон Григорий Дьякон Иоанн Пресвитер Петр	1092 1095 1096 1097 XI в. Ок. 1100 Ок. 1117	Мичка, Завид Демка Демка, Григорий Михаил Константин, Федор Путята, Иоанн Алекса сын попа Лазаря, Жадан (золотописец)
1118 1164	Игумен Сильвестр; дьяк Константин Добрило (мирски)	XII в.	Офрем, Илья бывший попип, Лаврентий, Матвей
Конец XII в. 1215 До 1226	Пономарь Творимир, Иаков Демка поп Попин Савва (мирски Грецин)	Конец XII в. 1219	Моисей Киянин Кюрик
1229 До 1230	Дьяк Давид Тимофей пономарь, Иоанн поп	До 1250	Максим Тешинеп
1250	Тимофей пономарь	1260 1270	Леукин Георгий сын попов, Лотша
1271	Поп Захарий; сын его Онуфрий	До 1288 1296	Грешный, худой Иов Захаря писец

церквей. Обычная фраза граффити: «Помилуй господи раба — имя рек» — по существу мало чем отличалась от записей писцов на книгах. Когда переписывание стало массовым производством, организованным в крупных мастерских, таких, как у новгородских архиепископов Моисея и Алексея, практика подписывания начала сходиться на нет. Но это произошло уже в XIV в.

Всех известных книжных писцов XI—XIII вв. можно разделить на две группы — церковники и светские (см. табл. 4).¹⁴

Выше уже было отмечено, что сохранность книг домонгольского времени зависела от совокупного воздействия многих случайных и закономерных причин, была обусловлена рядом объективных и субъективных факторов. Однако за кажущейся очевидной непредсказуемостью сохранности рукописных списков прослеживается определенная закономерность их распределения по векам.

И. И. Срезневский в работе «Древние памятники русского письма и языка» насчитал 33 книги, написанные в XI в. или около этого времени, включая в их число также списки, не дошедшие до XIX в., 69 книг XII в. или близких к этому столетию, 87 книг XIII в. В самом конце XIX в. Н. В. Волков утверждал, что от XI в. сохранилось 22 книги, от XII в. — 86 и от XIII в. — 142.¹⁵ Через 70 лет после Н. В. Волкова Археографическая комиссия АН СССР выявила 50 книг XI и XI—XII вв., 125 книг XII и XII—XIII вв. и 215 книг XIII в.¹⁶ Если выразить данные, приведенные И. И. Срезневским, Н. В. Волковым и Археографической комиссией АН СССР в процентах, то получится следующее:

	XI в.	XII в.	XIII в.
И. И. Срезневский	18	36	46
Н. В. Волков	9	34	57
Археографическая комиссия АН СССР	13	32	55

По-видимому, при абсолютном доминировании числа сохранившихся книг, созданных в XIII в., максимальный

¹⁴ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. Изд. 2-е. СПб., 1882.

¹⁵ Волков Н. В. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков и их указатель. — ПДПИ, СПб., 1897, т. СХХIII, с. 23—24.

¹⁶ Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв. — Археогр. ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 182.

относительный прирост прослеживается все же на рубеже XI и XII вв. На это же указывают частые упоминания летописей, житий и других памятников о недошедших, но несомненно существовавших в XII в. книгах. То же подтверждают более поздние списки с произведений XII в. или их переработки.

Косвенные данные об увеличении объема книжного фонда Руси по векам дают сведения о росте числа городов с X в. по 1240 г.¹⁷

Во всех новых городах строились новые храмы, основывались монастыри, для богослужения в которых требовались в большом количестве новые книги.

Не повторяя уже приводимые ранее цифровые показатели по трем группам объектов (города, церкви и монастыри XI—XIII вв.), отметим, что во всех случаях прослеживается та же закономерность, которая была отмечена при рассмотрении соотношения сохранившихся книг XI—XIII вв.: при абсолютном росте числа городов, монастырей и церквей в XIII в. наиболее крупное относительное их увеличение наблюдалось на рубеже XI и XII столетий. Это не только указывает на количественное расширение производства книг в XII в., но и дает основание предположить, что в это время возникают какие-то качественные изменения в организации рукописного дела.

Наблюдение за особенностью почерков рукописных книг, изучение поправок отдельными писцами текста других, совместные надписи ряда писцов на одной книге привели исследователей к установлению факта разделения труда между переписчиками книг, наличия мастеров и подмастерьев. Н. М. Каринский доказал, что дьяк Иоанн, писец Святославова «Изборника» 1073 г., имел у себя помощника.¹⁸ В XII—XIII вв. для ускорения переписки крупных книг начали работать целыми корпорациями. Так, Рязанская кормчая 1284 г. была написана 5 писцами.¹⁹ Как уже было отмечено палеографами, эта практика привела к тому, что писцы получали определенное количество листов и писали, видимо, на дому. В зависимости от инди-

¹⁷ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956, с. 15, 36, 39, 41.

¹⁸ Каринский Н. М. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925, с. 10.

¹⁹ Кормчая Рязанская, 1284 г. (ГПБ, Ф.п.И, I). На последнем листе (402 об.) имеется приписка писца о том, что писали книгу 5 человек 80 дней.

видуальных особенностей почерков заранее было трудно рассчитать количество нужных листов. Изготовленные порознь части текста при компоновке не всегда хорошо стыковались. В результате внутри книги иной раз оказывались пустые листы.

На основе вышеизложенного можно сделать два вывода. Во-первых, из 39 известных нам по имени писцов XI—XIII вв. только 15 относились к лицам духовного звания. Остальные 24 не указали свою принадлежность к церкви. Во-вторых, подписи переписчиков из священнослужителей приходятся преимущественно на XI в. На рубеже XI—XII столетий начинает выделяться группа писцов из мирян. С конца XIII в. эти люди уже называют себя «мастерами». По-видимому, уже в XII в. в крупных городах Древней Руси — Киеве, Новгороде и других возникает ремесло «книжных писателей».

Преобразование производства книг в светскую профессию отражало относительно широкое распространение грамотности среди населения древнерусских городов на рубеже XI—XII вв. Кроме имен книжных писцов XI—XIII вв., известны также имена 7 мастеров, подписавших изготовленные ими изделия. Это Стефан, Братило и Коста из Новгорода, Костянтин из Вщижа, Лазарь Богша из Полоцка, Максим и Н[и]кодим из Киева. Большая библиография древнерусских надписей собрана академиком А. С. Орловым.²⁰ Исчерпывающую публикацию русских датированных надписей XI—XIV вв. предпринял акад. Б. А. Рыбаков.²¹ Интересную работу по изучению грамотности ремесленного населения древнего Новгорода проделала сотрудник Государственного Эрмитажа М. П. Сотникова. Просматривая новгородские серебряные слитки XII—XIV вв., она установила, что из 104 известных в настоящее время экземпляров 86 имеют надписи мастера-ливца. Значительное количество надписей относится к XII—XIII вв.²²

Совершенно исключительный материал для решения вопроса о степени грамотности населения Древней Руси

²⁰ Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952.

²¹ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI—XIV веков. Свод археологических источников. М., 1964.

²² Сотникова М. П. Серебряные платёжные слитки Великого Новгорода. (Вопросы техники и эпиграфики). Автореф. дис. Л., 1958, с. 8—13.

был получен советскими археологами. Каждый новый сезон раскопок приносит десятки и сотни предметов с буквами и целыми словами. Корпус таких памятников собрать просто невозможно, ибо он весьма велик, а каждый год дает все новые и новые материалы.

Для примера укажем только на некоторые из них. Летом 1948 г. А. Л. Монгайт раскапывал Успенский собор в Старой Рязани. Многие из обнаруженных кирпичей имели клейма в виде букв и знаков. На некоторых из них было оттиснуто имя мастера: «Яков тв» («Яков творил»). Надписи были вырезаны в форме и оттиснулись на кирпиче в зеркальном отражении.²³ Раскопки М. К. Каргера в Переяславле-Хмельницком дали большое количество надписей на стенах храмов (граффити) и на сырце-кириче. В начале 50-х годов экспедицией под руководством Ю. Н. Дмитриева обнаружено на кирпичах церкви Параскевы Пятницы (XII в.) в Чернигове много клейм, часть которых — буквы. Многолетние раскопки в Старой Ладозе, проводимые В. И. Равдоникасом и Г. П. Гроздиловым, позволили создать в Государственном Эрмитаже целую коллекцию фрагментов фресок, на которых хорошо прослеживаются граффити. Определенная часть их может быть датирована домонгольским временем.

Надписи встречаются на самых обычных бытовых предметах, на пряслицах («Г^осподи помоги рабе своей...»),²⁴ венцах срубов, сапожных колодках, крышках от бочек, глиняных сосудах и т. д. и т. п. В 1949 г. Д. А. Авдусин во время раскопок Гнездовских курганов под Смоленском нашел глиняный сосуд, датируемый первой четвертью X в. На нем имелась надпись, которая может быть прочтена как «горухща» или «горушна» («горчица»)²⁵ По мнению акад. Д. С. Лихачева, более вероятное прочтение — «горух пса».

26 июля 1951 г. рабочая археологической экспедиции А. В. Арциховского в Новгороде Н. Ф. Акулова нашла первую берестяную грамоту. Это была настоящая научная сенсация. Появился ценнейший исторический источник, совершенно по-новому раскрывающий многие стороны

²³ Монгайт А. Л. Раскопки Старой Рязани. — В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М., 1953, с. 312.

²⁴ Ворониц Н. Н. На берегах Клязьмы и Немана. — Там же, с. 283.

²⁵ Авдусин Д. А., Тихомиров М. Н. Древнейшая русская надпись. — Вестник АН СССР, 1950, вып. 4, с. 71—79.

культуры древнерусского государства. Новгородцы, жившие 9—7 веков назад, заговорили живым языком, зафиксированным в надписях берестяных грамот.

Появление с XII в. особой профессии книжного переписчика свидетельствует о возрастании потребности в книгах, которую не могли удовлетворить монастырские писцы, работавшие больше для внутреннего потребления, чем на продажу. Надо полагать, что уже с XII в. спрос на книгу стал настолько высок и устойчив, что обеспечивал возможность существования людей, живших «книжным строением».²⁶ Став ремеслом, книжное дело неизбежно должно было развиваться дальше по внутренним законам всякого ремесленного производства.

Ипатьевская летопись под 1205 г. сообщает интересные сведения о писателе-профессионале Тимофее, родом из Киева, который проживал в г. Галиче. Несмотря на то что он не занимал никакого официального поста, его считали «премудрым и книжником», а его сочинения имели большой общественный резонанс.

Списыванием книг занимались также представители класса феодалов, включая лиц, высоко стоявших на лестнице общественных отношений. Из текстов летописи можно сделать вывод, что князь Владимир Васильевич (Василькович) Волинский лично списал по меньшей мере три книги: «В монастырь свой Апостолы да Еуангелие апракос и Апостол сам списав ... положи. В епископию перемышльскую да Еуангелие апракос окованно серебром с женчюгом сам же списал бяше...».²⁷ Под 1287 г. в Ипатьевской летописи упоминается некто Федор, писец князя Владимира Васильевича Волинского. По-видимому, он исполнял при князе функции секретаря. Под 1241 г. Ипатьевская летопись сообщает, что у князя Даниила Галицкого, первого и единственного русского короля, был печат-

²⁶ Археологи хорошо знают, что на рубеже XI—XII вв. резко меняется облик вещей, выходящих из рук ремесленников. В изготовлении различных изделий прослеживается процесс упрощения технологии. Кажущийся технический регресс был на самом деле результатом бурного развития ремесла вширь, иными словами, он говорил об экономическом прогрессе. Упрощение технологии — это неизбежное следствие перехода от кропотливой работы на заказ к изготовлению массовой продукции на рынок. Общие закономерности развития древнерусского ремесла были типичны для дела «книжного строения».

²⁷ Ипатьевская летопись, под 1288 г.

ник Кирилл, которому князь поручил «...исписать грабительство нечестивых бояр». Данные, которые удалось собрать об основателях церквей и монастырей в Древней Руси, убедительно говорят о том, что основными заказчиками были князья и церковные иерархи.

Подобно тому как княжеские каменщики строили княжеские храмы, княжеские кожевенники могли выделывать пергамен, а княжеские переписчики — списывать книги. Себестоимость подобной книги была относительно невелика, так как для князя она выражалась только в стоимости тех присланных из деревни продуктов, которые предоставлялись переписчику, работавшему на городском дворе князя.

Если князья давали деньги на строительство и оборудование храма, то рабочую силу приходилось нанимать, а книги покупать на рынке. Но и в этом случае сумма денег, затрачиваемая на комплектование церковной библиотеки, не превышала нескольких процентов от стоимости сооружения храма.

Известно, например, что в 1070 г. Святослав Игоревич подарил Киевскому Печерскому монастырю 1000 гривен на постройку храма. На эти деньги в 1073—1074 гг. был построен большой каменный собор Успенья Божьей матери, разрушенный в 1096 г. половецким ханом Боняком. В соответствующих главах было установлено, что на одну церковь приходилось не менее десятка книг, каждая из которых стоила несколько гривен. Если весь минимум богослужебных книг был куплен на рынке, то их стоимость не превышала 30—50 гривен, что составляло не более 3—5% от стоимости здания. Со временем церковная библиотека расширялась. Летописи зафиксировали как вклады в только что выстроенный храм, так и случаи, когда вклады пополняли уже сложившееся собрание.

Несмотря на наметившуюся с XII в. тенденцию превращения «книжного строения» в светскую профессию, духовенство ни в коей мере не собиралось упускать из своих рук производство и распространение книги. Обладая значительными материальными средствами, богатые монастыри могли предоставить инокам большие возможности заниматься и литературным трудом, и списыванием книг. В древнерусском раннефеодальном государстве монастыри были не только религиозными центрами. В значительной мере они выступали как очаги книжности, средневековой

образованности, являлись зародышами русской школы.²⁸ В них создавались литературные памятники, велись летописи, слагались литературно-художественные направления. В монастырских мастерских вырабатывались навыки писцов, складывались постоянные коллективы переписчиков.

Среди всех монастырей Древней Руси первое место и по времени основания, и по значению бесспорно занимал Киевский Печерский. За стенами этого древнейшего и крупнейшего русского монастыря вырабатывались организационные формы «книжного строения». В переписных мастерских, по-видимому, весьма рано наметилась узкая специализация. В новеллах Печерского патерика образно запечатлена деятельность скриптория Киевского Печерского монастыря.

Инок Ларион (Иларион) был «хитр» писать книги и писал их в келье игумена «... во все дъни и нощи». Другой печерский монах — Великий Никон, сидя рядом, «строил», т. е. переплетал, книги, а сам блаженный пряд «первые... еже на потребу таковому делу». Работа сопровождалась тихим пением Псалтири.²⁹

В Студийском Уставе, принятом в Печерском монастыре и затем получившем признание во всех русских монастырях, имелся специальный раздел, регламентирующий порядок работы в переписной мастерской. В случае, если «каллиграф» нарушал предписанные правила, он подвергался определенным наказаниям. Система наказаний была тщательно разработана и построена по казусному принципу, т. е. за конкретное нарушение правил — определенное наказание. Наказания могли быть наложены: «аще не храня добре, держитъ тетрадь», «аще особе от писанных книг припишет», «иже вяще писанных от книг четет», «иже с гневом сломает трость», «иже не пребывает в повелении старейшины каллиграфа», «иже возьмет чужую тетрадь». Против нерадивых переписчиков могли быть применены следующие меры воздействия: «сухо да ясти», «да поклонитесь ... раз» и даже — «да отлучится».³⁰ Устав предпо-

²⁸ Отметим только, что для организации школ нужны были книги. — См.: Софийская летопись. ПСРЛ, т. V, под 1030 г.

²⁹ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 33—34.

³⁰ Буслаяев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стб. 388—389.

лагал наличие относительно крупной мастерской, где было несколько переписчиков, работу которых организовывал «старейшина».

Из стен Киевского Печерского монастыря вышло немало талантливых и высокообразованных для своего времени людей. Можно говорить о целой литературной школе, возникшей в Печерском монастыре и оказавшей значительное воздействие на литературу и культуру Руси XI—XIII вв. Талантливым писателем и проповедником был преподобный Феодосий. Дата рождения его точно неизвестна, считают, что он родился около 1036 г. Игуменом он был поставлен в необычно раннем возрасте — 26 лет, т. е. около 1062 г. Скончался 3 мая 1074 г. Его перу принадлежит несколько поучений, учительских посланий, обличение латинян, тексты молитв. Феодосий хорошо знал богословскую литературу. Есть основания полагать, что он читал Скитский патерик, жития Саввы, Евфимия, Мефодия Моравского, Поучения Феодора Студита, Мефодия Патарского, Иоанна Дамаскина («Небеса»), переведенные Иоанном экзархом Болгарским в X в., и другие произведения.³¹

В Киевском Печерском монастыре до 1093 г. трудился летописец Нестор, первый русский историк и археолог, крупнейший деятель культуры, автор «Чтения о св. мучениках Борисе и Глебе», «Жития преподобного Феодосия» и вечно живой, не теряющей своего значения до наших дней «Повести временных лет». Прославился своим литературным дарованием нареченный преемник Феодосия — мних Иаков. Возможно, его перу принадлежит «Житие и похвала великому князю Владимиру», послания и другие сочинения. Незадолго до торжественного перенесения гробницы Бориса и Глеба 2 мая 1072 г. в новую церковь в Вышгороде, которая была построена князем Изяславом Ярославичем, неизвестный нам автор написал «Сказание о Борисе и Глебе». Некоторые исследователи приписывают «Сказание...» мниху Иакову.

Следует отдать должное яркости литературного таланта одного из авторов Киевского Печерского патерика черноризца Поликарпа. В стенах монастыря мних Григор

³¹ См.: Макарий, митрополит. История русской церкви. Т. II. Изд. 3-е. СПб., 1889, с. 97—201.

рий в 1074—1088 г. написал каноны. Печерский архимандрит (до 1226 г.) Досифей оставил записки об Афоне. Вспомним также епископа Илариона, которого летописи называли «книжным» человеком; инока Илариона, списывавшего книги по указанию Феодосия, его же помощника по переписке книг старца Никона и многих других, имена которых остались неизвестны, но труд которых шел на удовлетворение духовных потребностей не одного Киева.

Киевский Печерский монастырь стал признанным центром, из которого образованность распространялась по другим епархиям и монастырям. Из печерских иноков комплектовались кадры высшего духовенства для всей страны. В этом смысле типична биография другого автора Патерика — Симона. Из Киева он был переведен игуменом в монастырь Рождества богородицы во Владимире, в 1214 г. назначен епископом Владимирским и Суздальским. В этом сане он скончался 22 мая 1226 г. В одном из писем Поликарпу епископ Симон писал, что с середины XI в. до начала XIII в. около 80 печерских монахов получили епископские кафедры.³²

Другим культурным центром Киева был Выдубецкий монастырь, развивший свою деятельность в XII в. В 1116 г. игумен этого монастыря Сильвестр обессмертил свое имя переработкой «Повести временных лет», за что получил впоследствии название Великого. Литературная традиция держалась в монастыре до начала XIII в., когда было составлено любопытное «Слово о создании каменной стены под церковью св. Михаила».

К сожалению, дошедшие до наших дней подлинные списки памятников киевской письменности весьма малочисленны. Некоторые исследователи думают, что в Киеве были написаны оба «Изборника» Святослава.³³ Н. В. Волков предполагал, что так называемое Юрьевское евангелие было написано около 1120 г., скорее всего в Киеве, по приказанию князя Мстислава (Федора) для его сына Всеволода в Новгород по случаю освящения воздвигнутого последним церкви с монастырем во имя св. Георгия.³⁴ На

³² Патерик Киевского Печерского монастыря, Слово 14, с. 76.

³³ См.: Изборник Святослава 1073 г. (ГИМ, Син. № 31-Д), М., 1880; Изборник 1076 г. (ГПБ, Эрмит. 20), М., 1965.

³⁴ Евангелие апракос «Юрьевское», начало XII в. (ГИМ, Син.

рубеже XII—XIII вв. «киянин» Моисей списал Триодь.³⁵ К памятникам, близким по характеру к Триоди Моисея, написанной киевлянином, но не в самом Киеве, следует отнести Мстиславово евангелие.³⁶

Как крупнейший культурный центр страны XI—XIII вв. Киев снабжал другие города не только профессиональными писцами, но и книгами. До нашего времени не уцелел киевский список Кормчей, служившей оригиналом той копии, которая в свою очередь была переписана по указанию епископа Рязанского Иосифа в 1284 г.³⁷ К киевским памятникам проф. Ягич присоединял еще так называемое Добролюво евангелие 1164 г.³⁸ и некоторые другие списки галицко-волынской группы.³⁹

Вторым крупнейшим центром древнерусского государства и древнерусской культуры был Великий Новгород. Из значительного количества монастырей Новгорода нельзя указать ни одного, который приобрел бы значение, равное Киевскому Печерскому монастырю, как в области просвещения, так и в сфере книжной деятельности. Первое место в области книжной культуры в древнем Новгороде принадлежит не монастырям, а дому св. Софии, религиозному центру Новгородской земли, местопребыванию новгородского епископа. Построенный в 1052 г. собор стал признанным центром новгородской книжности. При епископской кафедре в соборе велись летописи, хранились архивы, сложилась вторая после Софийской Киевской библиотеки на Руси. Под сводами патронального храма всей северной Руси хранилось Остромирово евангелие (1056—1057 гг.), Путятина минея (XI в.), Стихирарь (1156—

№ 1003); Волков Н. В. Статистические сведения..., с. 30. Несмотря на то что Юрьевское евангелие известно с 1834 г. и достаточно хорошо изучено и описано, вопрос о месте его создания до сих пор не решен (Жуковская Л. П. Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников. — В кн.: Исследование источников по истории русского языка и письменности. М., 1966, с. 47).

³⁵ Волков Н. В. Статистические сведения..., с. 30.

³⁶ Евангелие апракос («Мстиславово»), начало XII в. (ГИМ, Син. № 1203); Симоны П. К. Мстиславово евангелие начала XII в. в археологическом и палеографическом отношениях. I. Вводная статья. — ПДПИ, т. СХХIX, СПб., 1910.

³⁷ Кормчая Рязанская, 1284 г. (ГПБ, Ф.п. II, 1).

³⁸ Евангелие апракос («Добролюво»), 1164 г. (ГБЛ, собр. Румянцева, № 103).

³⁹ См.: Волков Н. В. Статистические сведения..., с. 30—31.

1163 г.), Мстиславово евангелие (до 1117 г.),⁴⁰ Саввина триодь (до 1226 г.).⁴¹

Крупные кафедральные храмы вроде Софии Новгородской были средоточием значительного количества белого духовенства. К сожалению, до наших дней не сохранилось ни одного источника, на основании которого можно было бы более или менее точно говорить о числе лиц духовного звания в кафедральных и приходских храмах XI—XIII вв. Самые ранние сведения о Софийском храме в Новгороде восходят к середине XVI в. В 1553 г. здесь было 18 священников, протопоп, 4 дьякона и архидьякон, т. е. 24 человека. По-видимому, штат священно- и церковнослужителей был больше, так как неучтенными оказались псаломщики, дьячки, сторожа и другой обслуживающий персонал.

28 апреля 1556 г. Иван IV установил штат Софийского собора в следующем составе: протопоп — 1, протодьякон — 1, священников — 18, дьяконов — 4, псаломщиков — 2, дьячков — 18, итого — 44 человека.⁴² Учитывая огромные размеры собора, можно думать, что и в домонгольское время в нем так же было несколько десятков священно- и церковнослужителей. Только значительное число достаточно грамотных людей могло поддерживать славу дома св. Софии.

Из других культурных центров Новгорода следует отметить роль основанного в начале XII в. Юрьева монастыря и Хутынского монастыря, выдвинувшего Антония, который оставил описание своего путешествия в Царьград. Крупным центром средневековой учености и книжности был Антониев монастырь. Еще в XVII в. в биб-

⁴⁰ Куприянов И. Обзорение пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки. СПб., 1857; Абрамович Д. И. Софийская библиотека. Вып. 1. СПб., 1905, с. I—II; Евангелие апракос (Остромирово), 1056—1067 гг. (ГПБ, п.1.5); Минея служебная, май (Путятина), ок. 1100 г. (ГПБ, Соф. № 202); Стихирарь праздничный на крюках, 1156—1163 гг. (ГПБ, Соф. № 384); Евангелие апракос (Мстиславо), начало XII в. (ГИМ, Син. № 1203).

⁴¹ Не совсем ясно, какую книгу Д. И. Абрамович называет «Саввиной триодью» (до 1226 г.). Известно Евангелие апракос (Саввина книга) X—XI вв., XII и XIV вв. (ЦГАДА, ф. 6-ки Моск. синод. типогр., № 14).

⁴² Румянцев И. С. Описание Новгородского Софийского кафедрального собора. — Труды XV Археол. съезда в Новгороде 1911 г., т. IV, М., 1916, с. 134.

лиотеке этого монастыря хранились три харатейных служебника самого основателя монастыря Антония Римлянина, умершего 3 августа 1147 г.⁴³ Монахом этой обители был дьякон и domestик Кирик (род. 1108 г., умер после 1137 г.), написавший чрезвычайно любопытное «Вопрошение о правилах церковных» и «Кириково учение, или же ведати человеку числа всех лет».

Отметим, что Кирик был одним из первых русских писателей, упомянувших о новгородских берестяных грамотах еще в середине XII в. По утверждению Я. Н. Шапова, Кирик был не только регентом церковного хора, но и монастырским библиотекарем.⁴⁴ В Новгородской синодальной летописи под 1280 г. сохранился текст одного из вопросов Кирика, адресованных главе новгородской церкви епископу Нифонту: «Несть ли в том греха, аще по грамотам ходити ногами, аще кто изрезав помечет, а слова будут знати?». Вопрос Кирика, мелочного казуиста и педанта, был, конечно, подсказан практикой новгородской жизни — бросать на городские улицы разорванные куски уже прочтенных грамот. Археологические раскопки в Новгороде полностью подтвердили этот штрих обихода древних новгородцев и тем самым факт относительно широкого распространения грамотности среди городского населения в середине XII в.

Есть некоторые основания утверждать, что значительное место среди центров новгородской книжности занимал Воскресенский монастырь (Воскресения св. Лазаря, называемый в записях книг просто Лазаревым). Когда был основан этот монастырь и где точно он находился — пока сказать трудно. Из летописей только можно узнать, что в 1136 г. в нем был значительный пожар, после которого он, вероятно, снова восстанавливался и опять горел, но идет ли речь о том же самом монастыре — неизвестно. До наших дней дошло несколько книг, созданных в стенах этой обители. Древнейшие из них восходят к XII в. Лаврентий в XII в. написал 3 списка миней, одну из них ему помогал писать Матвей. Демка, священник церкви св. Лазаря, в 1188 г. написал Милятино евангелие. Оксентий

⁴³ Никольский Н. К. Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.). Вып. I, А—Б. — ПДПИ, СПб., 1915, т. СXXXII, с. 63.

⁴⁴ Шапов Я. Н. Кирик-новгородец о берестяных грамотах. — СА, 1963, № 2, с. 251—253.

в начале XIII в. списал Триодь постную и переплел Минею, написанную Лаврентием. Пометы «Лазорева книги» или «Лазорева монастыря» имеют несколько книг: Минея 1095 г., Минея 1096 г., 2 минеи XII в. и Октоих XIII в.⁴⁵

В «Указателе» Н. В. Волкова приведен довольно подробный список книг XI—XIII вв., которые могут быть отнесены к памятникам новгородской письменности. Правда, Н. В. Волков предусмотрительно отмечал, что ввиду постоянного отсутствия записей с указанием места написания большинство списков локализуется только на основе тщательного изучения специфических особенностей рукописи. Однако сами по себе выявленные особенности говора еще не могут убедительно указать места создания памятника.

В истории культуры существуют сложные взаимосвязи. Рукопись, в которой хорошо прослеживаются особенности новгородского говора, могла быть написана и в Киеве, и в другом русском городе, где проживал выходец из Новгородской земли. Далеко не все списки с характерным новгородским произношением следует относить к продукции самого Новгорода. Попадают записи, говорящие о том, что книги, написанные в Новгороде, предназначались для пригородов. Запись сгоревшего Пролога 1229 г. говорила, что написан он был в Новгороде дяконом Давидом в «Шенкурск за Волок в храм Спаса». Паремийник 1271 г. написан священником церкви Димитрия Захарием с сыном Онуфрием «матигорцам за Волок», т. е. в село Матигорье на Двине.⁴⁶ В записи Новгородской триоди 1311 г. находится указание, что книги уходили «... в Ладогу, в монастырь на Малышево» и т. д.

В настоящее время общепризнано, что большинство сохранившихся рукописей XI—XIII вв. составляют списки, сделанные в Новгороде.⁴⁷ По-видимому, прав был Н. В. Волков, когда утверждал, что около половины всех сохранившихся домонгольских книг являются памятниками новгородской письменности.⁴⁸ Если к этому добавить, что почти вся древнерусская литература дошла до наших дней в составе более поздних новгородских памятников, то значение Новгорода вырастает неизмеримо больше.

⁴⁵ Волков Н. В. Статистические сведения..., с. 32—33.

⁴⁶ Паремийник, 1271 г. (ГПБ, Q. п. I. 13).

⁴⁷ Например, Триодь постная, 1311 г. (ГИМ, Син. № 896).

⁴⁸ Волков Н. В. Статистические сведения..., с. 27—28.

Такое обилие новгородских списков вполне объяснимо по двум причинам. Во-первых, Великий Новгород в до-монгольское время и в период развитого средневековья был вторым по значению городом Руси. Во-вторых, Новгород не испытал ужасов монгольского нашествия, когда в пламени пожаров погибли бесценные сокровища Русской земли.⁴⁹

Рукописей псковского происхождения XI—XIII вв. сохранилось очень мало. Н. В. Волков отмечает Евангелие 1279 г., Апостол 1307 г. и несколько других книг XIV в.⁵⁰ Вероятно, производительность псковских переписчиков была много меньше, чем у их новгородских коллег. Хотя Псков не видел монгольских воинов под своими стенами, но у пограничного города за его многовековую историю было много других врагов. В 1240 г., пользуясь ослаблением Руси, истекавшей кровью в борьбе с ордами Батюга, немцы разгромили псковское ополчение и заняли городской посад, который варварски сожгли. В огне погорели «книги и евангелия».⁵¹

Большую работу по выявлению псковско-новгородского письменного наследия проделал А. А. Покровский.⁵² В 1916 г. он тщательно обследовал пергаменные рукописи Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. Всего им было зафиксировано 278 пергаменных рукописей XI—XV вв., т. е. около половины всех пергаменных рукописей, находящихся в начале XX в. в России. А. А. Покровский приводит имена 12 псковско-новгородских, преимущественно новгородских, писцов XI—первой половины XIII в.; часть из них не попала в список Б. А. Рыбакова.⁵³ Судя по именам владельцев пергаменных рукописей, некоторые из них происходили из черного и белого

⁴⁹ Лаврентьевская летопись, под 1237 г.

⁵⁰ Волков Н. В. Статистические сведения..., с. 33. Апостол апракос, 1307 (ГИМ, Син. № 722). Местонахождение Евангелия 1279 г. в настоящее время не установлено. Особенности псковского говора прослеживаются в написанном в Новгороде Паремийнике 1271 г.

⁵¹ Новгородская первая летопись, под 1240 г.

⁵² Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. — Труды XV Археол. съезда в Новгороде, М., 1916, т. II, с. 388—389.

⁵³ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 406—507.

духовенства, но чаще из мирян. Почти все они — уроженцы северных районов страны.

Вместе с общим расцветом Руси возникли новые культурные и книжные центры. К середине XII в. выдвинулись города Галицкой Руси и Волыни — Галич, Владимир и Холм. Именно к этому времени относятся летописные данные о книгах и наиболее ранние сохранившиеся рукописи юго-западной Руси. Н. В. Волков называет 16 галицко-волинских рукописей, из которых нет ни одной древнее XII в.⁵⁴ К ним относятся: 1) так называемое «Галицкое» евангелие (1143 г.), 2) Добрилово евангелие (1164 г.), 3) Евангелие XII в. б. Московской типографской библиотеки, № 7, 4) Выголексинский сборник (конец XII—начало XIII в.), 5) Типографское евангелие № 6 (конец XII—начало XIII в.), 6) Ирмологий Григоровича того же времени.

Большая часть сохранившихся галицко-волинских книг написана уже в XIII в.

Лучшую сохранность рукописей XIII в. следует объяснить тем, что на это столетие приходился расцвет городов юго-западной Руси. Необходимо также учитывать, что юго-западная Русь меньше пострадала от монгольского нашествия. Именно на вторую половину XIII в. приходилось княжение во Владимире-Волинском Владимира Васильковича (1271—1289), большого книголюбца, по-видимому одного из культурнейших людей своего времени. По дифирамбам, которые расточали в честь его учености летописцы, князя можно сравнить только с Владимиром I Святославичем и Ярославом Мудрым. В пышном некрологе летописец писал, что князь Владимир (в крещении Иван) «... глаголил ясно от книг, зане бысть философ велик».⁵⁵ Летописи не раз отмечали особое пристрастие князя к книгам. Он переписывал их сам, покупал, органи-

⁵⁴ Волков Н. В. Статистические сведения..., с. 34. Книги, указанные Н. В. Волковым, находятся ныне в следующих собраниях: 1) Евангелие тетр («Галицкое»), 1143 г. — ГИМ, Син. № 404; 2) Евангелие апракос полный («Добрилово»), 1164 г. — ГБЛ, собр. Румянцева, № 103; 3) местонахождение Евангелия XII в. из библиотеки Московской синодальной типографии, № 7, мне неизвестно; 4) Выголексинский сборник (Жития Нифонта Констанцского и Федора Студита, конец XII в.) — ГБЛ, Муз. № 1832; 5) Евангелие апракос, XII в. — ЦГАДА, ф. б-ки Моск. син. типогр., № 6; 6) по всей видимости, Н. В. Волков имел в виду Ирмологий на крюковых нотах начала XIII в. (?) — ГБЛ. Собр. Григоровича, № 37 (М., 1719).

⁵⁵ Ипатьевская летопись, под 1288 г.

зовывал переписку при своем дворе, раздавал собранные рукописи по монастырям и церквам.

Другие области Древней Руси не оставили заметного числа письменных памятников домонгольского времени. Трудно согласиться с Н. В. Волковым, который объяснял это слабым и поздним развитием письменности не только в мелких городах, но и в таких крупных центрах, как Смоленск, Полоцк, Суздаль, Владимир, Ростов, Рязань.⁵⁶ Точка зрения Волкова тем более неубедительна, что в своей же работе он приводит данные, полностью противоречащие ей. На с. 27—28 он утверждает, что новгородское наследие составляет «...никак не менее $1/2$ всех сохранившихся книг, вернее даже, что их еще более». На с. 30 читаем: «Но, к сожалению, от этого расцвета киевской письменности в XI в. и дальнейшего ее движения до XIV в. до нас дошли незначительные остатки», после чего следует перечень 5 книг киевского происхождения. Получается, что половина сохранившихся книг домонгольского времени относится к новгородской письменности, 5 — к киевской, 16 — к галицко-волынской. Но ведь другая половина или немногим меньше — около 100 книг были же где-то написаны? Конечно, центры удельных княжеств, этих феодальных полугосударств, уступали Киеву и Новгороду, но и в них были свои книжные мастерские, книжные собрания и любители книг. Книжные сокровища почти всех городов центральной и северо-восточной Руси погибли при монгольском нашествии. Достаточно прочитать Повесть о Николе Заразском,⁵⁷ чтобы понять размеры бедствия, связанного с монгольским завоеванием. Раскопки М. К. Каргера в Киеве и в Изяславле, украинских археологов в Райках наглядно показали, чего стоила русской культуре походы Батия.

Под Смоленском находился Зарубский монастырь, откуда вышел Климент Смолятич, о котором Ипатьевская летопись под 1155 г. писала, что он «...бысть книжник и философ, так яко же в Русской земле не бяшет». Сам Климент, обращаясь к смоленскому пресвитеру Фоме, который обвинял его в гордыне, писал, что пользовался сочинениями Гомера, Аристотеля и Платона.⁵⁸

⁵⁶ Волков Н. В. Статистические сведения..., с. 35.

⁵⁷ Лихачев Д. С. Повести о Николе Заразском. — ТОДРЛ, М.—Л., 1949, т. VII, с. 292.

⁵⁸ «Аз писах от Омира, и от Аристотеля, и от Платона, их

Другим прославленным книжником Смоленщины был Авраамий Смоленский (даты рождения и смерти точно неизвестны, но, вероятнее всего, он жил во второй половине XII в.). Из его «Жития» известно, что родители учили отрока книгам, и он, не в пример другим детям, «... которые унывали от книжного чтения», был прилежен и очень быстро превзошел своих сверстников.⁵⁹ Известно, что Авраамий много читал и хорошо знал богословскую литературу, и особенно писания Иоанна Златоуста и Ефрема Сирина. По-видимому, у него была порядочная библиотека, некоторые книги которой он списал «... ово своею рукою, ово многими писцы».⁶⁰

В «Житии княгини Евфросинии Полоцкой» (1101—1173) усиленно подчеркивается, что она «... была умна книжному писанию» и сама писала книги, основала в Полоцке два монастыря — мужской и женский и две церкви — Спаса и Преображения господня. Потомки называли ее просветительницей Полоцкой земли.⁶¹ Однако от некогда богатого книжного наследия западной Руси уцелело немного — Н. В. Волков называет Толстовский сборник XIII в., Евангелие 1317 г. и Погодинское евангелие XIII в. со смоленско-полоцкими вкладками.⁶²

Значительным средоточием книжности и культуры Древней Руси стал крупнейший административный и хозяйственный центр на северо-востоке страны — город Ро-

в елиньских нырех (?) (землях, — Б. С.) славные беша» (Лопарев Х. Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме. — ПДПИ, СПб., 1892, т. XC. с. 13).

⁵⁹ Погодин М. П. Образованность и грамотность в древнем периоде русской истории. — ЖМНП, 1871, ч. 153. Отдел наук, с. 9, 11; Житие преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. Подготовил к печати С. П. Розанов. — ПДРЛ, СПб., 1912, вып. 1, с. 3.

⁶⁰ Редков Н. Н. Преподобный Авраамий Смоленский. СПб., 1909, с. 133.

⁶¹ Исторические сведения о жизни преподобной Евфросинии Полоцкой. СПб., 1841; Голубинский Е. История русской церкви, т. I, полутом 1, 1901, с. 771; Повесть о Евфросинии Полоцкой. — Памятники древней русской литературы. Вып. III. СПб., 1862, с. 172—179 и др.

⁶² Волков Н. В. Статистические сведения... с. 35; Евангелие апракос «Пантелеймоновское», 1317 г. (БАН, 34.5.22). Какой сборник XIII в. Н. В. Волков называет «Толстовским», неясно. В настоящее время известна «Толстовская псалтирь толковая» XI—XII вв. (ГПБ, Ф.п.1.23). Какое Евангелие XIII в. Н. В. Волков называет «Погодинским», также неясно. Теперь известна «Погодинская толковая псалтирь» XII в. (ГПБ. Погод. 7).

стов. Уже в начале XII в. Авраамий Ростовский, архимандрит и основатель Ростовского Богоявленского монастыря, а также церкви евангелиста Иоанна, построенной на месте чудского идола, с детства «...навык книжному учению».⁶³ Первые симптомы феодальной раздробленности, упадок Киева способствовали формированию удельных княжеств и росту их столиц. На XII — начало XIII в. приходится расцвет Ростова. По-видимому, не случайно в первой трети XIII в. на ростовской кафедре оказывались высокообразованные и начитанные люди.

В 1216 г. преставился ростовский епископ Пахомий, который, по словам Лаврентьевской летописи, был «...исполнен книжного учения».⁶⁴ Служебная карьера этого князя церкви была довольно типична для своего времени. Пять лет он подвизался иноком Киевского Печерского монастыря, оттуда был переведен игуменом монастыря св. Петра в Ростове, выполняя одновременно функции духовника ростовского князя Константина Всеволодовича. 10 ноября 1214 г. по рекомендации последнего он был поставлен в Киеве митрополитом Матвеем первым ростовским епископом.⁶⁵

16 сентября 1229 г. в суздальском монастыре св. Дмитрия принял схиму под именем Кирияка ушедший с кафедры ростовский епископ Кирилл I. Епископскую кафедру он занимал с 1216 г. и оставил ее по болезни. 17 апреля 1230 г. он скончался. Рассказывая о покойном владыке, Лаврентьевская летопись добавила: «Бяшетъ бо Кирилл богат зело кунами и всем товаром и книгами ... так ни един епископ быв в Суждальской области». Часть его имущества была изъята по суду, а остатки Кирилл раздал нищим. Ученые давно интересовались судьбой библиотеки епископа Кирилла I. Уже в конце XIX в. было бесспорно установлено, что из этого собрания уцелели две книги — «Житие св. Нифонта», написанное «рабами божьими Алексой и Иоанном» 21 мая 1219 г., и Толковый апостол 1220 г.⁶⁶

⁶³ Житие Авраамия Ростовского. — В кн.: Полный месяцеслов Востока, т. II, с. 288; ч. 3, с. III.

⁶⁴ Лаврентьевская летопись, под 1216 г.

⁶⁵ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стб. 329—330.

⁶⁶ Соболевский А. И. Остатки библиотеки XIII в. — Библиограф. Вестник литературы, науки и искусства, СПб., 1889, № 6—7, с. 144—145; Житие Нифонта Констанцского. Апостол толковый

В дальнейшем А. И. Соболевский сделал попытку выделить из разных рукописных собраний все рукописи, которые можно было бы прямо или косвенно считать частью библиотеки епископа Кирилла I. Таких рукописей он насчитал 7. Кроме двух уже указанных выше, на основании нескольких формальных признаков (формат и др.) А. И. Соболевский назвал следующие книги: 1) Успенский сборник (ГИМ, Усп. № 4); 2) Златоструй с Торжественником (ГПБ, Ф. п. I. 46); 3) Пандекты Никона Черногорца (из Ярославля; Ярославский музей, № 15583); 4) Слово об антихристе Ипполита (ГИМ, Чуд. № 12); 5) Поучение Константина пресвитера Болгарского (ГИМ, Син. № 262).⁶⁷

Но расширенный список книг библиотеки Кирилла не был принят специалистами. Да и сам А. И. Соболевский несколько ранее все же ограничивался двумя рукописями — «Житием Нифонта» и Апостолом.⁶⁸

Состав и судьба библиотеки ростовского епископа в последнее время снова привлекли внимание исследователей. В. С. Гольшенко произвела палеографический анализ букв, строчных и надстрочных знаков, миниатюр, встречающихся в перечисленных выше списках. Ей удалось проследить по крайней мере один почерк, которым были написаны куски текста последних пяти книг. Она утверждает, что обнаружила имя писца — Михаль. Общие выводы В. С. Гольшенко совпали с предположениями А. И. Соболевского.⁶⁹ Г. И. Вздорнов на основании тщательного и довольно убедительного анализа отнес к книгам собрания Кирилла I так называемое Университетское евангелие (МГУ) первой трети XIII в.⁷⁰

(ГИМ, Син. № 7); О Кирилле I см. в кн.: Иерархи Ростово-Ярославской паствы в преемственном порядке от 992 года до настоящего времени. Ярославль, 1864, с. 43—44.

⁶⁷ Соболевский А. И. Остатки библиотеки XIII в. — В кн.: Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, с. 205—207.

⁶⁸ Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. СПб., 1908, с. 85.

⁶⁹ Гольшенко В. С. К гипотезе о ростовской библиотеке XIII в. — В кн.: Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963, с. 45—64.

⁷⁰ Вздорнов Г. И. Малоизвестные лицевые рукописи Владимиро-Суздальской Руси XII—XIII вв. — СА, 1965, № 4, с. 179—185; Университетское евангелие (МГУ, Отд. редкой и рукописной книги, 2А80).

В 1230 г. третьим епископом Ростова был поставлен Кирилл II (1186—21 мая 1262 г.), бывший игумен и архимандрит монастыря Рождества богородицы. Современники удивлялись начитанности нового епископа. Слушать «...учения его от святых книг» собирались «...из окрестных град... не только простцы, но и попы и игумены и весь черноризческий чин, князья и вельможи всякого возраста града Ростова».⁷¹

Среди немногих русских князей, удостоившихся почетного титула «книжных людей», необходимо назвать ростовского князя Константина Всеволодовича, внука Юрия Долгорукого, правнука Владимира Мономаха. Он родился в 1196 г. и умер 2 февраля 1218 г. С 1207 г. сидел князем в Ростове, с 1216 г. — великим князем во Владимире. Его биография, заполненная бесконечными походами, междоусобицами с их ожесточенной дипломатической борьбой, часто переходящей в вооруженные столкновения, ничем особенно не выделялась из десятков историй других удельных и великих князей. Отличие заключалось в том, что князь Константин, по единодушному мнению современников, был горячим поборником книжности. Передавая его речь, обращенную к сыновьям Василию, направляемому на стол в Ростов, и Всеволоду — в Ярославль, летописец подчеркнул призыв князя, чтоб дети его «...книжного учения слушались». В некрологе, помещенном в Лаврентьевской летописи под 1218 г., отмечалось, что усопший «...вельми бо пекся о создании прекрасных божьих церквей, созда (церкви, — Б. С.) по своей власти» и украсил «...чудными иконами, исполнял книгами и всякими украшениями». Летописец заметил, что князь «...часто бо чтяше книги с прилежанием».

По-видимому, знал и любил религиозную книгу Андрей Георгиевич Боголюбский, убитый заговорщиками 29 июня 1175 г. Современники отмечали, что князь «...зело прилежен божественному учению». Есть сведения, что книголюбом был герой битвы на Чудском озере Александр Ярославич Невский (1220—1263). Из «Послания» епископа Владимирского к сыну великого князя видно, что Александр украшал церкви книгами.⁷²

⁷¹ Лаврентьевская летопись, под 1230 г.

⁷² «...отец твой великий князь Александр украсил церкви Божиим... и книгами» (Макарий, митрополит. История русской церкви. Т. V, кн. 2. СПб., 1866, с. 392; то же: РИБ, т. VI, с. 117).

Нет ничего удивительного в том, что книжное наследие Рязанской земли не дошло до наших дней; достаточно вспомнить взволнованные слова современников о гибели в огне Батыева нашествия «узурочия нарочитого, богатства рязанского...».⁷³ В начале XIII в. Рязань безусловно была крупным культурным центром Руси. А. А. Монгайт, много лет производивший раскопки на место погибшего города, писал: «В Старой Рязани в рядовых жилищах часто находят медные застезки книжных переплетов — единственная хорошо сохранившаяся в земле деталь от древних рукописных книг. Книги были не только у богачей — книжные застезки найдены также в жилищах ремесленников, в полуземлянках бедноты».⁷⁴ Наиболее ранние сохранившиеся книги Галича Северного, Ярославля, Суздаля, Переяславля, Москвы, Серпухова относятся к разным годам XIV в.⁷⁵

Некоторым библиотечным работникам представляется невероятной даже мысль о возможности существования библиотек в домонгольской Руси. Так, например, М. И. Слуховский, признавая наличие «...богатой и разнообразной русской книги XI—XIII вв.», утверждал, что говорить о библиотеках можно только на относительно более позднем этапе развития феодального общества, не ранее XVI в. Не отрицая общеизвестного факта существования книжного собрания Софийского киевского собора, М. И. Слуховский не признавал за ним права называться «...социально устойчивым учреждением». «Кроме того, — пишет М. И. Слуховский, — вряд ли правильно считать библиотекой набор богослужебных пособий в приходском храме, малочисленный по объему, нередко меньше полдюжины единиц, и имеющий прикладное значение, подобно свечам, иконам, лампадам».⁷⁶

С этими положениями согласиться невозможно. Почему монастырские и церковные книжные собрания, рассчитанные на коллективное пользование, имевшие определенный устав, не являются «социально устойчивыми учреждениями»? М. И. Слуховский, по-видимому, не совсем пра-

⁷³ См. в кн.: Лихачев Д. С. Повести о Николe Заразском... с. 292.

⁷⁴ Монгайт А. Л. Раскопки Старой Рязани. — В кн.: По следам древних культур. Древняя Русь. М.—Л., 1953, с. 317.

⁷⁵ Волков Н. В. Статистические сведения..., с. 35—37.

⁷⁶ Слуховский М. И. Из истории книжной культуры России. М., 1964, с. 8.

вильно представляет отношение древнерусского человека к книге, особенно религиозного содержания. С точки зрения религиозного человека, и не только в Древней Руси, богослужебная книга, находящаяся в церкви, является таким же священным предметом, как икона или другая церковная утварь. Но это не мешает книге быть книгой, иконе — иконой.

Кроме того, нельзя забывать, что богослужебные книги в Древней Руси, да и много позже, использовались не только для церковной службы, но и для душеспасительного чтения, а также в качестве учебных пособий при обучении грамоте и т. д. и т. п. В этом плане следует особо отметить значение Псалтири.⁷⁷ Она была основной и чуть ли не единственной, кроме Часовника, книгой, по которой древнерусские люди учили грамоту. Освоение Псалтири следованной (т. е. Псалтири в соединении с Часословом) было, с точки зрения новгородского архиепископа Геннадия (скончался в 1503 г.), достаточным условием для допущения к церковно-служительским должностям. Научившись читать по Псалтири, древнерусский человек не расставался с этой книгой всю жизнь. Известны случаи, когда древнерусские князья гадали по Псалтири. Монахи Киевского Печерского монастыря постоянно либо читали, либо пели псалмы. Почти все древнерусские оригинальные сочинения изобилуют отрывками из Псалтири.⁷⁸

Необходимо отметить, что в домонгольское время, кроме Псалтири Давида, были известны псалмы Соломона. В «Изборнике» 1073 г. они отнесены к числу «сокровенных». По-видимому, не случайно в Киевском Печерском патерике подчеркивается, что Феодосий поучал брата читать не просто Псалтирь, а именно Псалтирь Давида. Списки Псалтири Давида составляют 10% от всего числа сохранившихся рукописей второй половины XI в.⁷⁹

Для того чтобы говорить о библиотеках в домонгольской Руси, следует прежде всего собрать все доступные

⁷⁷ Срезневский И. И. Древний славянский перевод Псалтири. Исследование его текста и языка по рукописям XI—XIV вв. СПб., 1877.

⁷⁸ Употребление Псалтири в древнем быту русского народа. — Православный собеседник, 1857, с. 814—856.

⁷⁹ Наиболее ранние русские списки Псалтири сохранились от XI в. Например, Псалтирь толковая. Отрывок XI в. (ГПБ, Q.п.1.73), Псалтирь толковая («Евгеньевская»), Отрывок XI в. (ГПБ, Погод. 9).

сведения по этому вопросу, попытаться определить приблизительно состав их книжных фондов. К сожалению, из-за отсутствия прямых данных можно надеяться только заметить возможный порядок числа книг в библиотеках. Для этого следует хотя бы примерно установить количество монашествовавших в Древней Руси. Возьмем два крайних примера — наиболее крупный в Киевской Руси Печерский монастырь и малочисленную обитель — Смоленскую Авраамиеву (Богородицы Успенья). В тексте Киевского Печерского патерика сохранились вполне определенные указания на рост численности монастырской братии. В 1036 г. «...стадо словесных овец в доме Божией матери» достигло 12 человек. Через несколько лет в обители подвизалось 15 человек. В годы игуменства Феодосия (1062—1074 гг.) число монашествовавших возросло от 20 до 100. При Лаврентии-затворнике, на рубеже XI—XII вв., как утверждал инок Поликарп, черноризцев в монастыре было уже 180.⁸⁰ По-видимому, это было для Печерского монастыря максимальное число «христова воинства». В Смоленском Авраамиевом монастыре в XIII в. проживало 17 иноков. С точки зрения современников, это было мало, так как автор «Жития Авраамия Смоленского» нашел нужным сообщить, что малочисленность братии объяснялась исключительной строгостью игумена.⁸¹ Надо думать, что средние по численности монастыри имели по 30—50 иноков. Учитывая, что в домонгольской Руси функционировало около двух-трех сотен монастырей, число монашествующих одновременно должно было достигать нескольких тысяч человек. Для своего времени это была довольно многочисленная прослойка не просто грамотных, а высокообразованных, по представлениям средневековья, людей.

Студийский устав предполагал грамотность всех монахов. 26-й пункт устава предписывал иметь в монастырях библиотеки. Для хранения книг рекомендовалось выделить специального человека. «Должно знать, что в те дни, в которые мы свободны от телесных дел, ударяет книгохранитель однажды в дерево и собираются братия в книгохранительную комнату и берет каждый книгу и читает до вечера. Перед клепанием же к светильничному ударяет опять

⁸⁰ Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 13, 14, 26, 92.

⁸¹ Житие преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. — ПДРЛ, вып. 1. СПб., 1912, с. 18.

однажды книжный приставник, и все приходят и возвращают книги по записи, кто же умедлит возвратить книгу, да подвергнется епитимии».⁸²

В том же Уставе имелись специальные разделы, определявшие права и обязанности «книгохранителей» и читателей. «Аще кто книги возьмет и не храня их добре держит ... да не прикоснуть том дни ни к чему же ... Аще книгохранитель достойно не прилежит, не творя, не отрясая и skutая от праха (книги, — Б. С.), всегда сухо да яст ... Иже обрящет скрывая книги на ложе и ни во время четвертого ударения билу вдаст их книгохранителю, разве блаж вины, да предстоит на трапезе...».⁸³ Перед нами ожившие картины далекого прошлого библиотечного дела. Нерадивый книгохранитель, который не оберегает порученные ему книги, не отряхивает с них пыль, неаккуратный читатель, спрятавший книгу после ночного чтения в постель, не возвративший взятые книги вовремя. Неизвестно, как выполнялся этот пункт во всех монастырях, но стремиться к этому должны были все настоятели. Изучение Киево-Печерского патерика под данным углом зрения приводит к убеждению, что в киевских монастырях требования Устава в этом отношении строго соблюдались. Преподобный Феодосий не только сам был большой охотник до книг («... в словесах книжных веселся»),⁸⁴ но непрерывно поучал братию «почитанию книжному ... паче же иметь в устах Псалтирь Давидов».⁸⁵ Бывший монах Печерского монастыря епископ Владимирский и Суздальский Симон, безусловно хорошо знавший уклад своей обители, в письме к иноку Поликарпу писал, что чтение в келии являлось обычным занятием монахов. Пресвитер Дамиан прославился тем, что все ночи напролет читал святые книги. 25-е слово Патерика сохранило рассказ о затворнике Никите, ставшем впоследствии епископом Великого Новгорода. В Печерском монастыре считали, что никто из братии не мог состязаться с ним в знании книг Ветхого завета, так как Никита знал наизусть

⁸² Голубинский Е. Е. История русской церкви, т. 1, том 1, с. 781.

⁸³ Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков, стб. 388—389.

⁸⁴ Лаврентьевская летопись, под 1091 г.

⁸⁵ Хотя Печерский патерик сложился в начале XIII в., основные рассказы его относятся к инокам XI—первой половины XII в. См. также Лаврентьевскую летопись, под 1074 г.

книги Бытия, Исхода, Левита, Чисел, Судий, Царств и все пророчества по чину. Кроме того, он был «добре сведяще» во всех «жидовских книгах».⁸⁶

Если Феодосий и другие игумены и проповедники настоятельно требовали читать святые книги, то это естественно предполагало умение читать.⁸⁷ Только один раз Печерский патерик рассказал о человеке, который был «невежа словом». Как бы извиняясь, автор добавляет, что Спиридон-просфорник был не из города, а из села. Но и этот «просторек» начал энергично учиться в монастыре и скоро достиг больших успехов.⁸⁸

С точки зрения церкви переписка книг религиозного содержания считалась богоугодным делом и всячески поощрялась. Если в Печерском монастыре этим делом занималось только 5—10 человек, т. е. около 6% от среднего числа черноризцев, то и тогда за два столетия существования монастыря до монгольского нашествия количество переписанных книг должно было достичь нескольких сотен единиц. Книжное собрание Печерского монастыря сложилось не только из книг, переписанных в его стенах. В Арсеньевской редакции Патерика по списку ГПБ (Q, п. I. 31) имеется указание на то, что еще в начале XIII в. в монастыре хранились греческие книги, привезенные из Византии иконописцами, работавшими в Печерской лавре в середине XI в.⁸⁹

Черниговский князь Святослав Давидович, постригшийся в Печерском монастыре под именем Николая Святоши 17 февраля 1106 г., был известен как переводчик и собиратель книг. Многие из них он принес с собою в келью. Судя по словам Симона, некоторые из этих книг дожили до начала XIII в.: «Суть же книги его многы и доныне».⁹⁰ У ученика Феодосия инока Григория все имущество в келье заключалось в книгах «...не бе бо иного ни на что же имеа, разве книг». По-видимому, книг было немало, так как одну часть их он отдал «властелину града», а другую про-

⁸⁶ Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 37, 73, 91.

⁸⁷ Кирилл Туровский говорил: «Того ради молю Вы, потщитесь прилежно почитати святые книги», «Аще бо мира сего властители, иже в житейских вещах труждаются, прилежно требуют книжного почитания» (Погодин М. Образованность и грамотность в древнем периоде русской истории, с. 10; ПСРЛ, т. I, с. 79, 1074 г.).

⁸⁸ Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 120.

⁸⁹ Там же, с. 193.

⁹⁰ Там же, с. 83.

дал и вырученные деньги раздал нищим. Но и после этого у блаженного остались еще в погребке книги.⁹¹

Книги могли поступать в монастырь и с другими богатыми пострижниками. Из обеспеченной семьи происходил основатель монастыря Антоний Печерский. Сыном курского боярина был знаменитый Феодосий... Даже облачившись в монашеские одежды, инок Еразм оставался очень богатым человеком. Моисей Угрин был любимцем князя Бориса Владимировича, крупным феодалом был Ян Вышата; черноризец Никон «... был от великих града сего», Исаак-затворник происходил из богатых купцов г. Торопца. Сыном крупного боярина Иоанна был инок Варлаам и т. д. Книги поступали в монастырскую книгохранильницу в виде вкладов. Боярин князя Изяслава Гувич Здеслав, во крещении Климент, передал Феодосию Евангелие.⁹²

В домонгольское время библиотека Печерского Киевского монастыря была, вероятно, одной из крупных в Европе. Книжное собрание Крайландского аббатства в Англии, исчислявшееся в 300 томов, рассматривалось современниками как исключительное явление.⁹³

На основании «Жития преподобного Авраамия Смоленского», жившего во второй половине XII в., можно утверждать, что в этом городе имелись неплохие библиотеки, где были представлены не только русские, но и греческие книги. По крайней мере Авраамий уже в детские годы получил хорошее книжное образование, знал греческий язык. Впоследствии он отличался большой начитанностью, выдающимися ораторскими способностями и умением комментировать книги Священного писания. Игумен Богородицкого монастыря, в котором он постригся и монашествовал, также «... был хитр божественным книгам и все сведал и никто не мог с ним от книг глаголить».⁹⁴

Крупные библиотеки образовывались и при соборных церквях. Первой по времени среди них и вообще первой русской библиотекой было книжное собрание киевского Софийского собора. Оно начало складываться в тот момент, когда Ярослав Мудрый велел положить туда книги, спи-

⁹¹ Там же, с. 96—98.

⁹² Там же, с. 39, 161.

⁹³ Сухомлинов М. И. О языкознании в древней России. — Учен. зап. по II отд. РАН, СПб., 1854, кн. I, раздел II, с. 222.

⁹⁴ Житие преподобного Авраамия Смоленского..., с. 6 и др.

санные и переведенные его писцами. «И бе Ярослав, — писал монах Лаврентий, — книгам прилежа и почитая е часто в нощи и в дне; и собра писце многы и прекладаше от грек на словенское письмо, и списаша книги многы и сниска, ими же поучашея вернии людье . . . нася книжными словесы сердца верных людей . . . Ярослав же се, якоже рекохом, любим бе книгам, многы написав положи в церкви святой Софьи, юже созда сам».⁹⁵

Это было, по-видимому, уникальнейшее книжное собрание раннего европейского средневековья. К сожалению, в настоящее время мало что известно как о подробностях его формирования, так и о его составе. Высказывались даже различные предположения о дате основания хранилища. Так, назывался 1041 г.⁹⁶ Но, по всей видимости, этот год не может быть принят за начало библиотечного дела в России.⁹⁷ «Повесть временных лет» вполне точно относит это событие к 1037 г., и не считается с этим невозможно. Кроме того, имеется ряд других доказательств, опровергающих дату, предложенную журналом «Библиограф» в 1891 г.

1037 год был для России полон событий большой государственной важности. В этом году была заложена, а по другим источникам — завершена постройка главной святыни Киевской Руси — грандиозный Софийский собор. В 1037 г. Ярослав Мудрый основал в Киеве митрополию во главе с митрополитом из греков, а Софийский собор стал резиденцией главы русской православной церкви. Академик В. М. Истрин предполагал, что, утверждая в Киеве митрополичий престол, Ярослав потребовал от патриарха, чтобы приезжающие из Византии митрополиты везли с собой из Царьграда книги на греческом языке.⁹⁸

Согласно мнению акад. А. А. Шахматова, в 1037—1039 гг. при Софийском соборе по инициативе митрополита грека был составлен древнейший летописный свод.⁹⁹

⁹⁵ Лаврентьевская летопись, под 1037 г.

⁹⁶ Первая русская библиотека. — Библиограф, СПб., 1891, № 11, с. 135—136.

⁹⁷ Васильченко В. Е. Очерк истории библиотечного дела в России XI—XVIII вв. М., 1948, с. 3—32; Глухов А. Г. «В лето 1037...». М., 1974, с. 48.

⁹⁸ Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания. — Изв. Отд. рус. яз. и слов. РАН, т. XXVI, 1921, с. 83—84.

⁹⁹ Шахматов А. А. Розыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. V, 416.

А. А. Шахматов и другой крупнейший знаток древнерусского летописания, М. Д. Приселков, убедительно доказали, что в руках у составителя этого свода должны были находиться книги исторического содержания, греческие хронографы, русский актовъ материал и другие источники.¹⁰⁰

По мнению Е. Е. Голубинского, у Ярослава могло работать не более 20 переписчиков книг. Учитывая, что Ярослав не только переписывал («списаша»), но и покупал («снискаша») книги, Е. Голубинский писал, что в собрании Софийского собора было, возможно, около 500 книг.¹⁰¹

В. М. Истрин, много работавший над установлением происхождения различных переводов с греческого XI—XIII вв., так определял итоги работы, проделанной русскими переводчиками при Ярославе. Он писал: «Новопереведенная литература была разнообразного содержания. Тут были прозведения и исторического характера, как „Хроника“ Георгия Синкелла и Георгия Амартолы или „История Иудейской войны“ Иосифа Флавия, и естественнонаучного, как „Христианская топография“ Козьмы Индикоплова, и повествовательного, как „Повесть об Александре Македонском“ („Александрия“) или „Повесть об Акире Премудром“, и житийного, как „Житие Василия Нового“, и апокрифически-пророческого, как „Откровение Мефодия Патарского“, и богословско-догматического, как „Исповедание веры“ Синкелла, вошедшее вскоре в летопись, и т. п.».¹⁰² Все эти книги, как в оригиналах, так и в переводах, должны были попасть либо в личную библиотеку великого князя, либо в библиотеку Софийского собора.

А. А. Пыпин полагал, что в собрании первой русской библиотеки должны были находиться книги на греческом языке религиозного и светского содержания, болгарские рукописи, оригинальные русские сочинения, дипломатические и юридические акты. Нельзя представить, чтобы там

¹⁰⁰ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV веков. Л., 1940, с. 26—31.

¹⁰¹ Голубинский Е. Е. История русской церкви, т. 1, полутом 1, с. 105—256; кн. III, с. 880—924. Д. С. Лихачев первым указал, что переводы с греческого стали предметом государственной заботы светских и духовных властей Древней Руси (Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, с. 132).

¹⁰² Истрин В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода. Пг., 1922, с. 4.

не было списков Евангелия, Апостола, житий святых, Премудростей Соломона и других памятников.¹⁰³

Во время боевых действий при княжеских междоусобицах в списке трофеев, захваченных в кафедральных соборах, оказывались книги. В 1146 г. войска Изяслава Мстиславича и его союзников захватили Путивль, принадлежавший Святославу. Город был разграблен, «...церковь святого Вознесенья всю облупиша, сосуды серебряные... и платы служебные, а все шито золотом... и Евангелие ковано и книги и колокола... и не оставиша ничто».¹⁰⁴ Зимой 1168 г. войска Андрея Юрьевича Боголюбского и союзных с ним князей под командованием его сына Мстислава захватили Киев. Наряду с иконами и ризами из церквей и монастырей владимирские полки увезли книги.¹⁰⁵

На «палатах» (хорах, — Б. С.) соборной Успенской церкви во Владимире-на-Клязьме наряду с золотом, драгоценными тканями и иконами хранились книги. По-видимому, эти ценности принадлежали не самому храму, а владимирским горожанам, так как «ключи палатные церковные» хранились у них. Когда Ростиславичи в 1176 г. «поживились» в Успенском соборе, жители города требовали у своих новых князей, чтобы все изъятые сокровища «до золотника» были немедленно возвращены на место. В числе вернувшихся ценностей наряду с местной иконой богородицы, как отметил летописец, были книги.¹⁰⁶ В 1203 г. Рюрик Ростиславич с половцами, ворвавшись в Киев, ограбил Софию, Десятинную церковь и ряд других храмов и монастырей. Захватчики «поимали» драгоценные кресты, сосуды, «порты первых князей» и книги.¹⁰⁷

Кроме монастырских и церковных библиотек, книги находились в княжеской казне, а также в частных руках. Первые известия о книгах связаны с принятием христи-

¹⁰³ Пыпин А. Н. История русской литературы. Т. I. Древняя письменность. СПб., 1898, с. 97—107. В работе приведен обширный библиографический обзор литературы домонгольской Руси. О греческих переводах в домонгольской Руси см.: Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. Сборники Отд. русского языка и словесности АН, СПб., 1910, т. 88.

¹⁰⁴ Ипатьевская летопись, под 1146 г.

¹⁰⁵ Лаврентьевская летопись, под 1168 г.

¹⁰⁶ Там же, под 1176 г.

¹⁰⁷ Там же, под 1203 г.

анства. Под 996 г. «Повесть временных лет», подробно рассказывая о мероприятиях Владимира Святославича в области культуры, просвещения, церковного строительства, подчеркивала личную любовь великого князя к чтению и книге: «...любил словеса книжные, слышал бо едино Евангелие чтомо». По-видимому, какое-то количество книг находилось в великокняжеском дворце. Чтобы снабдить книгами открываемые церкви, учить по книгам в школах, надо было иметь определенное число книг. Едва ли они могли быть столь быстро переписаны на месте русскими переписчиками. Книги из Византии на греческом языке были непонятны народу. Вероятнее всего, они были закуплены в Болгарии, а болгарский язык наиболее близок к русскому, особенно в то время.¹⁰⁸

В литературе уже не раз подчеркивали значение Ярослава Мудрого в истории русской книжной культуры домонгольского времени. Отмечалась роль созданной при его дворе своеобразной средневековой академии. Заметим, что слава об этой академии распространилась далеко за пределами Руси. В начале XVI в. польские хронисты утверждали, что в дни Ярослава в Киеве были люди, хорошо знавшие греческий язык и переводившие с него на русский, что по происхождению они могли быть либо греки, либо южные славяне.¹⁰⁹

Весьма показательна история создания наиболее ранних из сохранившихся русских рукописных книг. Старейшим памятником церковнославянской письменности и древнейшей русской книгой является Евангелие апракос, переписанное в 1056—1057 гг. приехавшим из Киева в Новгород дьяконом Григорием. Создавалось оно по рас-

¹⁰⁸ О древнейших связях Руси с Болгарией см.: Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930. На болгарском языке написаны некоторые из древнейших славянских книг в наших собраниях: Требник, XI в. (ГПБ, Глаг. 3); Служебник XI—XII вв. (ГПБ, Глаг. 2); Перемишник, конец XII—начало XIII в. (ГБЛ, Собр. Григоровича, № 2/М. 1685); Служба Дмитрию Солунскому, XII—XIII вв. (отрывок, ГПБ, Ф. п. I, 77); Слова и поучения Иоанна Златоуста, третья четверть XIII в. (ГПБ, Q, п. I, 56). На сербском языке: один из древнейших списков Триоди цветной, конец XII в. (отрывок, ГПБ, Ф. п. I, 75); наиболее ранний список Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского, 1263 г. (ГИМ, Син. № 345); Житие Иоанна Богослова, XII в. (отрывок, БАН, 24.4.18, собрание Срезневского), и др.

¹⁰⁹ Chronica Polon. Cracow, 1521, Lib. II, cap. 3.

поряжению родственника князя Изяслава новгородского посадника Остромира для его личной библиотеки. Посадник Иосиф (христианское имя Остромира) вскоре был убит в походе на чудь, а книга, судя по записям, попала в ризницу Софийского собора.¹¹⁰

Роскошное Мстиславово евангелие было написано до 1117 г. Алексоем, сыном пресвитера Лазаря, по поручению новгородского князя Мстислава, старшего сына Владимира Мономаха. На основании нескольких разновременных записей, сделанных в конце книги, можно проследить его судьбу. Евангелие предназначалось для церкви Благовещения на Городище — резиденции новгородских князей. Роскошное обрамление этой книги можно объяснить тем, что Мстислав хотел иметь исключительный по оформлению экземпляр, намного превосходящий другие списки.¹¹¹

Большим книголюбом был великий князь Святослав Ярославич (1027—1076 гг.). В 1073 г. дьяк Иоанн переписал для него «Изборник» — богословскую энциклопедию раннего средневековья. Как указано в заголовке, книга представляла собой «... сбор от многих отец... вкратце сложен на память и на готов ответ». По своему характеру и содержанию «Изборник» предназначался для личного пользования князя.¹¹²

Наибольший интерес представляет «Изборник» 1076 г., написанный для того же князя «рукою грешного Иоанна». Это сборник «слов», «поучений», «наказаний», «... разумных и полезных», на тему о том, «како подобает человеку быти», «... как правоверную веру имети» и т. д. В сборник входят также мирские по тематике тексты, как «Наказание богатым», «О женах злых и добрых» и т. п.

¹¹⁰ Розов Н. Н. Остромирово евангелие в Публичной библиотеке. — Труды ГПБ, Л., 1958, т. V (8), с. 9; Немировский Е. Л., Горбачевский Б. С. С книгой через века и страны. М., 1964, с. 22—24.

¹¹¹ Симоны Н. К. Мстиславово евангелие XII в. в археологическом и палеографическом отношении. СПб., 1910; Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 392—393; Смирнова Э. Древнейший памятник русского книжного искусства. — В кн.: Искусство книги. Вып. 2. М., 1961, с. 213—222.

¹¹² «Изборник» Святослава 1073 г. был найден в 1877 г. в библиотеке Воскресенского монастыря в Новом Иерусалиме (Свирин А. Н. Искусство книги Древней Руси XI—XVII вв. М., 1964, с. 56—57).

Примечательна фраза, помещенная в приписке рукою переписчика: «Избрано из многих книг княжьих». Исследователи, занимавшиеся этим памятником, подтвердили его сложный состав. Приписка и сам текст «Изборника» 1076 г. позволяют предположить наличие у князя Святослава уже в середине XI в. обширной библиотеки, где была хорошо представлена современная богословская и светская литература.

Книголюбями были не только представители мужской части великокняжеской семьи. Знаменитая Трирская псалтирь в свое время принадлежала жене старшего сына Ярослава Мудрого Изяслава Ярославича (1024—3 октября 1078 г.) — польской княжне Гертруде.¹¹³ Как уже отмечалось, большим знатоком книжности была полоцкая княжна Евфросинья. Постригшись в монахини, она сама занималась списыванием книг. Дочь князя Всеволода III Большое гнездо, впоследствии жена князя Ростислава Рюриковича (умер в 1218 г.), Верхуслава (Анастасия) принимала активное участие в судьбе печерского монаха, одного из авторов Печерского патерика Поликарпа. Другой автор этого произведения — Симон (умер 22 мая 1226 г.) сообщал, что княгиня Верхуслава посылала ему письма.¹¹⁴ Женщина, воспитывавшая князя Тверского Михаила Ярославича, научила его «святым книгам».¹¹⁵

Твердые, устоявшиеся навыки «книжного строения», отработанность каллиграфии, богатство и красочность художественных приемов декора наиболее ранних сохранившихся русских книг¹¹⁶ заставляют предполагать, что уже в первой половине XI в. было достаточно широко организовано производство рукописных книг. Без такой предпосылки никак не понять высокого уровня профессионального мастерства, с которым исполнены дошедшие до наших дней русские книги XI в. Значительную прослойку грамотных людей Древней Руси составляли художники. Это подтверждает тот факт, что все сохранившиеся фре-

¹¹³ Кондаков Н. П. Изображение княжеской семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906; Сычев Н. П. Искусство средневековой Руси. — В кн.: История искусства всех времен и народов. Кн. 4. Л., 1929, с. 206.

¹¹⁴ Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 75.

¹¹⁵ ПСРЛ, т. V, с. 205.

¹¹⁶ Свирин А. Н. Искусство книги Древней Руси... с. 51—60.

ски, иконы и миниатюры XI—XIII вв. снабжены надписями.¹¹⁷

Имеется несколько указаний современников на наличие уже в середине XI в. довольно значительной прослойки читающих людей. Еще в конце XIX в. А. И. Пономарев обратил внимание на запись попа Упыря Лихого, написавшего в 1047 г. в Новгороде Книгу пророчеств (текст дошел в списке XVI в.). В приписке поп Упырь адресовал свою рукопись не только князю, но и другим читателям. Далее А. И. Пономарев утверждал, что в Новгороде в домонгольское время находились такие книги, которые уже к XV в. стали крайне редки.¹¹⁸ Митрополит Иларион в середине XI в. обращался со «Словом о законе и благодати» к людям «...преизлиху насытившимся учения книжного».

Дьякон Григорий, написавший Остромирово евангелие, в послесловии сообщает ряд интересных подробностей. Во-первых, он преподносит свой труд не только самому посаднику новгородскому Остромиру, но и «подружии» (жене, — Б. С.) его Феофане, и «чадам» их и «подружиям» чад их. Если бы члены семьи Остромира были неграмотны, то такой подарок терял бы всякий смысл. Во-вторых, Григорий обращается к тем, кто пишет лучше его, а также к тем, кто будет читать это Евангелие, с просьбой не проклинать его грешного, а исправив, почитать. При этом он ссылается на авторитет апостола Пауля (Павла, — Б. С.). Впоследствии эта фраза стала стереотипной в послесловиях рукописных и печатных книг вплоть до XVIII в. Следовательно, во времена Григория (1056—1057 гг.) имелись другие переписчики, превосходившие его мастерством. Кроме того, Григорий предвидел, что его книга не будет пылиться в казне посадника, а будет активно читаться.

¹¹⁷ Вполне возможно допустить, что некоторое количество надписей было сделано методом копирования с каких-то образцов малограмотными или даже совсем неграмотными художниками. Однако нельзя забывать, что раннее средневековье не знало массового, стандартизованного производства. Любое произведение искусства и даже ремесла всегда было индивидуально. В таких условиях трудно говорить о механическом переписывании надписи.

¹¹⁸ Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковнославянской учительной литературы. Вып. V. СПб., 1894, с. 8—13, 17—23.

Надо полагать, Григорий хорошо знал, что он был далеко не одинок в своем умении писать. Почти в те же годы (1068 г.) на другом конце Русской земли, в далекой Тмуторокани, неизвестный нам по имени мастер профессиональным, твердым почерком высек на мраморной стеле надпись, прославляющую князя Глеба, предпринявшего впервые в России гидрографические измерения.¹¹⁹

С точки зрения летописцев, не было ничего удивительного в том, что в домах имелись книги. 13 апреля 1185 г. во Владимире-на-Клязьме вспыхнул «великий» пожар, во время которого «...погоре бо мало не весь город». В огне погибли огромные материальные и культурные ценности — золотые сосуды, иконы, ткани, одежды, шитые золотом, камнями «драгими», жемчугом и т. д. Владимирские горожане пытались бороться с огнем, спасти свое имущество. Они выносили на дворы из терема «куны, книги и паволоки». Однако «...все огонь вз без утеча».¹²⁰ Можно привести еще одно известие, правда относящееся к несколько более позднему времени. 7 июня 1340 г. в Новгороде начался огромный пожар, охвативший обе стороны реки Волхов. Летописец с грустью констатировал: «...изо многих церквей не успеха вынести ни икон, ни книг, тако же ни из домов», а кто выносил или в поле, или на огороды, или в погреба, или в лодки, то все «пылем взялось».¹²¹

В летописях и других источниках можно встретить разрозненные и незначительные в отдельности, но весьма интересные известия о бытовании книги в феодальных верхах русского общества XI—XIII вв. В 1276 г. князь Владимир Василькович Вольинский «...нача себе думати, абы где за Берестьем поставити город». Чтобы укрепиться в своем решении, он взял Книгу Пророков, раскрыл ее наугад, и вынулось ему пророчество Исайи. Видя в этом предзнаменование божье, князь послал архитектора Алексея, который на берегу реки Лысни срубил город Кременец.¹²²

Если принять точку зрения Н. В. Шлякова о том, что знаменитое «Поучение» Владимира Мономаха было

¹¹⁹ Сапунов Б. В. О Тмутороканском камне 1068 г. — В кн.: Памятники культуры. М., 1976, с. 457—471.

¹²⁰ Лаврентьевская летопись, под 1185 г.

¹²¹ Новгородская первая летопись (М.—Л., 1950), под 1340 г.

¹²² Ипатьевская летопись, под 1276 г.

написано 9 февраля 1106 г. на погосте Волга недалеко от Ростова,¹²³ где Мономах остановился во время очередного похода, то придется предположить, что путешествовавший в санях великий князь возил с собой для душеспасительного чтения Псалтирь и другие книги. В случае признания даты, предложенной Н. В. Шляковым, можно допустить, что написано оно было во время одного из бесчисленных походов Мономаха. Известно, что, выступая в походы, князья брали с собой попов, которые совершали перед боем молебен.¹²⁴ Для богослужения у них должны были находиться при себе какие-то книги и иконы.

Даниил Заточник, находясь в ссылке на далеком лесном озере Лача, чтобы создать свое знаменитое «Слово», должен был иметь под руками довольно большое количество книг. Рассказывая о методе своей работы, он писал: «Я, княже, ни за море не ездил, ни у философов не учился, но был как пчела — припадая к разным цветам, собирает она мед в соты, так и я по многим книгам собирал сладость слов и смысл их собрал, как мех в воды морские».¹²⁵ В «Слове» ясно сквозит знакомство Даниила с Библией и полунасмешливое отношение его к Священному писанию.¹²⁶

Необходимо подчеркнуть, что в Древней Руси прежде всего почитались книги религиозного содержания, а из книжников в первую очередь прославились те, которые имели дело с религиозными книгами. Книжность превращалась в добродетель только тогда, когда в результате «почитания книг» формировался образцовый с точки зрения церкви христианин.¹²⁷ «Изборник» 1076 г. призывал

¹²³ Шляков Н. В. О Поучении Владимира Мономаха. СПб., 1900 (оттиск из ЖМНП за 1900 г.). Привычка брать в дорогу для чтения Псалтирь прошла через все средневековье. Следованная Псалтирь (т. е. Псалтирь с Часовником), изданная в 1528 г. в Вильно доктором Франциском Скоринюю, прямо названа «подорожной книжцей».

¹²⁴ Ипатьевская летопись под 1111 г. сообщает: «...и князь Владимир пристави попы свои едуще перед полком пети тропари и кондаки креста честного и канун святой Богородицы».

¹²⁵ «Слово Даниила Заточника». — В кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. М., 1957, с. 234.

¹²⁶ Лихачев Д. С. Социальные основы стиля «Моления Даниила Заточника». — ТОДРЛ, Л., 1954, т. X, с. 106—119.

¹²⁷ Порфирьев И. Я. Списывание книг в древние времена России. — Православный собеседник на 1862 год, ч. I, Казань, с. 131—171.

начинать всякое доброе дело чтением святых книг. В свое время академик В. Н. Перетц привел интересную подборку древнерусских сентенций о пользе учения книжного.¹²⁸

Необходимо отметить, что уже во второй половине XI в. выработались определенные навыки работы с книгой. «Изборник» 1076 г. начинался «Словом некоего Калогера о чтении (святых) книг»: «Добро есть, братие, почитание книжное... Когда читаешь книгу, не торопись быстро дойти до другой главы, но поразмысли, что говорят книги и словеса те и трижды обращай к одной главе... Узды коню правитель есть и воздержание, праведнику же книги, не построить корабль без гвоздей, ни праведника без почитания книжного... Красота воину оружие, кораблю — ветрила, также праведнику почитание книжное».¹²⁹ Ф. И. Буслаев считал эту главу «Изборника» 1076 г. не переводной, а оригинальным русским произведением.¹³⁰ Хорошо известно, что средневековые были не очень щепетильно в вопросе охраны авторского права, да и само это юридическое понятие тогда имело совершенно иное содержание, чем в наши дни. Очень часто собственные произведения автор в ту эпоху приписывал перу более авторитетных лиц, или же, наоборот, компиляцию из чужих текстов считали оригинальным сочинением. В данном случае не столь важно, возникло ли «Слово...» на русской почве или было заимствовано. Главное заключается в другом — оно отражало русскую действительность, служило методическим пособием для русского читающего человека XI в.

Следует обратить внимание на то, от чьего имени написано «Слово...», кого автор считал достаточно авторитетным, чтобы поучать русского человека середины XI в. методике чтения. Слово «калогер», или «калогер», И. И. Срезневский переводит как «монах».¹³¹ В современном сербохорватском языке слово «калогер» также означает «монах».

В Троицком списке Новгородской первой летописи сохранилось так называемое «Слово святого Ефрема

¹²⁸ Перетц В. Н. Образованность Древней Руси. — Книга для чтения по русской истории. Ч. 1. М., 1904, с. 533—549.

¹²⁹ Изборник 1076 г. М., 1965, с. 151, 153, 154.

¹³⁰ Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языка... с. 290.

¹³¹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1, стб. 1183.

Сирина о том, како достоин со всем прилежанием чести святые книги без лености». «Брате ... Имея в утробе место книги божественныя, таим же образом труба впиющи, сзывает ны, тако божественныя книги чтомы, збирают помыслы на страх божий... Тако и святыя книги вставятти ум, прилежа ты на благое и укрепят ти на страсти. Там же, брате мои, понужал себя часто почитати я, да получим истинный разум писания почитанием. Черпающе от него воду живу, могущую устудити, ражжения наши страсти и наставят ны на всю истину. Муж мудр, не имея книг, подобен есть оплоту без подпор стоящу: аще будет ветер, то падется. Тако и мудрии: пахнувши на нь ветру греховному, падет ся не имещи подпоры книжных словес. Аще ли мудрость книги, то свершен есть. Иван Богослов рече: птицам того ради даны крылья, да сети чловецьи избежать, а чловека же книги, аще всю неприязную леть отгоняют. Генандр рече: именье книг паче злата, в множестве злата души помощи нет».¹³² В данной работе не имеет смысла заниматься текстологическим изучением «Слова». Даже не важно, является ли весь текст оригинальным, переводным или компилятивным. Важно другое — как воспринимали ценность книги древнерусские люди.

В «Пчеле» (1199 г.) читаем: «Ум без книг, аки птица опешена. Якож она взлетети не может, тако же и ум недомыслится свершена разума без книг. Свет дневной есть слово книжное, его же лишився, безумный, аки во тьме ходит и погибнет вовек».¹³³ В «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку под 1037 г. находим настоящий гимн книге: «Велика бо бывает польза от ученья книжного, книгами бо кажеми и учими есьми пути покаяню, мудрость бо обретаем и воздержанье от словес книжных, се бо суть реки, напоющие вселенную, се суть исходиша мудрости, книгам бо есть несчетная глубина, сими бо в печали утешаеми есмы, си суть узда воздержанью ... Аще бо поищеши в книгах мудрости прилежно, то обрящеши великую ползу души своей; иже бо книги часто чтет, то беседует с богом, или святыми мужи, почитая пророческие беседы и Евангельские ученья и апостол-

¹³² Новгородская первая летопись, М.—Л., с. 561.

¹³³ См.: Погодин М. П. Образованность и грамотность в древнем периоде русской истории..., с. 9.

ская жития святых отец восприемлет души великую ползу».

Блестящий оратор и проповедник Древней Руси (60-е годы XII в.) Кирилл Туровский утверждал: «Сладко медвен сок и добро есть сахар, обо его же добрее книжный разум». В «Златой цепи» — весьма распространенном в средние века сборнике — говорилось, что если «вежа» — это человек духовный, книжный, то «невежа» в противоположность ему — не книжный, не духовный.¹³⁴ По-видимому, в домонгольское время понятия «люди книжные» и «люди духовные» были адекватны.

В XI—XIII вв. звание «книжник», «книжный человек» было чрезвычайно почетно и удостаивались его лишь немногие. Чтобы его заслужить, нужно было не только хорошо разбираться в вопросах богословия и знать греческий язык. Полагалось обладать исключительной по тем временам начитанностью и, кроме того, иметь литературный или ораторский талант.

В Древней Руси переписка книг никогда не была простым копированием. Каждый из переписчиков по своему усмотрению вносил изменения в текст, по своему вкусу делал выборки, составлял сборники. Это дает право считать переписчиков книг XI—XIII вв. «книжными людьми». Подписанными оказывались чаще те оригинальные произведения, авторы которых занимали более или менее заметные посты на лестнице общественных отношений. Феодальная иерархия сказалась также и в том, что летописцы удостаивали своим вниманием тех из книжных людей, кто находился у руля политической или церковной власти. Это было одним из обстоятельств, в силу которого имена многих книжных переписчиков, а также авторов ряда произведений древнерусской литературы оказались утраченными навсегда.

Среди «книжных людей» домонгольского времени можно встретить представителей разных социальных слоев — монахов и попов, епископов и митрополитов, князей и выходцев из городского посада. Из русских князей XI—XIII вв. «книжниками» летописи называли только Владимира I Святославича (968—1015), Ярослава I Муд-

¹³⁴ Сухомлинов М. И. О языкознании в древней России... с. 241. Кирилла Туровского называли русским Златоустом. В XIII в. его причислили к лику святых.

рого (978—1054), Владимира Всеволодовича Мономаха (1053—1125), Ярослава Владимировича Галицкого (Осмомысла) (?—1187), Владимира Васильковича Воынского (?—1288) и Константина Всеволодовича Ростовского (1186—1218). Важно отметить, что летописцы выделили их не просто как грамотных людей, что, видимо, не было чем-то выдающимся, а именно как знатоков и распространителей средневековой книжности и культуры. Для своего времени это были исключительные личности, деятельность которых оставила глубокий след в культуре нашего народа.¹³⁵

Даже среди высших иерархов древнерусской православной церкви, достаточно грамотных и сведущих в богословской литературе людей, мало кто добился права называться «книжником». Примерно за 200 лет, с 1037 г. до монгольского нашествия, только два митрополита из русских и два из Византии получили столь почетный титул. Это Ларион (Иларион), о котором сказано, что он «...муж благ, книжник и постник» (Лаврентьевская, 1051 г.), Климент Смолятич — «...философ и книжник, так яко же в Русской земле не бяшет» (Ипатьевская, 1147 г.), грек Иоанн II — «...муж хитр книгами и учению, ... речист же, книгами святыми утешая печальныя, и сяко не бысть прежде в Руси, ни по нем не будет сяк» (Лаврентьевская, 1090 г.) и, наконец, Кирилл I русин, возможно из г. Никеи, «...учителен зело и хитр учению божественных книг» (Лаврентьевская, 1223 г.).

После смерти митрополита Иоанна I в 1090 г. дочь Киевского великого князя Всеволода Янка отправилась в Царьград к патриарху за новым митрополитом и привезла на киевскую кафедру Иоанна Скопца, который через год скончался. Летописец дал свою оценку умершему митрополиту, по-видимому, соответствовавшую общему мнению: «Бе же се муж не книжен, но умом прост и просторек».¹³⁶

¹³⁵ Что это действительно так, подтверждает Густынская летопись, в которой обнаруживается хорошая осведомленность о польских и западнорусских событиях. Под 1042 г. читаем о том, что Казимир «... был первый в королях польских иже грамоту уме». В «Житии» князя Бориса (980—1015), составленном Нестором, сказано, что князь часто «...брал книги и читал жития и мучения святых». Однако тот же Нестор в «Повести временных лет» не называл на этом основании князя Бориса «книжным» человеком.

¹³⁶ Лаврентьевская летопись, под 1090 г.

Невозможно допустить, что константинопольский патриарх мог направить на крупнейшую киевскую митрополию неграмотного или малообразованного человека. Скорее требования русских XI в. к «книжному человеку» были столь высоки, что не всякий митрополит мог им отвечать.

Подобно многим другим интересным и сложным вопросам истории культуры Руси, вопрос о качественном составе древнерусской книжности не мог пока иметь однозначного решения. Однако это никоим образом не означает, что ставить его бесполезно. Если удастся найти правильный метод решения, то с какой-то допустимой на данном этапе точностью ответить на него все же можно. В настоящей работе следует, видимо, ограничиться только показом широкого фона, большого выбора книг, который давал возможность русскому читателю XI—XIII вв. быть во всеоружии знаний средневековой Европы.

Если просмотреть все сохранившиеся древнерусские книги XI—XIII вв., а также письменные памятники домонгольского времени, дошедшие в более поздних списках, и составить именной и тематический каталог, то результат этой работы по существу даст искаженное представление о качественной стороне фондов русских библиотек в домонгольское время. Отдельные, случайно сохранившиеся экземпляры вовсе не могут отражать всего богатства и многообразия книжного фонда древнерусского государства. Ошибка многих библиотечных и музейных работников заключается в том, что по степени сохранности той или иной книги, того или иного памятника они непосредственно судят о степени их распространения в древности. Скорее надо предполагать обратную картину: наиболее популярные, наиболее читаемые книги именно в силу своей распространенности и «читаемости» сохранились значительно хуже.

По немногочисленным дошедшим до наших дней памятникам литературы домонгольской Руси, уцелевшим в списках XI—XIII вв. или в более поздних копиях, можно судить об огромном количестве других религиозных и светских произведений.

Работами А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева и многих других исследователей вскрыт необычайно сложный состав русских летописей, впитавших в себя местные погодные записи, княжеские родословцы,

византийские хроники, тексты международных договоров, грамоты, произведения поучительной, церковно-служебной христианской литературы и другие письменные материалы. Сам факт существования в Древней Руси «Слова о полку Игореве» бесспорно говорит о широком развитии в домонгольское время литературы светского содержания. «Слово» не могло стоять особняком, вне литературы, философии и эстетики своего времени. Отработанность литературного мастерства «Слова» не может быть объяснена одной гениальностью автора. Точно так же одной гениальностью нельзя объяснить высокое художественное мастерство Илариона, проявившееся в «Слове о законе и благодати», аналитический ум Нестора при работе его над первой редакцией «Повести временных лет» (1113 г.).

Исследователи древнерусской литературы не раз отмечали, что основная масса произведений XI—XIII вв., — летописи, сочинения «святителей», записки путешественников, поучения, проповеди и т. д. и т. п. — дошли в поздних списках в составе сборников XV—XVI вв.

Н. В. Волков в своем «Указателе» приводит сведения о книгах 41 названий, которые уцелели от XI—XIII вв. Все книги он разбивает на пять групп. К шестой группе относятся исторические книги, но они сохранились в списках не раньше XIV в. и выпадают за рамки нашей темы.

I. Священное писание. 1) Евангелие — 43 единицы; 2) Евангелие учительное — 1; 3) Евангелие с толкованием — 1; 4) апостолы — 7; 5) Апокалипсис — 1; 6) Псалтирь — 8; 7) Псалтирь с толкованием — 4; 8) Псалтирь гадательная — 1; 9) паремийники — 6.

II. Богослужебные книги. 10) Миния служебная — 41; 11) Миния праздничная (Трефолой) — 6; 12) Стихирарь — 12; 13) Ирмологий — 6; 14) Кондакарь — 5; 15) Триоди постная и цветная — 13; 16) Октоих (Параклит) — 1; 17) Канон — 2; 18) Служебник — 6; 19) Чиновник — 1; 20) Обиход — 1; 21) Устав — 4.

III. Творения отцов церкви. 22) Антиоха пандекты — 1; 23) Стословец Геннадия — 1; 24) Григория Богослова — 1; 25) Григория папы Римского — 1; 26) Ефрема Сирина поучения — 4; 27) Иоанна Дамаскина — 1; 28) Иоанна Лествичника — 3; 29) Ипполита епископа Римского «Сказание о Христе и антихристе» — 1; 30) Кирилла Иерусалимского Поучение — 1; 31) Никона Черногорца пандекты — 2.

IV. Духовно-нравственные сборники. 32) Житие св. Кондрата — 1; 33) Житие св. Феклы — 1; 34) сборники житий — 4; 35) Житие Нифонта — 1; 36) Житие Саввы Освящен-

ного — 1; 37) Златоструй — 1; 38) Патерик скитский — 1; 39) Прологи — 9; 40) сборники («изборники») — 8.

V. Церковное и гражданское право. 41) Кормчая — 4.

За 80 лет, прошедшие с момента опубликования «Указателя» Н. В. Волкова, были обнаружены новые книги. Так, в списке Археографической комиссии среди книг XI в.—1240 г. указаны Миссал начала XI в. (ЦБАН УССР, ДА/п. 328), «Житие Евфросиньи», XIII в. (БАН, 24.4.19) (собр. Срезневского, № 66) и ряд других книг, неизвестных Н. В. Волкову.

Даже при беглом просмотре списка бросается в глаза различное число экземпляров тех или иных книг. Не случайно, что от домонгольского времени дошло 45 евангелий. Выше уже отмечалось особое значение, которое имело Евангелие в церковном обиходе. Вообще все книги, необходимые при богослужении, сохранились в относительно большом числе экземпляров.

Книги церковного обихода переписывались сотни и тысячи раз, памятники церковной литературы — десятки и сотни, а «Изборники» изготовлялись в одном-единственном экземпляре по вкусу заказчика.

В начале XX в. Н. К. Никольский проделал тщательную работу по выявлению русских авторов и их творений X—XI вв. С конца X по XI в. он привел сведения о 16 авторах.

1. Митрополит Леон (Лев) Киевский — до 1004—1008 гг.
2. Иоанн I — начало XI в.
3. Владимир Святославич, ум. в 1015 г.
4. Иоаким, епископ Новгородский — 1030 г.
5. Иларион, пресвитер, с 1051 г. митрополит.
6. Ярослав Владимирович (ум. 12 февраля 1054 г.).
7. Лука Жидята (ум. 15 окт. 1060 г.).
8. Антоний Печерский (ум. в 1072 г.).
9. Феодосий Печерский (ум. 3 мая 1074 г.).
10. Георгий, митрополит Киевский (упоминается в 1072 г.).
11. Св. Леонтий Ростовский (ум. 1077 г.).
12. Иоанн II, митрополит Киевский (ум. в 1084 г.).
13. Яков, мних черниговский (XI в.).
14. Ефрем, епископ Переяславльский (конец XI в.).
15. Преподобный Нестор (конец XI в.).
16. Григорий, печерский монах.¹³⁷

¹³⁷ Никольский Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906.

Еще в середине XIX в. И. И. Срезневский составил список русских писателей и переводчиков XI—XIII вв. и их произведений.

XI век

1. Иоаким, епископ Новгородский, до 1030 г. Возможно, он составил летопись.
2. Лука, епископ Новгородский, до 1030 г. Поучения.
3. Иларион, митрополит Киевский, 1051 г. «Слово о законе и благодати».
4. Феодосий, игумен Киевского Печерского монастыря. 1068—1073 гг. Поучения, Послания учительные, обличения латынян, молитвы.
5. Иаков, черноризец киевский, до 1078 г. Сказание о Борисе и Глебе, Житие и Похвала кн. Владимиру, Послания.
6. Георгий, митрополит Киевский, до 1079 г. Обличение латынян.
7. Иоанн II, митрополит Киевский. 1086—1089 гг. Обличение латынян, Правило церковное, Служба Борису и Глебу.
8. Григорий, епископ, игумен Киево-Печерский в 1074—1078 гг. Каноны.
9. Нестор, черноризец киевский, до 1093 г. Чтения о св. муч. Борисе и Глебе, Житие препод. Феодосия, летопись.
10. Василий, после 1097 г. Сказание об ослеплении Василька Тербовальского.

XII век

11. Даниил, игумен, ок. 1114 г. Странник в Иерусалиме.
12. Сильвестр, игумен киевский, 1119—1123 гг., епископ Переяславский. Повесть временных лет.
13. Никифор, митрополит, до 1121 г. Поучения, Послания учительные и обличительные.
14. Владимир Мономах, великий князь Киевский, до 1125 г. Поучение.
15. Кирик, дьякон и domestik Новгородского Антониева монастыря. Учение о числах, 1136 г.
16. Феодосий, митрополит до 1142 г. Слово о Халкидонском соборе. Переводы эпистоли Льва Римского.
17. Климент Смолятич, митрополит, 1147—1155 гг. Поучения.
18. Кирик, священник Новгородский, до 1116 г. Вопросение о правилах церковных с ответами новгородского епископа Нифонта.¹³⁸
19. Андрей, игумен Новгородского Антониева монастыря, 1147—1157 гг. Житие Антония Римлянина.
20. Кирилл, епископ Туровский, до 1174 и после 1182 г. Поучения, Послания учительные, молитвы, каноны.
21. Илья, архиепископ Новгородский, до 1188 г. Церковные правила.
22. Даниил Заточник, до 1199 г. Слово к новгородскому князю Ярославу Владимировичу.

¹³⁸ В настоящее время большинство филологов считает, что дьякон Кирик и Кирик — новгородский священник — одно и то же лицо.

23. Моисей, игумен Киевского Михайловского монастыря, около 1200 г. Поучение.
24. Авраамий Смоленский, около 1200 г. Слово о мытарствах.

XIII век

25. Добрыня Андрейкович (затем епископ Новгородский), до 1211 г. Паломник, Сказание мест святых в Царьграде.
26. Симон, епископ Владимирский, 1215—1226 гг. Учительное сказание о подвижных Киево-Печерского монастыря.
27. Досифей, архимандрит киево-печерский, до 1226 г. Записка об Афоне.
28. Поликарп, черноризец киево-печерский, около 1235 г. Повесть о киево-печерских подвижниках.
29. Ефрем, инок, до 1240 г. Житие Авраамия Смоленского.
30. Андрей, черноризец, до 1245 г. Слово о мученике Михаиле и Федоре воеводе.
31. Кирилл, епископ Ростовский, 1231—1262 гг. Поучения.
32. Серапион, игумен киево-печерский до 1274 г., а после — епископ Владимирский до 1275 г. Поучения.
33. Кирилл II, митрополит Киевский, 1243—1280 гг. Поучения, Правила Владимирского собора 1274 г.
34. Симеон, епископ Тверской, 1271—1289 гг. Поучения.¹³⁹

Как видно, приведенный список очень неточен и неполон. В него не попали, кроме Нестора и Сильвестра, составители и редакторы летописей и летописных сводов. Между тем историки и филологи, изучавшие древнейшее русское летописание, установили наличие, пока, правда, безымянных, авторов, принимавших активное участие в создании того уникального феномена, который называется русским летописанием. Сюда входят как дошедшие до наших дней, так и не сохранившиеся летописные своды, княжеские родословцы, погодные записи. Ведь за каждым таким, пусть недошедшим, памятником стоял человек, его создавший.

Через пять лет после выхода работы И. И. Срезневского М. П. Погодин значительно расширил список древнерусских авторов и их произведений, указав ряд несомненно существовавших, но давно погибших литературных произведений. Так, не сохранились жития Антония Печерского, Леонтия и Исая Ростовских, Ефрема Новоторского, Авраамия Смоленского, кн. Константина Муромского, Антония Римлянина, Варлаамия Хутынского,

¹³⁹ Срезневский И. И. Древнерусские книги. СПб., 1864, с. 37—38.

Евфросинии Полоцкой.¹⁴⁰ В конце века московский митрополит Макарий еще увеличил список «...памятников духовного просвещения и учения» в домонгольской Руси.¹⁴¹ Новые данные об образованности Древней Руси привел в начале XX в. В. Н. Перетц.¹⁴² Д. С. Лихачев еще больше расширил представления о репертуаре книг, которые могли находиться в руках русского читателя XI—XIII вв. Он пишет о том, что в домонгольское время существовали каноны, стихиры, кондаки, икосы Иоанна Дамаскина и Григория Назианзина, творения патриарха Софония, в которых еще не утратилась связь с античной и эллинской поэзией, с античной философской лирикой. Были известны сочинения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Златоструй, составленный в X в. в Болгарии при царе Симеоне. Возможно, на русской почве был составлен «Стословец» Геннадия, который проповедовал идею государственной власти на Руси. Из исторических сочинений Д. С. Лихачев отмечает «Хроники» Григория Амартола и Иоанна Малалы из Антиохии, «Летописец вкратце» патриарха Никифора и хронику Георгия Синкелла. Кроме того, имели распространение «Житие Николая чудотворца», прологи, Иудейский хронограф, физиологи, «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, «Повесть о Василии Диогенисе пограничнике» Акрита — перевод византийской поэмы X в.

Д. С. Лихачев обращает особое внимание на то, что переводы, сделанные в Древней Руси, нельзя рассматривать с точки зрения современных представлений о работе переводчика. Греческие оригиналы подвергались радикальной переработке, часто сокращались, изменялись согласно вкусам русских читателей.¹⁴³

¹⁴⁰ Погодин М. П. Образованность и грамотность в древнем периоде русской истории. . . , с. 1—29.

¹⁴¹ Макарий, митрополит. История русской церкви. Изд. 3-е. СПб., 1889, т. I, с. 107—146; т. II, с. 97—201; т. III, с. 122—219.

¹⁴² Книга для чтения по русской истории. Т. I. М., 1904, с. 533—549.

¹⁴³ Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, с. 130—155. Первым византийским сочинением по всемирной истории, переведенным на русский язык, была, вероятно, «Хроника» Иоанна Малалы. По мнению А. А. Шахматова, она была известна на Руси уже в XI в. (см.: Удальцова Э. В. Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руси. — В кн.: Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 47—58).

В приведенные списки не попал Студийский устав, переписанный и переработанный по распоряжению Феодосия Печерского монахом Ефремом. В 1047 г. поп Упырь Лихой для новгородского князя Владимира Ярославича написал толкование 46 пророчеств, сохранившиеся в списке XVI в. В XI в. были известны толкования Афанасия Синаита, Мефодия Трирского и многих других. В 1095 г. была переписана по-гречески Диоптра Филиппа Пустытника для смоленского инока Каллиника и сразу же переведена на русский язык.¹⁴⁴ Иларион хорошо знал библейские тексты Ветхого завета, он использовал места из книг Бытия, Судей, Псалмов, Исая, Иеремии, Даниила, Осии, Иисуса сына Сирахова и др., а из новозаветных книг — Евангелия от Матфея, Марка, Луки, Иоанна, Послания Иакова и Павла к римлянам, коринфянам, галатам, ефесянам, к Тимофею и Титу.

Князья Борис и Глеб знали «Жития» Плакида и Романа Сладкопевца. Феодосий знал Скитский патерик и труды Мефодия Моравского, Поучения Федора Студита, Мефодия Патарского, «Небеса» Иоанна Дамаскина. Уже в XII в. на Руси были знакомы с произведениями античной философии и литературы. Так, Климент Смолятич и пресвитер Фома знали Гомера, Платона и Аристотеля.¹⁴⁵ В «Пчеле», которая была переведена до 1119 г., русские читатели XII в. могли познакомиться с текстами Аристотеля, Платона, Гомера, Плутарха, Пифагора, Ксенофонта, Демокрита, Эврипида, Геродота, Демосфена, Сократа, Эпикура, Зенона и др. Хотя место, на которое ссылается Ипатьевская летопись под 1232 г. на Гомера («яко же Омир пишет...»), и не найдено в тексте Гомера, но ссылка эта интересна как показатель знакомства русских (может быть, правда, в очень плохих переводах) с жемчужиной античной поэзии.

Яков-мних упоминает о житии чешского князя Вячеслава, о страданиях Никиты и мученицы Варвары. Кирик ссылался на правила Тимофея Александрийского и Иоанна Постника. Печерский монах Святоша поручал ка-

¹⁴⁴ Сохранилась в списке конца XIV в. Диоптра инока Филиппа. 1388 г. (ГИМ, Чуд. № 15).

¹⁴⁵ Лопарев Хр. Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме, с. 13; Никольский Н. К. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892.

кому-то Феодосию, знавшему Омира (Гомера) и риторских речи, перевести знаменитое Послание папы Леонтия к архимандриту Константинопольскому Флавиану о божественности Христа против ереси Евтихия. В XII в. были уже известны сочинения Кирилла Иерусалимского, Кирилла Александрийского, Исидора и др. В летописях приводятся выдержки из Иоанна Златоуста, Епифания Кипрского, св. Ипполита, Патерика Скитского, Лествицы Иоанна Лествичника. Кроме этого, летописцы были знакомы с современной им исторической литературой Византии (Палеей исторической) и многими другими сочинениями. В качестве свода законов хождение имели «Правда Русская» (1019—1034), «Правда Ярославичей» (1054—1125), «Устав» Мономаха и т. д. Нельзя не упомянуть и о «Слове о полку Игореве».

В переведенных на Руси житиях византийских святых прослеживается влияние Тацита и Ксенофонта. Особо популярным были «Троянский цикл», «Александрия» и «Христианская топография» Козьмы Индикоплова. Рано был переведен «Номоканон»; под названием «Кормчая книга» он стал основным уставом управления и судопроизводства русской церкви.¹⁴⁶ Подобную реконструкцию можно продолжать и расширять. Всякое новое текстологическое изучение памятников древнерусской литературы всегда выявляет еще не известные донныне заимствования, источники того или иного рода.

Есть основания считать, что книжные собрания Древней Руси (монастырские, церковные и частные) были не беднее, чем библиотеки Западной Европы тех столетий. Судя по весьма редким уцелевшим каталогам XI—XIII вв. и другим источникам, собрание в несколько десятков рукописей на Западе считалось средним. Если в нем насчитывалось более сотни томов, его расценивали как богатое. Сохранились сведения о том, что обширной библиотекой обладал абт (игумен) Ольберт Гемблу, умерший в 1048 г. Он сумел собрать в своем монастыре 150 рукописей. В конце XIII в. в Германии был знаменит своими книжными сокровищами некто Гуго фон Тримберг (1260—1309 гг.), у которого было около 200 книг.

¹⁴⁶ Дуйчев И. С. Итальянская книга по истории древнерусской литературы. — ТОДРЛ, М.—Л., 1968, т. XVIII, с. 558. Наиболее ранний список «Кормчей» восходит к началу XII в. Это так называемая Ефремовская кормчая (ГИМ, Син. № 227).

Евангелист Марк. Миниатюра. Остромирово евангелие (1056—1057), л. 126 об.

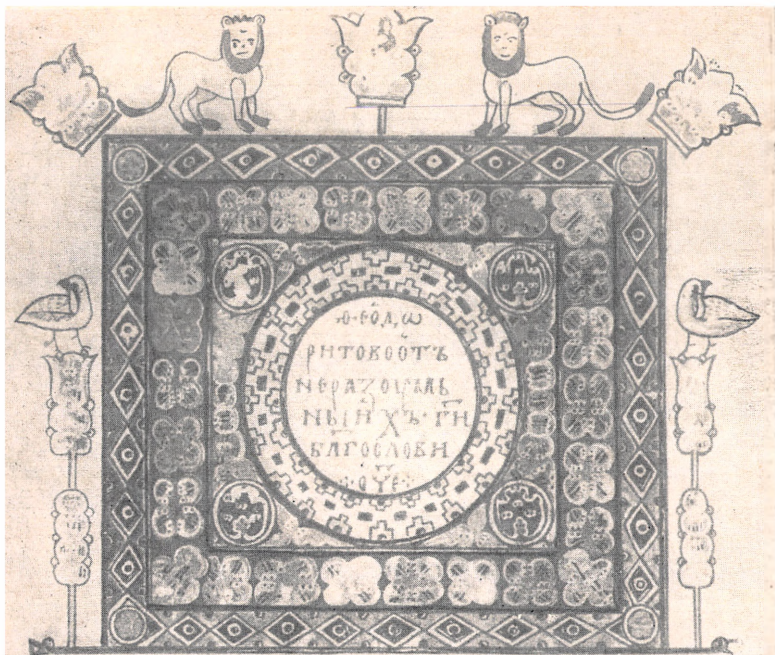
Евангелист Лука. Миниатюра. Оstromиpовo евангелие,
л. 88 об.

Евангелист Иоанн. Миниатюра. Остромирово евангелие,
л. 1 об.

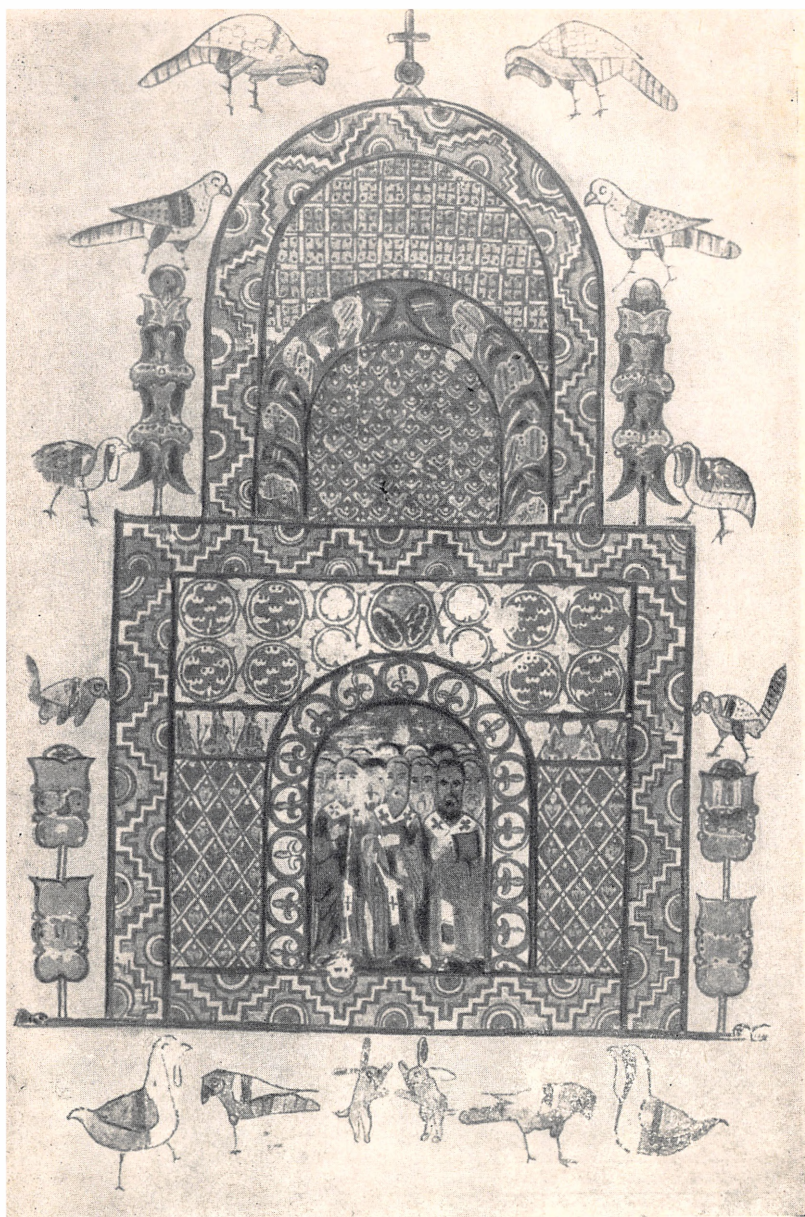
Заставка Остромирово евангелие, л. 2.

а Угжпопуш таж
 штж дѣнствоу
 жгнбѣн тако
 бонфараоновнвалъ
 свнжзлнпожнрѣ
 тьнон нжабнон
 сътворнша. посла
 кнвѣшжбоу. влад
 доуштаагграднбс
 зоулнн прострѣ
 тнбоилъ повелѣ
 бопагоубнѣнара

нѣ раздрѣшнтн
 жнхъ знѣложахоу.
 нжебоилъпопу
 стнѣтъ тоанкоже
 тѣуѣжсѣтвонн
 ша сежсоубонѣасо
 бавчрѣкѣн аште
 вѣстанѣвѣчѣспро
 рокѣ нлнвндансѣ
 нѣ ндастѣзналн
 нннлнуждо нда
 пондѣстѣзналнн

Заставка. «Изборник» 1073 г., л. 128.

ОТЪ БЪТ.

ВЪЛЫН ПРАДЪЖИВОН
ТОДЪ ПРЪВЪ ТЕРИИ
ТОБЪЗЪ ВЪ СЪТЪКОН
НАТНА ТЪГЪ ДЪТОН
ИНСИТЪМЪ ПЪРЪУМЪ
ОБЪКЪТЪ ТЪДЪ СЪМЪ
ОУСЪНЪ ПЪРЪВЪ
СЪРЪСЪ АВЪЖИВОН
ЖИВЪ СЪТЪ ПЪРЪВЪ
ШЪТЪ ПЪРЪВЪ ТЪ
ИМЕ
КЪРЪСЪ СЪМЪ ТЪ

ШЕВЪ СЪ ПЪРЪВЪ
ИЗЪ СЪВАНШЪ
НАУУЪ ШЪ СЪ ПЪРЪВЪ
ДОНЕ СЪ ЖЕ СЪ ПЪРЪВЪ
И СЪ ПЪРЪВЪ СЪ
СЪ ПЪРЪВЪ ТЪ ПЪРЪВЪ
И СЪ ПЪРЪВЪ СЪ
И СЪ ПЪРЪВЪ СЪ ПЪРЪВЪ
И СЪ ПЪРЪВЪ СЪ ПЪРЪВЪ
И СЪ ПЪРЪВЪ СЪ ПЪРЪВЪ
И СЪ ПЪРЪВЪ СЪ ПЪРЪВЪ
И СЪ ПЪРЪВЪ СЪ ПЪРЪВЪ

Любителями книг были император Карл IV, короли Пипин Короткий (714—768) и Карл Лысый (823—877). Но имперские князья, как отмечают немецкие историки, в романскую эпоху не отличались большой просвещенностью. Только при некоторых из них собирались писатели и переписчики. Таким был, например, двор пфальцграфов Реймских. Собирал и переводил книги граф Балдуин из Генуи (ум. в 1205 г.).¹⁴⁷ В письме ко мне проф. М. Виттек, крупнейший в Европе знаток манускриптов, писал: «Думаю, что не будет ошибкой рассматривать как очень значительную библиотеку романского времени, состоящую из более чем 100 рукописей».

В последнее время Б. Л. Фонкич проделал интересную работу по реконструкции размеров библиотеки Лавры св. Афанасия на Афоне в XIII в. Как известно, в 1655 г. Арсений Суханов по заданию патриарха Никона ездил в Грецию и на Афон за книгами. 12 из числа привезенных им книг находятся ныне в ГИМ и датируются XIII в. Б. Л. Фонкич обратил внимание на топографические пометы-шифры, встречающиеся на этих рукописях. Они состоят из нумерации полок и порядковых номеров книг на полках. По максимальным размерам полок и номерам мест на полках можно считать, что монастырское книгохранилище содержало не менее 1000 единиц. Фонд книг, которому в XIII в. было уже около 250 лет, пополнялся путем переписки в своем скриптории, а также за счет вкладов и покупок. Б. Л. Фонкич утверждает, что в различных собраниях Европы хранится около 150 книг из этой богатейшей библиотеки Византии.¹⁴⁸

Суммируя все разнородные сведения и сделанные на их основе предположения, можно сделать следующие краткие выводы.

¹⁴⁷ Wattenbach W. Das Schriftwesen im Mittelalter. III Aufl. Leipzig, 1896, Cap. VI, § 3. Bücherkauf im Mittelalter. S. 545—553; Cap. VII. Bibliotheken, S. 570—627. Большое количество средневековых библиотечных описей было опубликовано в серии «Mittelalterliche Bibliothekskataloge. Deutschland und Schweiz». В 1966 г. в Бельгии вышел первый том «Corpus Catalogorum Belgii».

¹⁴⁸ Фонкич Б. Л. 1) Библиотека Лавры св. Афанасия на Афоне в X—XIII вв. — Палестинский сборник, Л., 1967, вып. 17 (80), с. 167—175; 2) Переводческая деятельность Евфимия Святогорца в библиотеке Иверского монастыря на Афоне в начале XI в. — Там же, 1969, вып. 19 (82), с. 165—170.

1. Репертуар книжного фонда Древней Руси был достаточно обширен и исчислялся сотнями названий.

2. Помимо монастырских и церковных библиотек, обладавших десятками и даже сотнями томов, уже в домонгольское время сложились частные книжные собрания.

3. Книга уверенно проникала в быт древнерусских людей, она была окружена глубоким уважением и почитанием.

4. В домонгольское время на Руси сформировалась определенная прослойка высокообразованных по масштабам средневековья, «книжных», по терминологии тех лет, людей. Вместе с ними создавались кадры читающих людей, т. е. той относительно широкой базы, на основе которой ярким цветком расцвела культура Древней Руси.

Глава V

КНИГА В МЕЖДУНАРОДНЫХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ РУСИ XI — XIII вв.

Ни одна цивилизация не развивалась изолированно от других, питаясь лишь собственными идеями. Без интенсивных интеллектуальных контактов, взаимного обогащения духовными и материальными ценностями с другими культурами, цивилизация, даже достигшая весьма высокого уровня, неизбежно замедляла темпы своего развития. Нарушалось разумное соотношение между элементами новаторства и традициями. Как правило, обособленная, замкнутая цивилизация неизбежно рано или поздно приходила к упадку.

В системе многогранных и интенсивных международных культурных связей Древней Руси рукописная книга занимала весьма существенное место. Обмен книгами обеспечивал взаимную интеграцию литературных произведений, художественных, религиозных, правовых, социальных и иных идей. Включение Руси в число культурных государств средневековой Европы было возможно в первую очередь в результате книжного обмена. Проблема международных связей, и в частности связей в области культуры, включает в себя целую систему подтем. Важно определить характер и тип связей, их направление, изменение во времени.

Связи Руси со странами Скандинавского полуострова в области культуры были, видимо, не книжного характера. Значение русско-византийских связей чрезвычайно велико, и этой теме посвящено немало работ. Контакты в сфере книжности с католическими странами Европы носили, как казалось раньше, спорадический характер, между тем как связи с единой по религии и близкой по культуре и языку Болгарией были устойчивы и традиционны.

О проникновении на Русь книжной продукции Европы и Византии в конце X—начале XI в. известно чрезвычайно мало. Объясняется это прежде всего тем, что памятников письменности той эпохи не сохранилось, а известия письменных источников крайне глухи.

О международном книжном обмене Древней Руси можно говорить более или менее определенно только примерно с середины XI в. Историки, литературоведы, языковеды, специалисты в области древнерусского искусства, палеографы собрали много сведений о подобного рода связях. Писали о сложных судьбах отдельных литературных памятников, о языковых заимствованиях, просачивавшихся при переводе того или иного произведения, о миграциях художественных образов, о их трансформации на новой почве. В настоящей работе, посвященной истории древнерусской книги, имеет смысл подвести некоторые итоги исследованиям, проводившимся в этом направлении уже около 100 лет, нарисовать общую картину международных книжных связей XI—XIII вв., собрать воедино большое количество сведений, разбросанных в различных русских, советских и зарубежных исследованиях. Основное внимание уделяется не миграции литературных памятников и заключенных в них идей, художественных образов и т. п., а обмену книгами как памятниками материальной и духовной культуры общества тех лет. В этом плане очень интересна судьба определенных книг XI—XIII вв.

Сделать это важно потому, что воссозданная картина поможет лучше представить характер древнерусской книжности: в широких кругах читателей еще и по сей день бытуют представления об ограниченности книжных контактов Древней Руси. По-видимому, даже отдельные специалисты не до конца представляют значение этих связей. Так, М. И. Слуховский, специально занимающийся выяснением роли старорусской книги в международных культурных связях, довольно подробно останавливается на книжных связях России XVI—XVII вв. Однако о связях XI—XIII вв. М. И. Слуховский говорит мало. Не случайно во введении к своей монографии он пишет, что имеет смысл ставить вопрос о том, могла ли русская книга, которая развивалась в тисках феодального общества, играть какую-либо роль в мировом культурном развитии. Кроме того, автор рассматривает лишь одну сторону вопроса — роль русской книги и ее оценка за рубежом.

Проблемы встречного влияния западной и восточной книги на русскую культуру не входят в число его задач.¹

Совершенно естественно, что на основании лишь непосредственного изучения сохранившихся древнерусских, а также западных, греческих и восточных книг XI—XIII вв. сделать правильные выводы о широте международных контактов Руси в домонгольское время не представляется возможным. Сам факт наличия в том или ином книгохранилище древнейших нерусских рукописей еще не говорит о существовании культурных связей. История многих из них неясна, а время проникновения на Русь не всегда точно известно.

В силу указанных обстоятельств приходится прибегать к иным методам реконструкции. Нужно по крупицам собирать все доступные сообщения и факты, разбросанные в летописях, житиях древнерусских святых и иных источниках. Порой приходилось обращаться к косвенным известиям, не имеющим на первый взгляд прямого отношения к теме. Была привлечена с возможной полнотой вся литература, которая в какой-то степени затрагивала вопрос. Конечно, при таком методе работы заранее следует ожидать, что получится эскиз картины, но не сама картина книжных связей.

Значительным источником комплектования монастырских библиотек и частных собраний Древней Руси были книги, поступившие из Византии и других православных стран Востока и Балканского полуострова. На первом месте в эту эпоху стояли, конечно, русско-византийские связи. О контактах Древней Руси с наиболее культурной страной средневековья имеются специальные исследования.² Отметим, что на XIII Византийском конгрессе в Оксфорде, состоявшемся в 1966 г., этому вопросу было уделено много внимания. В докладе З. В. Удальцовой «Рус-

¹ Слуховский М. И. Из истории книжной культуры России. М., 1964, с. 5—6.

² Лихачев Д. С. К вопросу о «византийском влиянии» на Русь. — В кн.: Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, с. 119—129; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956; Воронин Н. Н. «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения во второй половине XII в. — Византийский временник, М., 1963, т. XXIII, с. 23—46.

ско-византийские культурные связи» были приведены примеры контактов в области книжности.³

По словам одного из авторов Киевского Печерского патерика, владимирского епископа Симона, византийские живописцы, приехавшие в Лавру во второй половине XI в., привезли с собой греческие книги. В монастырской библиотеке они хранились еще в начале XIII в.⁴ В Лаврентьевской летописи под 1051 г. сказано, что Феодосий Печерский написал Устав греческого Студийского монастыря у монаха этой обители Михаила, прибывшего в Киев с митрополитом Георгием. Вполне возможно, что и другие митрополиты-греки и лица из их свит, приезжая на Русь, везли с собой греческие книги. Изучение истории древнерусской литературы и языка убеждает в том, что русские авторы XI—XIII вв. хорошо знали не только всю православную богословскую литературу средневековья, но и сочинения греческих писателей и философов.

Через переводную греческую литературу образованные люди Древней Руси знакомились, естественно в христианизированной форме, с неуываемой античной культурой, с ее философией, литературой, искусством.⁵ И. П. Еремин утверждал, что переводная литература Руси XI—XII вв. в основном состояла из произведений, переведенных с греческого языка. В виде исключений имелись переводы с латинского, древнееврейского.⁶ О включении древнерусской книжности в международный литературный обмен, и в частности о наличии культурных контактов со странами Ближнего Востока, говорят переводы с арабского языка древнейшей ассиро-вавилонской повести об Акире Премудром.

А. И. Соболевский разделял мнение А. А. Шахматова, что в XI в. преподобный Антоний, основатель знаменитого Киевского Печерского монастыря, перевел житие Григория

³ Thirteenty international Congress of Byzantine Studies. Oxford, 1966, с. 13—23; см. также: Удальцова Э. В. Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руси.—Археогр. ежегодник за 1965 год, М., 1966, с. 47—58.

⁴ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 193.

⁵ См., например: Шустерович Э. М. Хроника Иоанна Малалы и античная традиция в древнерусской литературе.— В кн.: Литературные связи древних славян. Л., 1968, с. 62—70.

⁶ Еремин И. П. Литература Древней Руси. М.—Л., 1966, с. 9—10.

Омиритского.⁷ Проблемам связи литературы Киевской Руси с литературами европейского средневековья много внимания уделяет А. Н. Робинсон. Перечисляя греческие сочинения, переведенные на русский язык в XI—начале XII в., он отмечает апокрифические откровения Мефодия Патарского, трактаты по поэтике («Об образах» Георгия Хиробоска) и ряд других.⁸ Важное место в литературе заняли переводные произведения: «Повесть о Варлааме и Иосафе» (христианизированные житие Будды), о гордом царе Адариане, византийский эпос «Девгениево деяние» и др.⁹

На основании житий древнерусских святых и других письменных источников можно утверждать, что немало представителей духовенства и феодальных верхов хорошо владели греческим языком и могли понимать греческий текст в оригинале. М. И. Сухомлинов первым обратил внимание на то, что русские люди XI—XIII вв. воспринимали христианские имена в их смысловом значении. Так, например, летописец Нестор, рассказывая о рождении преподобного Феодосия, подчеркивая, что иерей, к которому на восьмой день родители принесли новорожденного, сразу понял, что «... дегитце ... измлади предназначено богу» и посему нарек его Феодосием. На этом основании можно полагать, что греческий язык был в то время знаком не только самому автору, но и тем, кто в дальнейшем будет читать его сочинения.¹⁰ В Ипатьевской летописи под 1180 г. сохранился интересный рассказ о похоронах смоленского князя Романа Ростиславича, из которого можно сделать вывод, что некоторые женщины из аристокритических кругов знали греческий язык. Автор летописного текста писал: «Сей же благоверный князь Роман бе возрастом (ростом, — Б. С.) высок, плечами велик...». Далее отмечалось,

⁷ Соболевский А. И. Особенности русских переводов домонгольского времени. — Труды IX Археологического съезда в Вильно 1893 г., 1897, т. II, с. 68.

⁸ Робинсон А. Н. Литература Киевской Руси среди европейских средневековых литератур. — В кн.: VI Международный съезд славистов. Доклады советской секции. Прага, 1968.

⁹ Кузьмина В. Д. Девгениево деяние. М., 1962; Мурьянов М. Ф. 1) Алексей человек божий в славянской рецепции византийской культуры. — ТОДРЛ, 1968, т. XVIII, с. 109—126; 2) Андрей Первозванный и Повесть временных лет. — Палестинский сборник, Л., 1969, вып. 19 (82), с. 159—164.

¹⁰ Сухомлинов М. И. О языкознании в Древней Руси. — Учен. зап. II отд. РАН, кн. I, раздел II, СПб., 1854, с. 177—260; Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 16.

что плакавшая над телом усопшего мужа княгиня причитала: «...воистину тебе наречено имя Роман». Такая фраза имела смысл только в том случае, если сама княгиня и читатели, которым был адресован текст, знали, что по-гречески Роман означает «сила», «крепость».¹¹ Это является косвенным подтверждением бытования греческой книги в Древней Руси. Всякий, кто занимался древнерусской живописью, хорошо знает, как широко распространились и долго сохранялись на русских иконах надписи, сделанные на греческом языке. В большом числе случаев эти надписи выполнены достаточно грамотно. Видимо, иконописцы обладали хотя бы минимальными знаниями в области греческого письма.

Проникновению греческой книги на Русь способствовали также личные контакты древнерусских людей с греками. Одним из первых русских путешественников на Афон был Антоний, основатель Киевского Печерского монастыря. В Житии Феодосия упоминается о странниках, рассказывавших Феодосию о чудесах Палестины. Около 1060 г. Варлаамий Хутынский ходил в Иерусалим и потом в Царьград, где покупал нужные для своего монастыря вещи, в числе которых должны были быть книги. Игумен Даниил (около 1115 г.) обошел все святые места и оставил их описание. В Иерусалиме он видел много русских паломников «...и вся дружина, русские сыновья, приключивши в тот день, новгородцы, кияне. Изяслав Иванович, Городислав Михайлович, Кошкичи два и иные многие».¹² В 1089 г. в Царьград за новым митрополитом — Иоанном Скопцом — ходила дочь Всеволода I Ярославича — Анна Всеволодовна (Янка). В 1173 г. ко святым местам ходила Евфросиния княжна Полоцкая. Эти и подобные им контакты способствовали освоению русскими европейских и других языков. В 26-м слове Киевского Печерского патерика о Лаврентии Затворнике, получившем дар исцеления, рассказывается о некоем киевлянине, который страдал тяжелым психическим заболеванием. Повествуя о его лече-

¹¹ В широко известной работе Л. Успенского «Ты и твое имя» (см. в кн.: Слово о словах. Л., 1962, с. 624) имя Роман автор производит от латинского слова *Roman* — «римский», «римлянин». По-видимому, с точки зрения древнерусского человека это было не так.

¹² Погодин М. П. Образованность и грамотность в древнем периоде русской истории. — ЖМНП, СПб., 1871, ч. 153, Отдел наук, с. 5.

нии в монастыре, инок Поликарп отмечал, что «бесный» хорошо знал три основных ученых языка средневековья — еврейский, латинский и греческий.¹³

В «Поучении» Владимира Мономаха, помещенном в «Повести временных лет» под 1096 г., Владимир-Василий Всеволодович призывал учить иностранные языки: «Что умеете хорошего, то не зыбывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал, пять языков».¹⁴ Какие языки знал Всеволод Ярославич (1030—1093), точно неизвестно. Исследователи называли латинский, немецкий, венгерский, половецкий, язык волжских болгар, литовский, торчский, косожский, абезский, «скандинавский» и др. Все сходится на том, что греческий язык Всеволод безусловно знал. В 1046 г. первым браком он был женат на гречанке Марии, дочери греческого императора Константина Мономаха. «Поучение» великий князь адресовал не только своим детям («...дети мои»), но и другим людям, которым предстояло обладать княжеской властью. В «Поучении» имеются также наставления, необходимые для каждого феодала («...иной кто ...»). Умный и трезвый политик, Владимир Мономах рекомендовал только то, что было вполне осуществимо.

Во второй половине или в конце XII в. неизвестный по имени новгородец, хорошо знавший греческий, находился в Царьграде. На основе личных наблюдений и греческих источников он написал интереснейшее описание главной святыни восточной христианской церкви — храма св. Софии. Еще в 1889 г. архимандрит Леонид убедительно доказал, что «Сказание о святой Софии Царьградской» является одним из наиболее ранних памятников русской письменности.¹⁵ В 1200 г. в Царьград совершил путешествие новгородский архиепископ Антоний, в миру Добрыня Андреевич, который также оставил описание своего путешествия. Впервые издавший текст этого памятника П. И. Савваитов в 1872 г. утверждал, что архиепископ был хорошо знаком со «Сказанием о св. Софии».¹⁶

¹³ Патерик Киевского Печерского монастыря, с. 92.

¹⁴ См. в кн.: Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М.—Л., 1957, с. 122.

¹⁵ Леонид, архимандрит. Сказание о св. Софии Царьградской. — ПДПИ, СПб., 1889, с. IV.

¹⁶ Савваитов П. И. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII ст., с предисловием и примечаниями. СПб., 1872.

Из вопросов новгородского священника Кирика (до 1156 г.) видно, что число богомольцев из Руси в Иерусалим так выросло, что духовное начальство стало ограничивать паломничество. В еще большей степени русские стремились в Грецию, и в особенности на Афон. В 1080 г. византийский император Алексей Комнин отвел для русских монастырь Успения Богородицы Ксилургу. Специальной грамотой Алексей Палеолог в 1168 г. отдал русским Пантелеймоновский монастырь. Греческая опись имущества монастыря Ксилургу от 1142 г. содержит упоминание о «русских книгах», в том числе об апостолах, ирмологиях, синаксарях, минологях, номоканонах, сочинениях Ефрема Сирина и др.¹⁷ Для внутреннего пользования одного монастыря такое количество книг во многих списках было совершенно излишне. Скорее всего, в монастыре существовала и активно действовала книжная мастерская, продукция которой отправлялась на Русь.¹⁸ Об этом говорят более поздние данные. В XIV в. русские были частыми гостями на Афоне и в Константинополе. Так, если верить Стефану-новгородцу, в 1386 г. на Афоне работали новгородцы Иван и Добрило, которые списывали книги.

Н. В. Волков приводит перечень книг второй половины XIV в., списанных русскими в Константинополе и привезенных затем в Москву. В этот список входят Новый завет, 1355 г., переписанный, по весьма вероятному предположению, епископом Владимирским Алексеем, ездившим в Царьград поставляться в московские митрополиты (ГИМ, Син. № 70), Евангелие, 1383 г. (ГИМ, Син. № 742), Лествица Иоанна Лествичника, 1387 г., списанная в Студийском монастыре по поручению митрополита Киприяна (ГБЛ, Моск. дух. акад., ф. № 152), Диоптра инока Филиппа, 1388 г. (ГИМ, Чуд. № 15).¹⁹ Если в XIV в. русские смогли поддерживать тесные книжные контакты с Византией, то можно предположить, что в домонголь-

¹⁷ См.: Павлов А. С. Курс церковного права. Сергиева Лавра, 1902, с. 110; Акты русского на святом Афоне монастыря св. великомученика и ценителя Пантелеймона. Киев, 1878, с. 54, 56, 57.

¹⁸ Погоди́н М. П. Образованность и грамотность..., с. 5; см. также: Сахаров. Путешествия инока Стефана и дьякона Игнатия. О жизни русских на Афоне. — Христиан. чтения, 1853, ч. II, с. 291.

¹⁹ Волков Н. В. Статистические сведения..., с. 37.

ское время эти контакты были более интенсивными и регулярными.

Оживленнейшие культурные, и в том числе книжные, связи поддерживались между Русью и братской по языку, религии и культуре Болгарией. Они продолжались до захвата последней турками в 1396 г.²⁰ В 1261 г. Киевский митрополит Кирилл (1242—1281 гг.) обратился к болгарскому деспоту Якову Святославу с просьбой доставить ему Кормчую (Номоканон) на славянском языке. Яков Святослав выслал в Киев сделанный болгарским каллиграфом Иоанном Драгославом список Номоканона, хранившегося в Тырновской патриархии.²¹

В русском пергаменном сборнике, составленном около 1200 г. и хранившемся в середине XIX в. в Успенском соборе в Москве, помещены жития Мефодия Моравского и Похвальное слово Кириллу и Мефодию. Мефодий упоминается еще под 4 мая. В Минее русского извода XIII в. находится служба Кирилла Философа (под 14 февраля), а в другой Минее, русского же извода XIII в., записана общая служба (канон) Кириллу и Мефодию (под 6 апреля).²² Русские очень рано познакомились с оригинальными болгарскими сочинениями, такими как Шестоднев Иоанна, сочинениями Климента Словенского, Константина Болгарского, Козьмы пресвитера и др.²³

Большую роль в укреплении культурных связей между Россией и Болгарией играли славянские монастыри на Афоне, а также непосредственные контакты между русскими и болгарскими монахами, обитавшими в константи-

²⁰ Снегаров И. К истории культурных связей между Болгарией и Россией в конце XIV—начале XV вв. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 257.

²¹ Востоков А. X. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, с. 290—291; Срезневский И. И. Древние памятники русского языка и письма X—XIV вв. 2-е изд. СПб., 1882, с. 125—126.

²² Горский А. В. Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865, с. 285—296; Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, с. 108—115.

²³ История на българска литература. Т. 1. Старобългарска литература. София, 1962; Ангелов Б. С. 1) Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958; 2) К вопросу о начале русско-болгарских литературных связей. — ТОДРА, М.—Л., 1958, т. XIV, с. 132—138; Дуйчев И. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества. — Там же, 1963, т. XIX, с. 107—129.

нопольских монастырях. По мнению А. И. Соболевского, в первое столетие после крещения на Руси были известны почти все южнославянские переводы IX—X вв., которые сохранились по дошедшим до нас спискам. Переводы на русский язык начали делать со времени княжения Ярослава Мудрого.²⁴

Не вдаваясь в подробности сложного вопроса о происхождении тератологического орнамента, отметим, что еще Ф. И. Буслаев и Н. П. Кондаков подчеркивали, что так называемый «чудовищный» орнамент со связанной с ним «плетенкой» восходит не к Скандинавии, как полагает ныне французский искусствовед А. Н. Грабар, а к болгарским и восточнохристианским орнаментам.²⁵ Восточнохристианский книжный орнамент был занесен из Болгарии в Киев, а оттуда попал в Новгород. Очень скоро он превратился в свой, новгородский. Отдельные элементы скандинавского орнамента, которые можно уловить в новгородских рукописях, не являются определяющими.²⁶

Проблема культурных связей Древней Руси с Западом при всей ее бесспорной значимости не получила до последнего времени полного и всестороннего освещения в нашей науке. Славянофилы не изучали ее потому, что признавали лишь культурный вклад Византии в русскую культуру XI—XIII вв.²⁷ Западники, наоборот, игнорировали подобные контакты по причине «азиатского» характера русского народа, не сумевшего и не пожелавшего усваивать систему взглядов западной эстетики.²⁸ Обе внешне противоположные точки зрения по своей сути сходились на том, что полностью игнорировали конкретные связи Древней Руси с Западом, не верили в самостоятельные творческие силы русского народа, полагали, что не могло быть и не было книжных контактов Руси с Западной, католической Европой. На первый взгляд такое утверждение казалось

²⁴ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, с. V.

²⁵ Буслаев Ф. И. Русское искусство в оценке французского ученого. — Критическое обозрение, 1879, № 2, 5; то же: ЖМНП, 1889, май, с. 54—104; Кондаков Н. Македония. Археологическое путешествие. СПб., 1906, с. 54—62.

²⁶ См.: Некрасов А. И. Очерки по истории славянского орнамента. СПб., 1914, с. 25—27.

²⁷ Леонтьев К. Восток, Россия и славянство. — Собр. соч., т. V. М., 1912, с. 139.

²⁸ Чаадаев П. Сочинения и письма, т. I. М., 1913, с. 85.

весьма убедительным. Оно исходило из общей предпосылки о том, что Святейший престол всегда был врагом России и православной церкви. Так как считалось, что основная масса древнерусских книг была религиозного содержания, то как следствие этого вытекало, что западная, католическая книга не имела шансов попасть на русскую почву. Фактический состав сохранившихся книг XI—XIII вв. также как будто подтверждал подобное предположение. Однако последние достижения в области археологии, истории искусства, архитектуры Древней Руси позволили пересмотреть положение о полном отсутствии или весьма ограниченном характере книжных контактов со странами Западной Европы. Само географическое положение Руси обусловило наличие не только восточных, но и западных культурных контактов. Этим контактам было посвящено несколько работ, опубликованных в последнее время.²⁹

По мнению В. Н. Лазарева, наиболее оживленные контакты имели место во второй половине XII—первой трети XIII в. По времени они совпали с последними десятилетиями романского искусства, которое с конца XII в. начинало уступать свои позиции готике. Как известно, готика в силу определенных причин не получила распространения в России. Через Галицко-Волынскую землю, крупные торговые города — Новгород и Псков — романская культура Европы проникала в «империю Рюриковичей». Из 99 предметов западноевропейского художественного ремесла, учтенных В. П. Даркевичем, 61 приходится на вторую половину XII—первую треть XIII в., 38 из них датируются рубежом XII—XIII вв.³⁰ Среди этих вещей встречаются предметы церковного обихода — водолеи, подсвечники, алтарные кресты, чаши, потиры, ларцы, дарохранительницы, оклады книг и другие изделия мастеров Нижней Лотарингии, Реймской области, Вестфалии, Нижней Саксонии, Лиможа.

²⁹ Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). М., 1966; Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X—XIII веках. Л., 1968; Лазарев В. Н. Искусство средневековой Руси и Запад (XI—XV вв.). — В кн.: XIII Международный конгресс исторических наук, 1970 г. Доклады конгресса. Т. 1, ч. 7. М., 1974, с. 262—340.

³⁰ Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла... с. 63—64.

Для успешного развития культурных связей были необходимы по меньшей мере следующие предпосылки: 1) устойчивые коммуникации, включавшие сложившиеся караванные пути, обмены посольствами, путешественниками, мастеровыми; 2) династические связи; 3) относительная веротерпимость. В Киевском регионе эти предпосылки были оптимальными. Древнюю Русь с Западом связывали три торговых пути — дунайский, магдебургский и прибалтийский, причем основным, по-видимому, был дунайский. Начинаясь где-то в районе Мааса, он тянулся через Майн, Неккар на Регенсбург, Вену и далее через Эстергом, Мукачев в Галич. Из Регенсбурга шла другая ветвь: Прага—Бреславль, Ополе, Краков—Владимир-Волынский, Луцк, Киев. На этой трассе найдено большинство предметов западного производства, учтенных В. П. Даркевичем. По этим путям передвигались караваны, везли товары, книги.

До 1054 г., до момента официального разделения христианства на западную — католическую церковь и восточную — православную, роль русского духовенства в антизападной пропаганде была не особенно велика. Активной антикатолической силой была только греческая патриархия.³¹ Враждебное отношение к латинству начинает проследживаться с конца XI—начала XII в. Однако и тогда оно не приняло таких размеров, которых достигло в середине XIII в.

В середине XIX в. в Ватиканском тайном архиве хранились вышедшие из канцелярии Святейшего престола латинские документы (по-видимому, дубликаты), которые позволяют думать, что в начале XIII в. в Киеве существовала значительная колония людей, прибывших с Запада. 10 октября 1207 г. папа Иннокентий III послал в Россию письмо к мирянам и духовенству с извещением о посылке на Русь своего легата кардинала Витолиса. В 1232 г. папа Григорий IX писал приору и братьям Доминиканского ордена, что те, кто из них отправится в Россию для распространения там католической веры, получают ряд льгот и преимуществ.

В июне 1234 г. папа Григорий IX обратился со специальным посланием к некоему Ульрику и другим католи-

³¹ Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латынян (XI—XIV вв.). М., 1875, с. 118.

кам, проживавшим в Киеве. Папа писал «Дошло до нашего слуха, что латыняне, проживающие в Киеве, подвергаются всяким нападкам и козням со стороны врагов апостольской церкви. Поэтому, заботясь о своих детях, римская церковь по-матерински берет под свою защиту приезжающих в Россию католиков, их семьи и их имущество. Да никто не посмеет посягать на их имущество».

Можно думать, что грамота была адресована не только Ульрику, который был, вероятно, главой римских агентов из числа монахов Доминиканского ордена, посланных в Россию проповедовать латинство. Вероятно, католическая группа населения Киева была достаточно велика, если папа нашел возможность заявить русским властям, что берет их под свою защиту. Такой резкий дипломатический шаг тем более примечателен, что в те годы Рим пытался завязать с Русью дипломатические отношения. Из текста грамоты следует, что проживавшие в Киеве католики обосновывались там надолго, так как успели обзавестись семьями и имуществом.

В том же 1234 г. папа Григорий IX предписывал препозитуру и схоластику Сандомирскому, чтобы никто не смел обижать католиков, собравшихся ехать на Русь, которых он берет под свое покровительство.³² По всей видимости, в конце XII—начале XIII в. в Киеве существовала значительная прослойка лиц католического вероисповедания, которая поддерживала контакты с Ватиканом. Около 1228 г. в Киеве, над Днепром, был построен католический костел, где служили обосновавшиеся в городе доминиканцы. Кроме того, они создали в Киеве доминиканский монастырь св. девы Марии.³³ В 1154 г. в Переяславле была воздвигнута «лядская» (польская) божница.³⁴ На севере — в Новгороде — в 1184 г. при немецком купеческом дворе была открыта церковь св. Петра.³⁵ С середины XII в. в Новгороде обосновались готландские купцы, по-

³² Акты, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек (1075—1584 гг.). Т. 1. СПб., 1841, с. 34—35. На лат. яз. Перевод автора.

³³ Стороженко А. О существовавших в г. Киеве римско-католических храмах. — В кн.: Сб. статей в честь профессора Н. П. Дашкевича. Киев, 1906, с. 242—245.

³⁴ Лаврентьевская летопись под 1154 г.: «Летьскую божницу»; Радзивилловская и Троицкая летописи: «ля(д)скую божницу».

³⁵ Бережков М. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. СПб., 1879, с. 61.

строившие в конце века храм св. Олафа. Во всех этих храмах богослужение шло на латинском языке. Ясно, что утварь и книги в них были либо западного происхождения, либо, что менее вероятно, они были созданы католиками на Руси. По-видимому, русские не воспринимали враждебно западную церковную утварь. Так, например, известно, что галицкий князь Владимир целовал латинский крест венгерского короля Гезы II.³⁶

Рубеж XII—XIII вв. — период активного ввоза в Новгород романских изделий — чаш, водоеев. Этими же годами датируются наиболее значительные западные культурные предметы, найденные при раскопках либо хранившиеся в новгородских храмах: ларец-реликварий реймской работы и др.³⁷

Основателем Антониева монастыря в Новгороде был выходец из Рима Антоний (1068—1147 гг.). В Новгороде он появился в 1106 г., игуменом основанного им монастыря был поставлен в 1131 г. В «Повести об Антонии Римлянине» говорится, что святой, прибыв в Новгород, привез с собой латинскую церковную утварь.³⁸ Именно из его монастыря происходят книжные оклады с лиможскими эмалями и серебряная золоченая ложка западной работы.³⁹

Между 1189 и 1195 гг. Ярослав Владимирович заключил мир с немцами, готами «и с всем латинским языком».⁴⁰ Летописи приписывали ему «многие пакости», в число которых, видимо, входило сближение с католическим миром.⁴¹ М. Ф. Мурьянов допускал даже возможность, что его приближенным мог быть бенедиктинский монах.⁴²

Некоторые элементы западного влияния можно обнаружить в первой сохранившейся русской датированной рукописи — Остромировом евангелии. Необходимо учиты-

³⁶ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, с. 176.

³⁷ Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла..., с. 30—34, табл. 20, 23.

³⁸ Повесть об Антонии Римлянине. — В кн.: Памятники старинной русской литературы. Т. 1. СПб., 1860, с. 263—264.

³⁹ Даркевич В. П. О серебряной ложке из Новгорода. — СА, 1965, с. 245—249.

⁴⁰ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, с. 55.

⁴¹ Новгородская первая летопись младшего извода, под 1184 г.

⁴² Мурьянов М. Ф. Алексей человек божий в славянской рецензии византийской культуры, с. 122.

вать, что дьякон Григорий написал его для новгородского посадника Остромира, приближенного великого князя Киевского Изяслава (1024—3 октября 1078 гг.), женатого, как известно, на Гертруде, дочери польского короля Мешко II.⁴³

Видимо, при дворе Изяслава были известны западные рукописи, ибо иначе трудно понять одну деталь оформления Остромирова евангелия. В верхнем правом углу обрамлений, заключающих фигуры евангелистов, помещены их символы. Такой тип изображений не встречается в восточноевропейских и византийских рукописях, но он очень распространен в каролингских и оттоновских манускриптах, где символы евангелистов размещены по углам и в верхней части миниатюры.⁴⁴ В. Н. Лазарев пишет, что художники, работавшие над украшением Остромирова евангелия, видели западноевропейские книги, которые могли быть привезены в Киев Гертрудой, женой Изяслава.⁴⁵

Особое значение для рассмотрения вопроса о книжных контактах Запада и Руси имеет история книг, над изготовлением которых трудились русские и европейские мастера. Таких книг, правда, крайне мало, но каждая из них представляет исключительный интерес. Первое место как по времени создания, так и по значению следует отдать так называемой Трирской псалтири, известной также под названием Кодекса Гертруды. Если Остромирово евангелие имело к польской королеве лишь косвенное отношение, то Трирская псалтирь уже непосредственно связана с Гертрудой и ее сыном Ярополком.

Эта уникальная рукопись не раз привлекала к себе внимание исследователей. О ней писали А. Бобринский, Н. П. Кондаков, Н. П. Сычев, А. Н. Свирин и другие русские и европейские ученые,⁴⁶ которые отметили, что ряд

⁴³ Янин В. Л. Русская княжна Олисава — Гертруда и ее сын Ярополк. — Нумизматика и эпиграфика, 1963, вып. 4, с. 142—164.

⁴⁴ Brannfels W. Die welt der Karolingen und ihre Kunst. München, 1968, Abb. 117, 169—171, 282, 283.

⁴⁵ Лазарев В. Н. Искусство средневековой Руси и Запад..., с. 291.

⁴⁶ Бобринский А. Киевские миниатюры XI в. и портрет князя Ярополка Изяслава в Псалтири Егберта. СПб., 1902; Кондаков Н. П. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906; Сычев Н. П. Искусство средневековой Руси, кн. 4. Л., 1929, с. 203—207; Свирин А. Н. Искусство книги Древней Руси (XI—XVII вв.). М., 1964, с. 58—59.

деталей изображений весьма близок к романским рукописям баварского круга.⁴⁷ Рукопись была выполнена для Трирского архиепископа Эгберта (977—993) монахом Руодирехтом, в XI в. она попала в руки Гертруды. Примерно около 1075—1076 гг. Гертруда приказала вшить в нее пять новых листов с текстом и миниатюрами. В. Н. Лазарев, изучавший эти миниатюры, пришел к выводу, что стиль миниатюр, представляющих своеобразный сплав византийских, романских и русских элементов, занимает совершенно обособленное место в древнерусском искусстве.⁴⁸

Вопрос о том, где были выполнены миниатюры, до сих пор не решен. А. Газеллоф связывает их с Киевом,⁴⁹ Н. П. Кондаков утверждал, что написать их могли в Луцке или Владимире-Волынском,⁵⁰ Н. П. Сычев склоняется к Владимиру-Волынскому либо связывает их с художественной мастерской в монастыре св. Иакова на Дунае.⁵¹ Последнее предположение, по мнению В. Н. Лазарева, наиболее вероятное. Возможно также предположить, что миниатюры были созданы в Регенсбурге, где легче всего могли соединиться романские, византийские и славянские элементы, которые столь характерны для Трирской псалтири.

Чешская литература и чешская книжность исполняла по отношению к древнерусской литературе роль посредницы в передаче на восток Европы нескольких западных латинских памятников. Славяне-чехи исповедовали католическую веру и в силу этого являлись промежуточным звеном между Западом и Востоком. Как отмечал А. П. Соболевский, от чехов на Русь пришли «Беседы на Евангелие» папы Григория, апокрифическое Никодимово Евангелие, Киевские глаголические отрывки, ряд житий и другие памятники.⁵² Оригинальная чешская агиография — жития

⁴⁷ Как любезно сообщил директор национального Археологического музея в городе Чивидале дель Фруми (Северная Италия) проф. Карло Мугинелли, Псалтирь Эгберта в настоящее время хранится в их музее. Инвентарного номера Псалтири он не указал.

⁴⁸ Лазарев В. Н. Искусство средневековой Руси и Запад..., с. 292—293.

⁴⁹ Haseloff A. Der Psalter Erzbischof Egberts von Trier in Cividale. 1901, S. 189.

⁵⁰ Кондаков Н. П. Македония..., с. 10.

⁵¹ Сычев Н. П. Искусство средневековой Руси..., с. 207.

⁵² Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской археологии и филологии. СПб., 1910.

князя Вацлава, княгини Людмилы — сыграли значительную роль в создании русской княжеской агиографии.⁵³

Темой особого исследования может стать проблема культурных связей Руси с Англией. По-видимому, имеется определенное влияние англосаксонской хроники на рассказ русских летописей о призвании варягов. Этот мотив мог заинтересовать киевских летописцев в связи с приходом на Русь дочери англосаксонского короля Гаральда после завоевания Англии норманнами. Англо-русским средневековым связям в области литературы и книжности были посвящены исследования акад. М. П. Алексева.⁵⁴ Имеются сведения, что русские летописи в домонгольское время достигли берегов Британии, где получили отражение в сочинениях известного английского хрониста XIII в. Матвея Парижского.⁵⁵ Анализ англо-норманских письменных источников XII—XIII вв. о Руси содержится в работе В. И. Матузовой.⁵⁶

Однако контакты Руси с романским миром не привели к растворению древнерусской культуры в общеевропейском культурном потоке. Даже оживленные связи конца XII—начала XIII в. не могли привести к интеграции цивилизаций Востока и Запада Европы. Развиваясь в русле общеевропейских традиций, Русь оставалась Русью в своем неповторимом художественном и культурном облике.

В области изучения древнерусской переводной литературы с еврейского языка в последние годы много сделал Н. А. Мещерский. Его выводы подтверждают, насколько широка была образованность и насколько передовым для своего времени было мировоззрение древнерусских переводчиков. В Древней Руси были осуществлены переводы

⁵³ Флоровский А. В. Чешская струя в истории русского литературного развития. — В кн.: Славянская филология. Сборник статей. Т. III, IV. М., 1953, с. 211—232; Кралик О. Повесть временных лет и легенда Кристиана о святых Вячеславе и Людмиле. — ТОДРЛ, М.—Л., 1963, т. XIX, с. 177—207; Розов Н. Н. Из истории русско-чешских литературных связей древнейшего периода. (О предполагаемых западноевропейских источниках сочинений Иларiona). — Там же, Л., 1968, т. XXIII, с. 71—85.

⁵⁴ Алексеев М. П. Англосаксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха. — ТОДРЛ, 1935, т. II, с. 39—80.

⁵⁵ Всемирная история. Т. III. М., 1957, с. 472.

⁵⁶ Матузова В. И. Англо-норманские повествовательные источники XII—XIII вв. о Руси. — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. М., 1976, с. 130—140.

хроники «Иосиппон», апокрифических сказаний о Соломоне и Моисее, Книги Есфирь, Книги Еноха, «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. В древнерусской литературе Н. А. Мещерский обнаружил следы памятников Кумрана.⁵⁷

Переводчиками могли быть местные киевские евреи, образовавшие в столице крупную колонию. Как известно, печерские монахи вели с киевскими евреями ожесточенные прения о вере. Для успешного ведения таких диспутов раввины должны были иметь под руками еврейские богослужебные книги. С другой стороны, печерские иноки также должны были знать еврейскую литературу. В рассказе Киево-Печерского патерика о Никите Затворнике, бывшем потом епископом в Новгороде, прямо сказано, что он «... все книги иудейские хорошо знал».⁵⁸

В летописях встречаются определенные намеки на то, что какие-то знания в области семантики древнееврейского языка проникали в наиболее образованные круги русского общества XI—XIII вв. 10 декабря 1288 г. в Любомле (ныне г. Люблин) скончался князь Владимир Василькович. В пышном некрологе князю, помещенном в Ипатьевской летописи под 1288 г., читаем: «царю мой благый, кроткий, смиренный, правдивый! Воистину наречено бысть тебе имя во крещении Иван, всюю добродетелью подобен есь ему». Текст становится понятным только при том условии, что читатель летописи знал перевод имени Иван с еврейского языка (Йэхоханан, или Йоханаан — «божий дар»).

В настоящее время в различных книгохранилищах СССР, по данным «Предварительного списка» Археографической комиссии, сохранилось немало списков славянских и русских переводов византийских, сирийских и даже латинских памятников. Отметим только рукописи, датированные до середины XIII в.:⁵⁹ 1) Поучение Кирилла

⁵⁷ Мещерский Н. А. 1) Отрывок из книги «Иосиппон» в «Повести временных лет». — Палестинский сборник, 1956, вып. 2, с. 58—68; 2) Следы памятников Кумрана в старославянской и древнерусской литературе. — ТОДРЛ, М.—Л., 1963, т. 19, с. 130—147; 3) История «Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958.

⁵⁸ Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М.—Л., 1957, с. 185.

⁵⁹ Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966, с. 177—200.

Иерусалимского. Первая половина XI в. (Одесская гос. науч. б-ка, р. 1/533); 2) Поучение огласительное Кирилла, архиепископа Иерусалимского. Конец XI—начало XII в. (ГИМ, Син. № 478); 3) Поучение Ефрема Сирина. XI в. (БАН, 24.4.15); 4) Иоанн Златоуст (Златоструй). XI в. (ГПБ, Q. п.1.74); 5) Златоструй. XII в. (ГПБ, F. п.1.46); 6) труд одного из образованнейших сирийских писателей V в., Феодорита Киррского, сохранился в русском переводе в списке XI в. — Псалтири с толкованием Феодорита Киррского (так называемая «Чудовская псалтирь») (ГИМ, Чуд. № 7); Лествица Иоанна (Лествичника) Синайского. Середина XII в. (ГБЛ, Собр. Румянцева, № 198); 8) Богословие Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского. Конец XII — начало XIII в. (ГИМ, Син. № 108); 9) Устав Федора Студита. Конец XII в. (ГИМ, Син. № 330); 10) из латинских авторов — Толкование Ипполита папы Римского (на самом деле Ипполит был архиепископом римским, — Б. С.) на книгу пророка Даниила. XII в. (ГПБ, Погод. 68).

Поздние византийские писатели встречаются реже (повидимому, писатели XI—XII вв., как современники древнерусских людей, да и других славян, не вызывали у них особого интереса): 11) Пандекты Никона Черногорца. XII в. (Ярославский музей, № 15583); 12) Пандекты Антиоха Черноризца. Конец XI в. (ГИМ, Воскр. № 30); 13) Слово о вере из Пандект Антиоха Черноризца. Конец XI — начало XII в. (ГБЛ, Собр. Пискарева, № 205).

Особенно интересны переводы апокрифических византийских произведений: 14) Житие Феклы. XI в. (ГПБ, Погод. 63); 15) Хождение Богородицы по мукам. Конец XII — начало XIII в. (из сб. ГБЛ, собр. Троице-Серг. лавры, № 12).

В русских переводах сохранились даже такие византийские произведения, греческие списки которых до сих пор не обнаружены. Так, например, от домонгольского времени дошли две рукописи «Слова константинопольского патриарха Геннадия», известного в славянской литературе под названием «Стослов» или «Стословец» (на Руси Геннадия называли то архиепископом, то патриархом): 16) Сборник «слов» Геннадия архиепископа Константинопольского. XII в. (ГПБ, Соф. 1222^a); 17) Стословец Геннадия. Конец XII—начало XIII в. (ГБЛ, собр. Ундольского, № 963).

Если учитывать, что от домонгольского времени уцелело 190 рукописей, то сохранившиеся переводы византийских авторов составляют около 9%.

Интересной темой являются русско-армянские отношения в домонгольское время. С близкими по религии армянами русские познакомились, видимо, уже в первой половине XI в. Существует несколько указаний в армянских источниках на то, что в 1062 г. великий князь киевский Изяслав пригласил на Русь 20 тыс. армян, намереваясь использовать их в борьбе против половцев.⁶⁰

Во второй половине XI в., после завоевания Армении турками-сельджуками, до Киевской Руси докатились волны переселенцев-армян.⁶¹ Среди беженцев были не только войны, ремесленники, торговцы, но также ученые, врачи, служители культа. Покидая свою родину, они брали с собой самое ценное, что связывало их с захваченной врагами отчиной, — армянские книги. Армянские историки, специально занимавшиеся этим вопросом, утверждают, что армянская рукописная книга пришла на Русь вместе с первой волной переселенцев, появившихся в Киеве и других древнерусских, преимущественно южных городах.⁶²

Одним из самых древних памятников, обнаруженных на территории Киевской Руси, является известное Скевское евангелие, написанное в Киликии в 1197 г. В год написания или через самое короткое время Евангелие уже оказалось на Руси. В 1930 г. в Вене на армянском языке вышла книга Н. Акиняна «Скевское евангелие 1197 г., хранящееся в архиве армянского архиепископства во Львове». До 1939 г. Евангелие находилось во Львове, судьба этой ценной рукописи после 1939 г. неизвестна.

Существовавший в XI в. в княжеской среде дух веротерпимости во многом способствовал тому, что могли функционировать два значительных канала коммуникаций

⁶⁰ Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Ч. II. М., 1838, с. 283 и др.

⁶¹ В Киевском Печерском патерике (с. 92) имеется указание на то, что уже в середине XI в. в Киеве существовала значительная армянская колония.

⁶² Дорониович М. Армяне в Подолии и первая их церковь в городе Кременце. — Труды комитета для историко-статистического описания Подольской епархии, вып. 2. Каменец-Подольский, 1878—1879, с. 167—168; Дашкевич Я. Р. Армянская книга на Украине в XVII столетии. — Книга. Исследования и материалы. Т. 6. М., 1962, с. 147.

между Древней Русью и Западом — это международные династические брачные союзы и встречи — «снемы», по терминологии тех лет.⁶³ Так, в 1252 г. состоялось свидание Даниила Романовича Галицкого с венгерским королем и немецкими послами. В 1254 г. князь Даниил в Кракове встретился с польским королем Болеславом для обсуждения помощи Венгрии. В 1262 г. состоялась встреча русских князей с Болеславом, на которой была уточнена граница между Польшей и Россией.⁶⁴ Примеров подобного рода можно привести большое число. На высоких международных совещаниях присутствовало много людей из свиты коронованных особ, войска, ремесленники и торговцы, советники и поэты. «Снемы» сопровождалась пирами, парадами войск, во время которых стороны внимательно присматривались друг к другу, к одежде и вооружению воинов, к особенностям быта, подносили друг другу подарки, и таким образом лучшие образцы прикладного искусства пересекали государственные границы.

Русские войска неоднократно проникали в Центральную Европу во время боевых действий. Так, в 1076 г. Владимир Всеволодович Мономах совершил поход против немецкого императора Генриха IV. Русские войска прошли Богемию и остановились в Силезии, западнее города Глогау.⁶⁵ В 1254 г. дружины Даниила Галицкого сражались с немцами в Чехии и Германии, за р. Одер, возле города Оппель.⁶⁶ Во время далеких походов большие массы войск знакомились с укладом жизни населения Центральной Европы, с его культурой, в частности книжной.

С другой стороны, имели место случаи, когда русские князья обращались за помощью к европейским монархам. В 1150 г., во время очередной междоусобной войны, князь Изяслав Мстиславич позвал на помощь венгерские войска. В Киеве угры устроили блестящие конные состязания и, возможно, турнир, неизвестный в России, чем вызвали полное восхищение киевлян.⁶⁷

Для представителей аристократии государственные границы в то время, как, впрочем, и в более позднее, не имели значения непреодолимых рубежей. Переезды на

⁶³ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси.

⁶⁴ Ипатьевская летопись, под 1252, 1254 и 1262 гг.

⁶⁵ ПВЛ, 1076 и 1096 гг.

⁶⁶ Ипатьевская летопись, под 1254 г.

⁶⁷ Там же, под 1150 г.

службу к другому феодалу или другому государю практиковались в самых широких масштабах. Хорошо известно, какое значение имели в Новгороде и Киеве варяжские дружины, в состав которых входили певцы, прославлявшие боевые подвиги своих соотечественников, знакомившие русских с культурой Скандинавии.

Интересные данные о русско-скандинавских связях XI в. сохранились в норвежских и исландских сагах.⁶⁸ Они ценны не только тем, что донесли до нас многие подробности быта домонгольской Руси. Они подтверждают также существование оживленных культурных связей Древней Руси с Северной Европой.

Династические браки были другим широким каналом культурных связей. С 1043 г. до конца XIII в. зафиксировано 15 брачных союзов между польскими и русскими правящими домами. Кроме них, имели место многочисленные браки с германскими, чешскими, французскими, шведскими, норвежскими, венгерскими, греческими и другими высшими аристократическими, княжескими, королевскими и императорскими фамилиями. Отметим только некоторые из них, при которых одна из сторон (обычно женская) приезжала на Русь, привозя с собой свиту, привычки и нравы своей страны. Для совершения богослужбных треб в состав приданого должны были входить западные церковные книги. Кодекс Гертруды является одним из случайно сохранившихся памятников этого рода.⁶⁹

Имеются туманные известия о том, что дочь Ярослава Мудрого Анна, ставшая впоследствии королевой Франции, основала под Парижем монастырь, в котором находились книги, привезенные ею из Киева.⁷⁰

Интересна биография Даниила Романовича Галицкого (1201—1264), крупнейшего государственного деятеля общеевропейского масштаба, принимавшего активное участие во всех событиях политической жизни Центральной

⁶⁸ Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге и древнесеверной литературе. — КСИИМК, М.—Л., 1945, вып. XI, с. 51—65.

⁶⁹ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси, с. 419—427.

⁷⁰ Тимирязев В. Французская королева Анна Ярославна. — Исторический вестник, 1894, т. V, январь, с. 198; Лазарев В. Н. Новые данные о мозаиках и фресках Софии Киевской. Групповой портрет семейства Ярослава. — Византийский вестник, М., 1969, т. XV, с. 148—169.

Европы первой половины и середины XIII в. Еще в детстве он был обручен с малолетней дочерью венгерского короля Андрея II (на престоле с 1205 г., умер в 1236 г.). Воспитание и образование Даниил получил, когда жил вместе с матерью у князя Краковского Лешко (1188—1227) и у своего тестя — короля Венгрии. Впоследствии, так же как и Владимир Мономах, он часто бывал за пределами русских земель. От папы Иннокентия II Даниил Романович в городе Драгочине принял королевский венец.

Специалисты не раз отмечали романские черты в зодчестве Владимиро-Суздальской Руси эпохи Андрея Юрьевича Боголюбского (1111—1174). При этом обычно ссылаются на летописную фразу о том, что бог привел к Андрею мастеров из всех земель (Лаврентьевская летопись, под 1160 г.). В другой записи Лаврентьевской летописи, под 1194 г., говорится, что до этого времени во Владимире использовались мастера «от немец». Это может быть доказательством того, что наряду с русскими мастерами в строительных работах Андрея Боголюбского принимали участие немецкие мастера. Из контекста всей фразы следует, что мастера, которых «бог привел» к князю Андрею, были не только специалистами в области архитектуры. Их трудами были обработаны «бесчисленные дорогие камни», сделаны «церковные сосуды», «многообразные иконы», позолочены купола. В. Н. Лазарев, изучая архитектуру Ростово-Суздальского края, обнаружил явные романские традиции в строительной технике и художественном облике храмов Юрьева-Польского, Переславля-Залесского, Владимира.⁷¹ Известно, что во Владимиро-Суздальскую Русь попадали отдельные предметы романского прикладного искусства.⁷² Вполне возможно, что среди романских мастеров-архитекторов, ювелиров, каменщиков, златокузнецов, иконописцев были специалисты и в деле «книжного строения».

Приведенные известия сами по себе еще не говорят о книжном обмене. Они только намечают возможные контакты в области культуры. По этим каналам совершались миграции художественно-эстетических представлений, са-

⁷¹ Лазарев В. Н. Искусство средневековой Руси и Запад..., с. 274—283.

⁷² Даркевич В. П. Романская церковная утварь из Северо-Восточной Руси. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966. с. 61—70.

мих памятников, образованных людей — живых носителей культуры. Определенное место в этих связях должны были занимать рукописные книги. Таким памятником, возникшим в результате творческого содружества русских и византийских мастеров, является уже упоминаемое знаменитое Мстиславово евангелие.

Укажем еще один весьма своеобразный памятник древнейших книжных связей Руси с Западной Европой. Во Фрейзингенском монастыре в Баварии в начале XIX в. хранился латинский сборник в 169 листов, содержащий три русских текста, написанных латинскими буквами, — так называемые «Фрейзингенские отрывки». Расположенные в разных местах сборника, они занимают всего около 5 л. Содержание отрывков соответствует Требнику — это молитвы, исповеди, поучения. То лицо, которое записывало церковные славянские тексты, видимо, плохо знало язык местного населения. Русские слова весьма трансформировались при начертании их латинскими буквами. Исходя из анализа транскрибированной славянской речи, языковеды датируют текст временем, несколько более ранним, чем Остромирово евангелие 1056 г.

В весьма обстоятельной работе В. А. Истрина «1100 лет славянской Азбуки (863—1963)» (М., 1963), на с. 96, «Фрейзингенские отрывки» датируются X в. и утверждается, что «... запись славянской речи греческими буквами дошла до нас лишь в виде отдельных славянских слов, вкрапленных в греческие тексты». Последнее утверждение не совсем верно, так как академик П. И. Кеппен полностью воспроизвел текст по подлиннику на вкладных таблицах, помещенных в начале сборника, литографическим способом.⁷³ Как и вся рукопись, славянские тексты написаны католическими проповедниками латинскими буквами. Первым на ошибку В. А. Истрина обратил внимание М. И. Слуховский.⁷⁴

Трудно сказать, для каких целей были записаны эти молитвы, которые являются уникальнейшими памятниками мировой филологии. М. И. Слуховский считает, что они были записаны католическим проповедником, который, общаясь с язычниками-славянами, прибегал к этому

⁷³ Кеппен П. Собрание славянских памятников, находящихся вне России. СПб., 1827, с. 1—17.

⁷⁴ Слуховский М. И. Из истории книжной культуры России, с. 216.

своеобразному Требнику, выбирая из него надлежащие тексты.⁷⁵

Такое предположение мне не кажется убедительным. Во-первых, отрывки представляли собой не перевод с латинского на древнерусский язык, а запись древнерусских молитв латинскими буквами. Значит, у тех людей, среди которых жил западный миссионер, уже существовали свои молитвы, и считать аборигенов язычниками никак нельзя. Также не совсем понятно, каких именно язычников-славян в первой половине XI в. старался обращать в христианство папский проповедник. Кроме того, как мог он ехать с миссионерскими целями в страну, не зная ни слова на языке людей, у которых собирался проповедовать? Как правило, агенты и миссионеры Ватикана были подготовлены к своей будущей деятельности, по крайней мере знали язык страны, куда они направлялись. И, наконец, 9 страниц из 238 — это явно мало для проповедника. Скорее, кто-то из интереса записал русские молитвы либо на Руси, либо от русского, находящегося на Западе.⁷⁶

Было бы, однако, совершенно неверно думать, что культурные связи России с православным Востоком, Грецией и Западной Европой в домонгольское время носили односторонний характер. В минимально короткий срок из страны, жадно впитывающей книжную культуру и цивилизацию, Русь превратилась в равноправного партнера в системе культурных связей стран Центральной и Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока.⁷⁷ Во второй половине XI в. на Руси возник феномен, масштабы и характер которого мы еще не можем оценить по достоинству. Широта, глубина и целеустремленность работы, проводившейся на Руси, как бы сказали теперь, в области культурного строительства, станут особенно ощутимы, если вспомнить, что результаты ее не замедлили проявиться

⁷⁵ Там же, с. 125.

⁷⁶ Впоследствии сборник поступил в Мюнхенскую общественную библиотеку. Дальнейшая судьба памятника была неизвестна. На мой запрос в г. Мюнхен директор Баварской государственной библиотеки доктор Карл Дахс любезно сообщил, что известные «Фрейзингенские памятники» в настоящее время хранятся в Отделе рукописей этой библиотеки в составе рукописного сборника (инв. № CLm 6426, между л. 78 и 78 об. и л. 158—161).

⁷⁷ См. в кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

в самые минимальные сроки. Хотя международное влияние русской книжности в домонгольское время прослеживается пока на ограниченном количестве памятников, не учитывать воздействия древнерусской рукописной книги за рубежом было бы в корне неверно.

Приведем несколько примеров выхода русской книги XII—XIII вв. за пределы страны. Один из ранних переводов Пролога на славянские языки был сделан, по-видимому, в Константинополе в начале XII в. Выполнен он был группой русских и болгарских книжников.⁷⁸ В течение первой половины XII в. в состав болгарского перевода вошли жития русских святых (Бориса и Глеба, княгини Ольги, сына Мономаха — Мстислава Владимировича). В греческом оригинале названные жития отсутствуют. Добавленные русскими книжниками русские жития попали в состав югославянских прологов вскоре после завершения перевода этого богословского сочинения с греческого языка.⁷⁹

Древнейший список русского Пролога сохранился от XII—XIII вв.⁸⁰ Один из наиболее ранних списков болгарского Синаксаря (другое, более правильное название Пролога) датируется 1340 г. В нем содержатся жития Ольги, Бориса, Глеба, Мстислава.⁸¹ Известны и другие, схожие по составу болгарские сборники XIII—XIV вв.⁸² «Житие Феодосия Печерского», составленное, как известно, печерским монахом Нестором в конце XI в., уже в XIII столетии было переведено с сокращениями болгаринном, а затем включено в сербский сборник Пролога.⁸³

⁷⁸ Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, с. 225 (примеч. В. Д. Кузьминой).

⁷⁹ Ламанский В. О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене, с филологическими и историческими примечаниями. Примеч. 1 к т. VI «Записок Академии наук» (СПб., 1864, № III, с. 113—115).

⁸⁰ Пролог. Сентябрь—февраль, XII—XIII вв. (ГПБ, Соф. 1234).

⁸¹ Ангелов Б. С. Из историята на руското книжно прокиване у нас (XI—XIV).—В кн.: Известия на Института за българска литература. Кн. 3. София, 1955, с. 47, 48.

⁸² Ламанский В. О некоторых славянских рукописях... с. 113—115.

⁸³ Сперанский М. Н. Сербское Житие Феодосия Печерского.—В кн.: Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, с. 543, 545.

«Сказание о Борисе и Глебе» стало известно на православном Востоке уже в домонгольское время. В армянском переводе оно было включено в прологи армянско-григорианской церкви.⁸⁴ Примечательно, что этих святых вынуждены были канонизировать даже в Греции, государственные и духовные власти которой упорно боролись против признания независимости русской церкви.⁸⁵ В XII столетии в Константинополе была построена церковь во имя Бориса и Глеба. Нельзя допустить, чтобы в этом храме не имелись жития святых, в честь которых он был воздвигнут. Чтобы сделать греческий перевод жития и службы Борису и Глебу, в Царьграде должны были находиться русские списки этих произведений. Текст «Чуда об Агрикове сыне Василии» — исходный вариант сказаний о чудесах Николая Чудотворца, популярнейшего из православных угодников, в русском переводе около XIII в. проник в Болгарию и далее в Сербию.

Так называемое Врачинское евангелие XIII в. изобилует русизмами, рассеянными по всему тексту. Не вызывает сомнения, что русский оригинал находился в руках болгарского писца. В настоящее время Врачинское евангелие признается старейшим из известных болгарских списков с русского прототипа.⁸⁶ Есть основания утверждать, что архиепископ Савва (1174—1235 гг.) широко использовал литературную продукцию русских афинских монастырей XII—XIII вв.⁸⁷ Можно указать на «Сказание о создании и обновлении [храма] Святой Софии в Царьграде», переведенное с греческого языка на русский. «Сказание» вошло во вторую редакцию Еллинского летописца, сложившуюся на Руси во второй половине XIII в. В конце XIII или начале XIV в. она послужила источником неизвестному сербскому книжнику для

⁸⁴ Григорьян К. Н. Из истории русско-армянских культурных связей X—XVII веков. — ТОДРА, М.—Л., 1953, т. IX, с. 329—330.

⁸⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949, с. 408.

⁸⁶ Цонев Б. Врачинско Евангелие. Средне-български паметник от XIII век. София, 1914 (Български старини, кн. IV), с. 2.

⁸⁷ Сперанский М. Н. К истории взаимоотношений русской и югославской литератур. (Русские памятники письменности на юге славянства). — В кн.: Изв. Отдел. русского языка и словесности Росс. Академии наук. Пг., 1923, т. XXVI, с. 176, 194—199.

перевода «сказания» с русского оригинала на сербский язык.⁸⁸

Сербский монах Доментиан, живший на Святой горе, при составлении в 1264 г. житий Симеона Сербского и Саввы Сербского использовал «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона.⁸⁹ На сербскую литературу значительное воздействие оказало приписываемое Илариону «Послание брату столпнику». Большой популярностью в Сербии и на всем славянском юге пользовались сочинения туровского епископа Кирилла. В так называемом «Берлинском сборнике» XIII в. (на болгарском языке) В. Ягич нашел приписываемую Кириллу «Притчу о теле человеческого и душе».⁹⁰ В сербской рукописи конца XIII в. из собрания П. С. Сречковича в Белграде в конце XIX в. М. Соколов обнаружил «Повесть о белоризце человеце» Кирилла Туровского.⁹¹ В болгарскую, сербскую и молдаво-валашскую письменность проникло «Слово о вере варяжской» Феодосия Печерского (ум. в 1074 г.), «Канонические ответы» русского митрополита Иоанна II (на митрополичьем столе с 1080 по 1089 г.), приписываемую Кириллу Туровскому «Притчу о слепце и хромце».⁹²

Кроме того, Древняя Русь возвратила южным славянам некоторые греческие и южнославянские памятники, утраченные на их родине. В конце XIII в. болгары, а за-

⁸⁸ Сперанский М. Н. Югославянские и русские тексты «Сказания о построении храма Софии цареградской». — В кн.: Сборник в честь на Васил Н. Златарски... София, 1925, с. 419—422.

⁸⁹ Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. — В кн.: Славянский сборник, 1947, с. 106; П[етровск]ий М. Иларион, митрополит Киевский и Доментиан, иеромонах Хиландарский. — Изв. Отдел. русского языка и литературы Академии наук, 1908, т. XIII, кн. 4, с. 96—126.

⁹⁰ Jagić V. Opisi i izvodi iz nekoliko Juznoslovinskih rukopisa. — Starine knjega, Zagreb, 1873, V, p. 43, 56—58.

⁹¹ Соколов М. 1) Материалы и заметки по старинной славянской литературе. Вып. 1. М., 1888, с. 14; 2) Некоторые произведения Кирилла Туровского в сербских списках. Древности. — Труды Славянской комиссии Моск. археол. о-ва, М., 1902, т. 3, с. 222—234; Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. СПб., 1894, с. 9.

⁹² Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, с. 238.

тем сербы получили от русских «Пчелу».⁹³ На Балканы вернулись «Кормчая», «Синодик», Историческая палея и другие сочинения.⁹⁴ Палеографические и искусствоведческие наблюдения также говорят о том, что болгарские и сербские книжники XII—XIII вв. имели перед глазами русские рукописные оригиналы.

Тмутороканская епархиальная церковь Бориса и Глеба принимала активное участие в распространении христианства и русского культурного влияния на Северном Кавказе.⁹⁵ Имеются определенные основания утверждать, что у кабардинцев в XI в. наряду с греческой письменностью употреблялся русский алфавит — кириллица. Так, например, на каменном надгробном кресте, найденном на дороге из Черкаска в Георгиевск, уцелела надпись на русском и кабардинском языках XI в. Крест был воздвигнут на северо-восточном рубеже Тмутороканского княжества.⁹⁶

Литературоведы установили интересный факт, что промежуток времени между возникновением того или иного литературного памятника на Руси и появлением его в южнославянских странах был невелик. Это свидетельствует не только об устойчивости книжных связей Руси в домонгольское время, но и об оживленных темпах книжного обмена.

Анализ содержания и языка древних славянских памятников дает возможность выявить некоторые каналы, по которым совершалась миграция русских книг на юго-запад Европы. Кроме греческих религиозных центров, такими связующими звеньями были Галицкая земля, Бол-

⁹³ Сперанский М. Н. 1) Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М., 1904, с. 342—343; 2) История древней русской литературы. Изд. 2-е. М., 1914, с. 375.

⁹⁴ Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960; Адрианова-Перетц В. П. Древнерусские литературные памятники в югославянской письменности. — ТОДРА, М.—Л., 1963, т. XIX, с. 5—27.

⁹⁵ Шепелева Л. С. Культурные связи Грузии с Россией в X—XVII вв. — ТОДРА, М.—Л., 1953, т. IX, с. 298.

⁹⁶ Турчанинов Т. Эпиграфические заметки. IV. Кабардинская приписка на памятнике славяно-русского письма XI в. изпод села Преградного. — Изв. АН СССР, Отд. лит. и языка, 1948, т. VII, вып. 1 (имеются указания на то, что Тмуторокань получала книги из Черниговского княжества); Воронин Н. Н. Древнерусские города. М.—Л., 1945, с. 22—27.

гария и Сербия. Социальной средой, осуществлявшей взаимные контакты, было православное духовенство.⁹⁷

М. Дуйчев, специально занимавшийся изучением топографии мест, в которых совершались контакты между восточными славянами и византийцами, называл Константинополь, Солунь, Афон и Иерусалим. В XI—XII вв. в число этих городов, по его мнению, следует включить Тмуторокань.⁹⁸

Татаро-монгольское нашествие нанесло страшный удар русской культуре. Приняв на себя натиск основных сил конницы хана Батия, Россия, как писал А. С. Пушкин, спасла образующееся просвещение Европы.⁹⁹ Другим результатом вторжения монголов было разрушение традиционных связей как с Византией, так и с Западной Европой. В этих изменившихся условиях культурные и книжные контакты между Русью и Европой надолго обрвались.

Итак, до наших дней дошли только разрозненные отрывки сведений, случайно уцелевшие рукописи, лишь отзвуки былых книжных контактов. Пока можно реконструировать только самую общую схему взаимосвязей, детальное изучение которых будет делом более или менее отдаленного будущего. Однако совершенно ясно, что даже приведенные факты, наблюдения и соображения позволяют говорить о том, что международные книжные связи домонгольской Руси с европейскими государствами, с Византией и странами Ближнего Востока были значительно более глубокими и широкими, чем принято считать в настоящее время.

⁹⁷ Сперанский М. Н. К истории взаимоотношений русской и югославянской литератур, с. 200, 205, 206.

⁹⁸ Дуйчев И. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества, с. 107—129.

⁹⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. VII, Л., 1949, с. 307.

Глава VI

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ

Специалисты в области истории древнерусской литературы и культуры уже давно отметили необычайно быстрый расцвет книжности в Древней Руси. Но, с другой стороны, ряд ученых приходил к прямо противоположным выводам. Е. Е. Голубинский упорно доказывал, что попытки насадить на Руси книжность и просвещение, предпринятые князем Владимиром и его преемниками, успехом не увенчались. Древняя Русь обладала начатками грамотности, а не просвещения — вот по сути дела основной, в корне неверный тезис Е. Е. Голубинского.¹

Подобная точка зрения неоднократно высказывалась задолго до Е. Е. Голубинского. Однако еще в XVIII в. она встретила решительный отпор со стороны других, не менее авторитетных специалистов. Так, В. Н. Татищев глубоко верил в высокую образованность, просвещенность русских людей XI—XIII вв.² Причины разногласий коренились в глубоких, принципиальных расхождениях авторов по основным вопросам истории нашей Родины, они обусловлены их исходными общен историческими позициями.

До 1951 г., когда впервые были обнаружены берестяные грамоты, основными источниками знаний о распространении книжности и просвещения в Древней Руси были литературные произведения и другие памятники письменности. Как правило, они исходили из феодальных кругов или были созданы по заказу лиц, власть имущих. Совершенно естественно, что в литературе и искусстве XI—XIII вв.

¹ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1, полутом 1. М., 1901, с. 105—256.

² Татищев В. Н. История Российская. Кн. 1, М., 1773; кн. 2, 1774. О книжности говорится под 1037, 1086, 1188, 1218, 1227 гг.; об училищах — под 1093, 1097, 1180, 1214, 1218 гг.

получили отражение интересы, чаяния и цели лиц, высоко стоявших на лестнице социально-общественных отношений. В центре внимания древнерусских писателей были князья, бояре, представители духовенства. Хорошо отражая высокую культуру социальных верхов, дошедшие до нас памятники письменности мало что давали для разрешения вопроса о широте распространения грамотности и книжности на Руси в XI—XIII вв.

В связи с тем что в работах советских археологов, филологов, искусствоведов, вышедших в последние десятилетия, был достаточно убедительно доказан высокий уровень культуры Руси XI—XIII вв., острие полемики сместилось в сторону решения вопроса о широте распространения грамотности и просвещения в домонгольское время. Позиция скептиков часто объясняется традиционностью мышления, нежеланием расстаться с привычными представлениями об относительно низком уровне просвещения Киевской Руси. Яркое сияние отдельных очагов цивилизации заслоняло, по мнению скептиков, общий фон, который выглядел весьма тускло. В доказательство своих сомнений они обычно приводят известное высказывание новгородского архиепископа Геннадия о малограмотности новгородских священников.³

Как уже отмечалось, находки берестяных грамот сначала в Новгороде, а потом и в других городах — Смоленске, Пскове, Витебске, Старой Руссе — подорвали позиции скептиков.⁴ Каждый раскопчный сезон приносит новые

³ Новгородский архиепископ Геннадий в конце XV в. в послании митрополиту Симону писал: «...се приведут ко мне мужика и аз вело ему Псалтирь дати, — а он по тому едва бредет...» (АИ, т. I, СПб., 1841, № 104, с. 147). Авторитет Геннадия никак не может подкрепить высказываемое мнение о массовой неграмотности духовенства в Московской Руси. Необходимо учитывать специфическую практику выборности духовенства в древнем Новгороде. Органы местного городского самоуправления, строившие на свои деньги уличанские церкви, сами выбирали лиц, предназначавшихся для выполнения функций церковнослужителей. Естественно, что среди кандидатов могли встречаться лица малограмотные или совсем неграмотные. Письмо Геннадия говорит только о том, что какое-то число новгородских обывателей в конце XV в. были малограмотны и не выдерживали экзаменов, которым подвергал их перед поставлением в священники Геннадий. Это давало основание новгородскому епископу бить челом «...государю, Великому князю, чтобы велел училища учинити».

⁴ Берестяные грамоты с № 1 по № 405, обнаруженные в раскопчных сезонах 1951—1961 гг., опубликованы полностью. Гра-

находки. Писала обнаружены более чем в 40 городах. Начали меняться все привычные представления о широте распространения грамотности в Древней Руси.

Говоря об огромном историко-культурном значении публикуемого материала, А. В. Арциховский обращает внимание на новые встающие в связи с этим задачи. Он подчеркивает, что грамотность могла достичь значительного развития только в условиях такого большого торгово-ремесленного города, каким был Новгород. Естественно, пишет А. В. Арциховский, возникает вопрос, каков же мог быть процент грамотных людей в Великом Новгороде и какой в Киевской Руси? Изменился ли этот процент в Московской Руси? Как соотносился процент грамотных людей в Новгороде и западноевропейских городах?

В отношении сравнения с Западом, утверждает А. В. Арциховский, какие-то определенные выводы делать пока еще рано. Ни для Западной Европы в раннее средневековье, ни для Руси XI—XIII вв. нет устойчивых статистических данных. Языком средневековой науки была латынь. В романских странах она была более понятна народу, чем в странах германского мира. В связи с этим число грамотных людей в странах романского языка, к тому же имевших более глубокие культурные традиции, было значительно выше, чем в германских странах. Церковнославянский язык древнерусской книжности был понятен народу. Это существенное обстоятельство значительно способствовало распространению грамотности среди населения сел и городов. Здесь уместно напомнить содержание грамоты № 271, хотя она и датируется XIV веком. Некто Яков пишет куму и другу своему Максиму, сыну посадника Юрия Онфицировича. После просьбы о покупке овса Яков добавляет: «...да пришли мне чтения доброго».⁵ Это первое документальное подтверждение интереса к чтению жителей городского посада в столь раннее время.

моты, найденные при раскопках последующих лет, опубликованы выборочно. Берестяным грамотам посвящена обширная литература, из последних работ см.: Янин В. Л. Я послал тебе бересту... Изд. 2-е. М., 1975.

⁵ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963, с. 97.

Вопрос о процентном выражении распространения грамотности среди населения Древней Руси, поднятый А. В. Арциховским, имеет несомненно большой интерес. Прежде всего необходимо уточнить, кого следует считать грамотным. Дореволюционное земство грамотным называло того, кто умел читать, знал четыре действия арифметики и мог написать несколько примитивных фраз. По-видимому, такое определение исходило из программы церковноприходской двухклассной школы. Этот принцип был положен в основу переписи 1897 г. Первые советские переписи относили к грамотным всякого умеющего читать и понимать написанное. В настоящее время в соответствии с резолюциями ООН грамотным считают того, кто умеет читать и понимать прочитанное и, кроме того, может написать простое, краткое изложение своей повседневной жизни. Этот стандарт принят в СССР и был применен на практике при переписи 1959 г.

Какого-либо общепринятого определения, кого считать грамотным на Руси XI—XIII вв., в литературе пока нет. Так, А. И. Соболевский, как мы увидим дальше, в число грамотных людей Московской Руси включал тех, кто мог писать или хотя бы подписываться. С точки зрения архиепископа Новгородского Геннадия, грамотным в конце XV в. следовало считать того, кто мог прочитать текст Псалтири и Апостола. Для человека XX в. подход к определению понятия «грамотный» и А. И. Соболевского, и Геннадия непонятен, ибо в настоящее время обучение чтению и письму составляет единый процесс, чего не было в период средневековья. Не всякий в XV в., поставивший свою подпись под документом, мог читать Псалтирь и Апостол. В нашей монографии под грамотными в Древней Руси подразумеваются как те, кто умел писать, так и те, кто умел только читать.

Следует разобратся и в другой проблеме: как определять процент грамотности и допустимо ли сопоставлять показатели грамотности весьма далеких эпох? По-видимому, делать такие сравнения можно и даже, вероятно, нужно, ибо в этом случае появляется возможность наглядно показать развитие явления, определить количественные характеристики процесса. Сопоставление данных различных эпох может обрисовать объективную картину лишь тогда, когда удастся хотя бы основные характеристики свести, как говорят математики, в единую систему координат.

Статистика дореволюционной России оперировала понятием «показатель начального образования», который выражался отношением числа учащихся в начальных школах ко всему населению страны. Это понятие может быть выражено и по-другому: на сколько душ населения приходился один учащийся, или сколько учащихся приходилось на тысячу жителей. Во всех случаях важно одно — число учащихся сравнивается со всем населением независимо от возраста.

Ознакомление с итогами последних переписей, с инструкциями для лиц, производивших опрос населения, и другими материалами по учету грамотности в СССР⁶ привело нас к убеждению, что в вопросах методики обработки материалов в настоящее время единообразия нет. Согласно инструкциям переписи 1959 г., при опросе детей до 10 лет в графе «грамотен» ставили прочерк. Более ранние переписи считали детей грамотными начиная с 9 лет. Во многих статистических работах грамотность учитывается только для круга лиц от 9 до 49 лет. Показатель уровня высшего образования берется из расчета на 1000 душ населения, вне зависимости от возраста.⁷

По-видимому, если нельзя добиться сопоставления однородных по исходным данным показателей, то следует точно объяснить, какие определения имеются в виду.

Вопрос об уровне грамотности населения Московской Руси уже поднимался в русской исторической науке. Еще в конце XIX в. ответить на него пытался А. И. Соболевский. Он отмечал, что наличие в архивах, библиотеках и других древлехранилищах огромного материала самого различного содержания, сохранившегося от московского периода нашей истории, находится в решительном противоречии с общепринятыми представлениями о крайне низком уровне грамотности во всех слоях русского общества XV—XVII в. Сохранившиеся рукописи были созданы на всей территории огромной страны, и в их создании принимали участие тысячи подьячих, писателей и просто грамотных людей.⁸

⁶ Богданов А. Н. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. М., 1964, с. 4; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. (Сводный том). М., 1962, табл. 20—23, 35, 35а.

⁷ Там же, табл. 20, 35а, 37а.

⁸ Соболевский А. И. Образованность Московской Руси XV—XVII вв. Изд. 2. СПб., 1894, с. 3—4.

Процент грамотности населения А. И. Соболевский определял на основе анализа юридических памятников XV—XVII вв., из текста которых можно установить: а) число лиц, от имени которых документы были составлены, б) число лиц, подписавших эти документы. Отношение этих величин, по мнению А. И. Соболевского, может дать процент грамотности в разных социальных слоях. Правда, сам А. И. Соболевский понимал, что вовсе не обязательно считать неграмотными всех тех, кто должен был подписать документ, но лично его не подписал. Отсутствие подписи можно объяснить иными причинами. Кто-то мог быть болен, мог временно отбыть из места, где составлялся документ, и т. д.

Просмотрев большое количество грамот, исследователь пришел к следующим выводам: 1) белое духовенство было поголовно грамотным; 2) среди черного духовенства неграмотные встречались, но в небольшом количестве; процент грамотных был больше 70; 3) высшее боярство Севера было грамотным не менее чем на 80%; 4) грамотных среди помещиков северных районов страны было больше 65%; 5) среди новгородских помещиков в конце XVI—начале XVII в. грамотных было около 55%; 6) среди псковских помещиков — более 65%; 7) судя по грамоте об избрании на царство Бориса Годунова 1598 г., среди придворных чинов грамотных было больше 78%.

В итоге А. И. Соболевский полагает, что более 50% крупных и мелких землевладельцев Московской Руси в XVI и XVII вв. независимо от их местожительства были грамотны.

Ряд грамот, подписанных купцами в конце XVI—XVII вв., говорит о том, что купечество в подавляющем большинстве было грамотным. Челобитная московских торговых людей 1646 г. подписана 163 из 168 человек (96%). О высоком проценте грамотных среди торговых людей говорят памятники литературы Московской Руси. Так, Домострой считал грамотным всякого торгового человека XVI в. Среди посадских людей грамотных было не менее 20%. Грамотные крестьяне в XV—XVII вв. вовсе не были исключительным явлением; вероятно, их процент не опускался ниже 15. Слабее грамотность была распространена в среде служилых людей — стрельцов, пушкарей, казаков и др., но и в этой группе населения часто встречались грамотные люди. Просто грамотность сама по

себе не считалась современниками исключительным явлением. Более того, «грамотные гораздо» писцы, но писавшие «без украшений», простым слогом, могли называться «невеждами».⁹ Учитывая, что крестьянство составляло подавляющее большинство населения страны, а в других социальных слоях процент грамотных был довольно высок, общий процент грамотных, на основе данных А. И. Соболевского, был не ниже 17—20%.

Такой процент для периода позднего средневековья представляется чрезвычайно высоким. По всей видимости, из правильных предпосылок А. И. Соболевский сделал не совсем точный вывод. Следуя логике его рассуждений, никак нельзя прийти к выводу о том, что установленный процент грамотных отражал реальную картину состояния грамотности определенных кругов населения. А. И. Соболевский установил степень распространения грамотности только среди дееспособного мужского населения тех или иных прослоек русского общества XV—XVII вв. Он не учитывал женщин, считая, по-видимому, что участие их в общественной, экономической и политической жизни страны в ту эпоху было незначительно. Между тем женщины составляли не менее 50% всего населения. Так же следует сделать поправку на детей мужского пола до 7 лет, ибо обучение грамоте начиналось с этого возраста.

С этими коррективами можно процент грамотности, предложенный А. И. Соболевским, уменьшить вдвое, т. е. принять равным 8—10%. Однако и этот процент, по-видимому, очень высок. Наиболее спорным является утверждение А. И. Соболевского о том, что процент грамотных среди крестьян должен был достигать до 15%. Если отбросить женщин и детей, то, согласно Соболевскому, получится, что значительная часть взрослого мужского крестьянского населения страны в XV—XVII вв. была грамотна. Кроме того, необходимо учитывать, что крепостные крестьяне и холопы вообще не имели права подписывать юридические документы.

В течение 20 лет ежегодно автор этих строк принимал участие в экспедициях по сбору памятников культуры допетровской Руси, организуемых Государственным Эрмитажем. Накопленный материал позволяет утверждать, что примерно с XVII в. начинают проследиваться все более

⁹ Там же, с. 5—14.

и более углубляющиеся различия в культурном уровне крестьян северных и других районов страны. Остатки древних книжных собраний, сложившихся в крестьянских семьях, встречаются исключительно в районах севера. Хорошо известно, что русский былинный эпос сохранился только в бывшей Олонецкой губернии, в Карелии, на берегах Белого моря. Черта, разделяющая культурные регионы, проходила по северной границе зернового земледелия, или, с социальной точки зрения, по зоне распространения крепостного права. Но если в XVII в. крестьяне северных районов, не знавшие крепостного права, были в культурном отношении выше крестьян центральных и южных районов, то в XIX в. Север, оказавшийся за пределами основных экономически развитых районов, превратился в резерват искусства прошлых веков. Кроме того, по отношению к численности населения всей страны население Русского Севера составляло незначительную его часть. Всего этого не учел А. И. Соболевский.

Попытка определить грамотность населения Древней Руси является чрезвычайно заманчивой, но еще, по-видимому, не вполне реальной задачей. В любых подобных реконструкциях всегда слишком много субъективности, что в конечном итоге может обесценить предложенную схему. Попытаемся подойти к этой задаче более осторожно или хотя бы наметить пути решения.

Совершенно новый и достоверный материал для решения поставленной задачи дают новгородские берестяные грамоты, а также грамоты, происходящие из других русских городов. Как известно, 405 грамот, обнаруженных в 1951—1961 гг., опубликованы полностью и могут быть подвергнуты статистической обработке.¹⁰

Из 405 грамот XI—XV вв. к XI—XIII столетиям, согласно датировке А. В. Арциховского, можно отнести 175. Из них к XI в. — 35, к XII — 69 и к XIII — 71. В подавляющем большинстве содержание грамот отражает повседневные заботы и тревоги, волновавшие древних новгородцев. Основная масса грамот была обнаружена в Неревском конце Новгорода.

Кроме того, при раскопках было обнаружено 70 писал. Самыми древними являются грамоты 246 и 247, датиро-

¹⁰ Арциховский А. В. Берестяные грамоты №№ 497 и 500. — СА, 1974, № 1, 204—207.

вать которые можно от 1025 до 1096 гг.; две грамоты (№ 123 и 181) были встречены в 23-м строительном ярусе и датируются достаточно точно — 1055—1076 гг. В 1954 г. в слое 24-го яруса (1025—1055 гг.) в Неревском раскопе найдена незаконченная резчиком дощечка для писания по воску.¹¹ В слоях первой половины XI в. обнаружены три костяные писала: одно было встречено в слоях 27-го яруса — 972—989 гг., другое лежало на материке в слоях 28-го яруса, который датируется 958—972 гг.

Большой знаток культуры древнего Новгорода В. Л. Янин на основании тщательного изучения берестяных грамот пришел к выводу о широком распространении грамотности как в самом Новгороде, так и в Новгородской земле. Он пишет: «В средневековом Новгороде ... жило много грамотных людей и семей, для которых чтение и письмо стали таким же естественным делом, как еда, сон, работа топором, косьба или печение хлеба. Уже само количество найденных грамот поразительно и способно навсегда зачеркнуть миф об исключительной редкости грамотных людей в Древней Руси. Однако еще более внушительное впечатление производит состав авторов и адресатов берестяных грамот».

Кем и кому они написаны? Феодалы пишут своим управляющим, ключникам. Ключники пишут своим господам. Крестьяне пишут своим сеньорам, а сеньоры своим крестьянам. Ростовщики переписывают своих должников. Ремесленники переписываются с заказчиками. Мужья обращаются к женам, жены к мужьям. Родители пишут детям, дети родителям. По-видимому, подобно современной авторучке, писала постоянно находились в кармане у своих хозяев. В. Л. Янин утверждает, что именно острыми концами металлических писал были процарапаны граффити, покрывавшие оштукатуренные стены древнерусских храмов.¹² Преобладают юридические документы: фиксация покупок и продаж, раздел имущества, записи ссуд, долгов, перечни крестьянских повинностей, записи недоимок, распоряжения по феодальному хозяйству и т. д. Во многих случаях можно определить социальную принадлежность авторов и адресатов. Это ростовщики, феодалы-землевладельцы, купцы, управляющие имениями, посадники. Три

¹¹ Янин В. Л. Я послал тебе бересту..., с. 56.

¹² Там же, с. 43—60, 186.

грамоты — 1.7% (№ 169—XI в., № 225—XII в., № 69—XIII в.) исходили из дружинной среды.

А. В. Арциховский сделал весьма интересный вывод о том, что количество грамот, связанных с духовенством, крайне мало. Первая грамота, адресатом которой был поп (№ 173—XIV в.), была обнаружена во время раскопок 1955 г. В связи с публикацией этой грамоты А. В. Арциховский писал, что сам факт, что из 173 грамот только одна связана с кругами духовенства, отвергает домыслы некоторых ученых, утверждающих, будто бы грамотными в Древней Руси были только попы.¹³

В границах XI—XIII вв. грамот, в той или иной степени связанных с духовенством, можно насчитать 7 (№ 87, 212, 220, 231, 293, 323 и 331) — 4%. Из них написанных священниками только 2: № 87 (XII в.) — «попом Дрочкою» и № 293 (XIII в.) — «от попа к Завиду». Это только 1.14% от всех грамот XI—XIII вв., обнаруженных в Новгороде до 1961 г. Две грамоты хотя и содержат религиозный текст, но не могут быть утвердительно отнесены к написанным церковниками. Это грамота № 323 (XIII в.) — скорее этикетка, обозначавшая принадлежность какого-то предмета монахине Марии, и № 331 (XIII в.), содержащая отрывок религиозного текста.

Обыденность, скорее даже некая незначительность содержания многих грамот говорит о том, что в феодальных и посадских кругах (купечество, ростовщики, просто горожане) в XI—XIII вв. грамотность была далеко не исключительным явлением. Шесть грамот — № 53 (XIII в.), № 227 (XIII в.), № 357 (XIII в.), № 377 (XIII в.), № 384 (XII в.), № 395 (XIII в.) (4.6%) — были написаны или адресованы женщинам, причем это были женщины не только из обеспеченных посадских или феодальных кругов. Примечательно содержание грамоты № 377. Некто Микола в письменной форме сообщает Ульянице, что хочет взять ее в жены, что он любит ее, а она его.

Анализ грамот по их социальной принадлежности приводит к заключению, что до конца XIV в. грамотность в крестьянской среде была крайне незначительна.¹⁴

¹³ Арциховский А. В., Борковский В. М. Новгородские грамоты на бересте. (Грамоты №№ 137—194 из раскопок 1955 г.). М., 1958, с. 58.

¹⁴ Специально занимавшийся проблемой образованности в Древней Руси В. Н. Перетц утверждал, что грамотность народа в XI—

От XIV в. сохранились грамоты, написанные крестьянами своим феодалам. До 1961 г. такие грамоты не были обнаружены в слоях XI—XIII вв. Однако можно думать, что уже в середине XII в. грамоты были обычным элементом жизни древнерусских горожан.¹⁵

Пока еще рискованно делать определенные выводы о распространении грамотности в тех или иных социальных слоях населения древнего Новгорода на основании соотношения числа обнаруженных грамот. Для более или менее аргументированных выводов этого еще недостаточно. Однако некоторые предварительные соображения сделать все же уже можно. Трудно допустить, что в нахождении грамот существует какая-то закономерность. Скорее наоборот, в данном случае господствует чистая случайность. Грамоты на бересте не имели государственного значения и не хранились в специальных архивах. По мере прочтения они теряли свою актуальность, после чего их рвали и выбрасывали представители всех социальных слоев — боярство, духовенство, дружинники, горожане, купцы, ремесленники, ростовщики. Поэтому, по всей видимости, социальная стратиграфия грамот в какой-то мере соответствует степени распространения грамотности в различных группах населения древнего Новгорода.

На основании изучения берестяных грамот XI—XIII вв. из раскопок 1951—1961 гг. можно сделать следующие предварительные выводы:

1) в XI—XIII вв. грамотность была вовсе не исключительным явлением в феодальных кругах Новгорода; даже в среде дружинников встречались грамотные люди;

2) грамотность получила достаточно широкое распространение среди представителей верхов городского посада — купцов, ростовщиков, ремесленников;

3) грамотными были управляющие феодальными вотчинами, представители местной администрации — посадники, сотские и др., рядовые новгородцы, некоторые женщины, иногда даже простые горожанки;

XIII вв. была не выше, чем до реформы 1861 г., когда грамотных на селе были единицы. (Перетц В. Н. Образованность древней Руси. — В кн.: Книга для чтения по русской истории. Ч. 1. М., 1904, с. 537).

¹⁵ Шапов Я. Н. Кирик новгородец о берестяных грамотах. — СА, 1963, № 2, с. 251—253.

4) крестьянское население в подавляющей массе было, видимо, неграмотно.

Кроме берестяных грамот, имеются другие многочисленные доказательства широкого распространения грамотности среди городского населения Древней Руси вообще и Великого Новгорода в частности. Руками мастеровых-горожан были выполнены надписи, встречающиеся на самых различных предметах как культового, так и бытового назначения. Делались эти надписи в различной технике и на разнообразном материале. Их можно обнаружить на антиминсах, крестах, предметах, выполненных в технике «золотого письма», эмеевиках, иконах, панагиях, мечях, поручах, амфорах, голосниках, шлемах, потирах, чашах, дисках, крестах, печатях, монетах, бочках, корчагах, межевых камнях, срубках, чарах, братинах, пряслицах и т. д. и т. п. Почти все сохранившиеся фрески XI—XIII вв. покрыты надписями — граффити. Надо думать, что не только феодалы царапали на стенах храмов во время богослужения сакраментальную фразу: «Помози боже рабу...».

По всей видимости, большинство надписей рано или поздно опубликуется. Но многообразие предметов, случайность и разновременность находок приводит к тому, что рассеянные по многочисленным и разнохарактерным изданиям публикации не воспринимаются как единое целое и не воссоздают общую картину широкого бытования письменности и грамотности в Древней Руси.¹⁶

Некоторые сведения о распространении грамотности в Древней Руси дают скудные известия о школьном деле в XI в.

Сохранилась запись Софийской и Никоновской летописей под 1030 г. об основании в Новгороде по распоряжению великого князя школы, где обучалось 300 детей. Лаврентьевская летопись под 988 г. сообщает о такой же школе, открытой в Киеве. Агиографические памятники позволяют думать, что аналогичные школы были организованы почти во всех, даже не очень крупных городах Древней Руси. Школы функционировали при епископских кафедрах, приходских церквях, соборных храмах. Счастливая

¹⁶ Подольская Н. В. Надписи на предметах и зданиях — лингвистический источник. (По материалам XI—XIV веков). — В кн.: Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966, с. 25—43. Приведена библиография публикаций надписей.

случайность донесла до наших дней подробности процесса обучения в домонгольское время. 13 и 14 июля 1956 г. во время раскопок в Новгороде было обнаружено 17 грамот мальчика Онфима с его школьными упражнениями. Первая в серии грамота (№ 199) была украшена его «автопортретом». Грамоты датируются периодом между 1224 и 1238 гг.¹⁷

Можно ли на основании этих и других аналогичных или косвенных данных составить ясное представление об уровне грамотности в древнем Новгороде и всей Руси? Чтобы ответить на этот чрезвычайно важный вопрос, нужно было бы разделить древнерусское общество на некоторое количество социальных слоев и прослоек, внутри которых грамотность стояла на каком-то одном уровне. Затем следовало бы определить этот уровень, установить абсолютную численность каждой социальной группы, после чего рассчитать средний процент грамотности по всей стране и по Новгороду. Однако этот путь в настоящее время неосуществим, так как он потребует слишком много произвольных допущений, которые в конечном итоге обесценят окончательный вывод.

В качестве рабочей гипотезы предложим другой путь, менее всеобъемлющий, но на современном этапе более достоверный.

Итак, попытаемся ответить на вопрос, поставленный А. В. Арциховским: каков был процент грамотности в Новгороде в домонгольское время? Будем исходить из вполне реальной предпосылки, что подавляющая масса черного и белого духовенства в домонгольское время была грамотна. С XI до середины XIII столетия в Новгороде зафиксированы постройки 85 церквей и 28 монастырей. Естественно, что в каждый определенный момент в XII и первой половине XIII в. все они одновременно функционировать не могли. Некоторые из них сгорели, разрушились, пришли в упадок. Но, как уже отмечалось, далеко не все возведенные храмы были зафиксированы пером летописца. Сведения о крупных пожарах говорят о том, что в конце XII—начале XIII в. в Новгороде одновременно действовало примерно 50 церквей и 20 монастырей.

Клир городской церкви мы определили в 5 человек, число монашествующих в одной обители — в 30—50. Кроме того, в городе находились священники, служившие

¹⁷ Янин В. Л. Я послал тебе бересту..., с. 40—57.

в церквах и молельнях на дворах феодалов. Определенный штат духовных лиц состоял при дворе новгородского владыки. По-видимому, общее число черного и белого духовенства доходило до 1000 человек. При населении города в 20—30 тыс. это составляло около 3—5%. Такая прослойка духовенства типична для городов средневековой Европы. Так, в XIV в. в Страсбурге, где проживало 20 тыс., было около 1000 монахов и белого духовенства (5%), в Нюрнберге в 1449 г. монахи и священники составляли 2.5% населения, в XV в. во Франкфурте-на-Майне духовенство составляло около 5% населения города.¹⁸

Главным, постоянно действующим органом власти Новгородской боярской республики был «Совет господ», о котором часто упоминают документы XIII—XIV вв. В 1433 г. архиепископ Ефимий для заседаний сената Великого Новгорода выстроил специальное помещение — Грановитую палату. В момент строительства в составе этого органа насчитывалось: 24 посадника, 6 тысяцких, 1 архиепископ, 5 игуменов монастырей, 2 купеческих старосты, 10 исполнителей других важных должностей.

Конечно, не эти 48 высокопоставленных лиц занимались канцелярским делопроизводством города, являвшегося столицей одного из крупнейших по территории полугосударства Европы. Новгород был средоточием большого числа феодальной знати. Она занимала места в выборных и иных органах власти, командовала войсками, отправлялась с посольствами за границу, руководила хозяйством в своих вотчинах. В ряде документов XIV в. упоминалось 300 «золотых поясов». О том, кого так называли, долго и много спорили. В одном из вариантов объяснения В. О. Ключевский предлагал считать ими старших членов знатных фамилий Новгорода, имевших в городе крупные усадьбы.¹⁹ В том, что они наряду с другими членами знатных боярских семей были грамотными, сомневаться, видимо, не следует, как и в том, что в среде новгородского ремесленного и торгового люда тоже были грамотные.

Итак, учитывая все вышеизложенное, можно довольно аргументированно определить нижнюю границу прослойки

¹⁸ Авербух М. С. Законы народонаселения докапиталистических формаций. М., 1967, с. 126.

¹⁹ О застройке древнего Новгорода см.: Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. М., 1967.

грамотных людей в Новгороде XII—начала XIII в.: не менее 5% от всего населения или не менее 10% от населения взрослого. Верхнюю границу пока установить затруднительно.

Такой же процент грамотных людей должен был существовать и в других наиболее крупных городах Древней Руси. И если историки еще в ряде случаев мало знают о культурном расцвете русских городов средневековья, то объясняется такое положение исключительно бедностью источников информации. Взять, например, Смоленск, о древнейшем прошлом которого известно не так уж много. Между тем Смоленск в первой половине XIII в., видимо, мало уступал по населению Великому Новгороду (см.: Троицкая летопись, под 1230 г.).

В таком же плане можно попытаться ответить и на второй вопрос, поставленный А. В. Арциховским: о прослойке грамотных людей на Руси в домонгольское время. Количество сельских, городских храмов и молелен на дворах феодалов, функционировавших в XI—XIII вв., было определено в 10 тыс., а количество монастырей — в 300. В предмонгольское время, когда церковь достигла максимальных успехов, число одновременно действовавших церквей и монастырей, по-видимому, приближалось к указанным цифрам. Клир городских приходских церквей в среднем был определен в 5 человек, сельских — в 3 человека и в молельнях — по одному. В одной обители (в среднем) было около 30—50 монахов. При таких исходных величинах общая численность черного и белого духовенства в начале XIII в. могла достигать 50 тыс.

Если считать грамотными только одних представителей черного и белого духовенства, то и тогда на Руси в первой половине XIII в. прослойка грамотных людей составит примерно 1% по отношению ко всему населению и 2% по отношению к населению взрослому. Эта цифра близка к европейским «стандартам». К. Маркс писал, что в Англии, где духовенства всегда было немного, в XIV в. насчитывалось на 3 млн. жителей лиц духовного звания около 20—30 тыс.²⁰ Это составляло около 1% от всего населения, или около 2% от взрослого населения страны. Однако приведенные выше соображения и факты говорят о том, что грамотных в предмонгольское время было зна-

²⁰ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII. М., 1946, с. 375.

чительно больше. Насколько больше, пока сказать трудно, скорее даже невозможно. Для раннего средневековья это был, видимо, достаточно высокий уровень грамотности, так как он обеспечивал ту базу, на которой выросла высокая книжная культура домонгольской Руси.

Первые твердые данные о распространении грамотности в России восходят ко второй половине XVIII в. Эти данные интересны еще и потому, что 80-е годы XVIII в. были периодом высшего расцвета крепостного права. По официальным данным, в 1783 г. на 800 душ в России обучался только 1 человек.

Исходя из «показателя начального образования», трудно определить процент грамотности населения России во второй половине XVIII в. Средняя продолжительность жизни для этого периода оценивается в 30—32 года. Если на 800 душ обучался только 1 человек, то при средней продолжительности жизни в 30—32 года прослойка грамотных людей от всего населения страны составит 4%.

Если рассматривать русскую культуру XI в. во всем ее объеме, и особенно духовную культуру, то невольно возникает чувство глубокого удивления и восхищения перед темпами и широтой ее распространения. За каких-нибудь 50—70 лет после крещения Руси страна смогла выдвинуть целую плеяду блестящих писателей, философов. Вспомним хотя бы прекрасно образованного, обладавшего гибким, логическим мышлением митрополита Илариона. Изысканное по форме и чрезвычайно четкое по содержанию «Слово о законе и благодати» он адресовал людям, которые уже в середине XI в. «...насытились в избытке учения книжного».²¹ Рядом с ним следует назвать «золотословного витию» Кирилла Туровского, философа Климента Смолятича, проповедника Феодосия Печерского, ученого историографа Нестора и многих других. При помощи своей письменности Русь в исторически короткий срок смогла получить из Византии и других стран огромную сумму информации по самым различным областям знаний раннего средневековья — богословию, философию, искусству, истории, литературе, юриспруденции, географии, астрономии, зоологии и т. д. и т. п. При этом необходимо вполне четко и ясно представлять, что развитие этих

²¹ Иларион, митрополит. Слово о законе и благодати. — ЧОИДР, М., 1848, кн. 7, раздел II, с. 31.

сторон духовной культуры практически начиналось почти от нулевой точки.

Качественный скачок в развитии цивилизации мог произойти только тогда, когда общество получило в распоряжение достаточное количество средств хранения и передачи информации во времени и пространстве. Таким средством была древнерусская книга. Однако книга — не только средоточие и фиксация накопленных знаний, она является важнейшей составной частью самого процесса цивилизации.

Если охарактеризовать процесс распространения книг в XI в. языком математики, то придется говорить о бесконечно большой величине прироста, так как в начале отсчета (до 988 г.) книг практически не было. Совершенно естественно, что в условиях раннефеодального общества сам по себе, стихийно такой взрыв произойти не мог. Организаторами его не были ученые монахи, часто оторванные от жизни, копившие знания под защитой толстых монастырских стен. Открытый характер культуры той эпохи исключал такую возможность. Он не мог быть результатом личной инициативы тех или иных удельных или великих князей. Для его осуществления нужна была единая общегосударственная линия в вопросах долгосрочного развития культуры, и прежде всего книжности.

В поисках истоков русской грамотности и книжности XI в. многие исследователи обращаются к изучению предыстории русского письма. Большой интерес в этом плане представляют пиктографические знаки типа «черт» и «резов», начало применения которых на территории Восточной Европы относится ко II—IV вв. нашей эры. С VII—VIII вв., т. е. с момента, когда у восточных славян стали складываться первые раннефеодальные образования, прослеживается использование нашими предками греческого буквенно-звукового письма и формирование на его основе протокириллицы. После работы Е. Георгиева существование у славян протокирилловского письма представляется несомненным.²² В то же время значительного развития достигают культурно-политические и торговые связи с Византией и обнаруживаются первые признаки проникновения на Русь христианства.

²² Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952.

В последние годы массовая пресса и специальная литература уделяли много внимания работам в этом направлении Н. В. Энгватова, Н. А. Константинова, И. А. Фигуровского, Е. Э. Гранстрем, В. Н. Даниленко, румынского профессора Богадана, акад. Б. А. Рыбакова и других исследователей.²³ Все они предлагали свои варианты расшифровки знаков и прочтения корпуса надписей.

На данном этапе изучения еще рано говорить о какой-то убедительной дешифровке.²⁴ Однако уже теперь стало совершенно очевидно, что как древнеславянские «черты» и «резы», так и «неупорядоченное» письмо, предшествовавшее алфавиту Кирилла, хотя были слишком примитивны и имели ограниченный круг распространения, все же создали благоприятную почву для успехов русской книжности в XI—XII вв.

В 1930 г. вышла интересная работа Н. К. Никольского, в которой была подвергнута пересмотру концепция А. А. Шахматова о варяго-византийском начале нашей истории.²⁵ По мнению Никольского, А. А. Шахматов не уловил того очевидного факта, что «Повесть временных лет» подвергалась не только редактированию, но радикальной идеологической переработке. Н. К. Никольский утверждал, что в «Повести временных лет» еще заметны следы древних культурных связей поляно-Руси с западными и придунайскими славянами, которых так и не сумели вытравить провизантийски настроенные редакторы.

²³ Гранстрем Е. Э. К вопросу о происхождении глаголической азбуки. — ТОДРЛ, М.—Л., 1955, т. XI, с. 300—313; Константинов Н. А. 1) История русской азбуки. — Знание — сила, 1953, № 1, с. 1—6; 2) О начале русской письменности. — Нева, 1957, № 7, с. 173—182; Львов А. С. К вопросу о происхождении русского письма. — Русский язык в школе, 1951, № 6, с. 17—24; Рыбаков Б. А. Календарь IV века из земли полян. — СА, 1962, № 4, с. 66—89; Тихомиров М. Н. Городская письменность в Древней Руси. XI—XIII вв. — ТОДРЛ, М.—Л., 1953, т. IX, с. 51; Фигуровский И. А. Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных загадочными знаками. — Учен. зап. Казанского пед. ин-та, 1957, вып. II; Энгватов Н. В. Древнейшая русская азбука. — Знание — сила, 1960, № 11, с. 5—7.

²⁴ Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. М., 1963, с. 174—179.

²⁵ Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Вып. 1. — Сборник по русскому языку и словесности, т. II, вып. 1, Л., 1930.

В конце первого тысячелетия, после смерти Адельбарта Войтеха в 996 г., западное славянство заменило славянскую грамоту латинской. В 1054 г. произошел идеологический разрыв между Византией и Римом, который привел к радикальному перелому в русской историографии. Старые культурные связи с западным миром были затухающими, а новые, византийские, поставлены на первое место.

Точка зрения Н. К. Никольского явилась развитием мыслей, высказанных В. И. Ламанским в 1915 г.: «На основании дошедших до нас памятников русской христианской культуры XI в. надо предполагать целый век предыдущего развития. Так, за одно или два поколения писцов и книжников не могли сложиться такой русско-славянский или славяно-русский язык, стиль, правописание, какое мы видим, например, в Служебных Минеях или у первых наших писателей». Вполне прав был В. И. Ламанский, когда писал: «Необъяснимо и непонятно, как из 5—7-летних ребят, крещенных по приказу княжескому в 990-х годах, мог через 30—40 лет явиться на Руси целый ряд известных и неизвестных деятелей христианской культуры, письменности и литературы; переписчики древнеславянских рукописей, как Упырь Лихой, переписавший для князя Владимира Ярославича в Новгороде книги Пророков с толкованием в 1047 г., или дьякон Григорий, писец Остромирова евангелия 1057 г. Кто решится утверждать, что таких писцов в половине XI в. было очень и очень мало?»²⁶

Отрывочные письменные и вещественные доказательства заставляют серьезно отнестись к точке зрения, высказанной Н. К. Никольским. В настоящее время можно считать установленным, что еще до официального утверждения христианства в 988 г. на Руси имелась небольшая прослойка населения, исповедовавшая христианство. Как известно, христианкой была княгиня Ольга, мать Святослава, были христиане из варягов и из числа княжеских дружинников. Для обслуживания их религиозных потребностей в Киеве должны были находиться священники и какое-то количество книг религиозного содержания и дру-

²⁶ Ламанский В. И. Славянское Житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Пг., 1915, с. 166.

гих христианских символов.²⁷ Эти книги могли быть на греческом или славянских языках. Крещение Руси и последовавшее за ним открытие большого числа церквей по городам было невозможно без наличия минимума книг на понятном народу либо болгарском, либо сербском языке. Греческий язык для этих целей не годился. Создать книги на местах было невозможно, ибо неоткуда было взять достаточное число переводчиков и писцов, способных в минимальный срок перевести на русский язык греческие богослужебные тексты и размножить их в большом количестве списков. Сам собой напрашивается вывод, подтверждающий высказывания Н. К. Никольского о целом периоде оживленных русско-славянских культурных связей. К сожалению, авторитет А. А. Шахматова оказался настолько велик, что интересные мысли Н. К. Никольского не получили дальнейшего развития.

Русские летописцы были правы, когда утверждали, что грамотность и книжность наши предки получили из Византии. Распространение книжной культуры и грамотности шло параллельно с утверждением христианства. Ранние связи с западными и дунайскими славянами нельзя ставить ни в какое сравнение с тем культурным влиянием, которое оказала Византия. Но в числе исторических предпосылок блестящего расцвета русской книжности в XI—XII вв. об этих связях забывать никак нельзя.

Среди причин необычайно быстрого распространения грамотности в Древней Руси обычно называют потребность феодализирующегося общества в грамотных людях. Для комплектования столичной и местной администрации действительно нужно было иметь значительное число грамотных людей. Однако высокая образованность вовсе не являлась необходимым условием для замещения административных, хозяйственных и иных должностей. Княжескому тиуну или приказчику феодала для успешного выполнения своих функций вполне хватало простой грамотности и начальных знаний арифметики.

В русской дореволюционной и советской исторической науке много написано о глубоком влиянии Византии на

²⁷ О христианстве на Руси до Владимира I на основании письменных источников писал Е. Е. Голубинский (ЖМНП, 1876, сентябрь, с. 46—48; октябрь, с. 141—149, 163). Археологические раскопки последних лет подтвердили точку зрения Е. Е. Голубинского.

русскую культуру в домонгольское время. Конкретные формы проявления этого влияния в настоящее время изучены довольно подробно. Значительно меньше известны внутренние причины, способствовавшие восприятию этого воздействия. Малоизвестны объективные потребности русского общества тех лет, которые в своей совокупности породили богатую русскую книжность XI—XIII вв.

Расцвет русской книжной культуры в домонгольское время был вызван сложным, исторически обусловленным комплексом предпосылок. В этом комплексе тесно переплелись различные потребности экономического, политического, культурного и иного характера. Остановимся на одном, весьма важном аспекте, который не получил отражения в специальной литературе.

Как известно, одна из особенностей складывания древнерусского раннефеодального государства заключалась в том, что Русь не знала рабовладельческой формации. Классовое феодальное общество на территории Восточной Европы выросло из общинного доклассового строя. Феодализирующаяся племенная верхушка не обладала арсеналом разработанных средств идеологического воздействия, отработанными приемами и методами утверждения своего господства. Старая языческая религия, выросшая в доклассовом обществе, не годилась для освящения новых классовых отношений. В литературе уже много раз отмечалось, что попытка создания пантеона языческих богов, предпринятая Владимиром Святославичем, успехом не увенчалась. Половинчатые мероприятия, направленные на улучшение, упорядочение языческой религии, были заранее обречены на неудачу. Только христианская церковь, как подчеркивал Ф. Энгельс, явилась «... в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции ... феодального строя».²⁸ Имея за своими плечами многовековой опыт угнетения и духовного порабощения трудящихся масс, восточная церковь и византийский государственный аппарат являлись прекрасными образцами для русских феодалов. Один из первых русских епископов Лука Жидята, поставленный Ярославом Мудрым в Новгороде в 1036 г., хорошо уловил и точно выразил социальные функции христианства.

²⁸ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии, — В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 361.

В своих поучениях он неоднократно призывал паству: «Бога се боитесь, а князя чтите».²⁹

Принятие новой веры было для своего времени прогрессивным событием. Оно открыло перед русским обществом широкие возможности ознакомления с достижениями Византии в области культуры. Так называемое крещение Руси в 988 г. не могло сразу превратить языческую страну в христианское государство. Практически это могло означать только официальное провозглашение христианства господствующей религией и запрещение языческих культов. Процесс христианизации миллионов масс разноплеменного населения огромной страны затянулся на долгие годы и протекал далеко не мирно. Христианство распространялось из крупных административных и экономических центров, охватывая сперва русское, затем иноязычное население. На юге христианство утвердилось значительно скорее, чем в лесистых районах севера и северо-востока страны.

В домонгольское время русское православие пережило два достаточно отчетливо прослеживаемых этапа. Первый этап охватывает конец X—начало XI в. Это был период распространения христианства, период его ожесточенной борьбы с язычеством. В те годы, руководствуясь известным указанием из Второзакония Моисея, деятели церкви и государства огнем и мечом прокладывали дорогу новой вере. Разгромив языческий пантеон русских богов, разрушив капища и сокрушив идолов, вырубив священные рощи, православное духовенство все же не смогло выкорчевать у своей новокрещенной паствы остатки языческих верований.

Примерно со второй трети XI в. начался второй этап в истории распространения христианства на Руси. Если сравнительно краткий первый период был временем его юридического утверждения, то длительный второй период был заполнен борьбой за фактическую христианизацию страны. Православным проповедникам относительно быстро удалось заменить скромную обрядовую сторону язычества пышным, тщательно разработанным ритуалом церковного богослужения. Принятие христианства означало глубокие сдвиги в психологии и мышлении древнерусского

²⁹ Макарий, митрополит. История русской церкви, Т. I. Изд. 2. СПб., 1868, с. 279.

человека, было связано с длительными, сложными и мучительными процессами. Языческие верования, связанные тысячами нитей с повседневной хозяйственной деятельностью широких народных масс, оказались чрезвычайно живучими. В ходе борьбы с ними по некоторым пунктам церковь сама была вынуждена уступить.

В результате сложного взаимодействия поверхностно усвоенного православия с остатками язычества появилось совершенно оригинальное синкретическое мировоззрение, которое современники удачно называли «двоеверием».³⁰ Есть все основания утверждать, что в XI—XIII вв. двоеверие получило широкое распространение. Тысячи русских курганов, раскопанных как в дореволюционные, так и в советские годы, дают ценный вещественный материал о характере полужыческих, полухристианских верований широких масс сельского населения Древней Руси.

Интересными памятниками двоеверия являются змеевики, соединившие христианское и языческое начала.³¹ Все исследователи, занимавшиеся змеевиками, единодушно отмечали, что православная церковь не признавала и запрещала их. Но, не имея, видимо, достаточно сил, чтобы полностью изъять змеевики из употребления, церковь пыталась как-то их легализовать путем переосмысления изображения. Хотя происхождение изображений змей не совсем понятно, можно с уверенностью сказать, что восходят они

³⁰ Литература, посвященная древнерусскому язычеству и двоеверию, весьма обширна. Она исчисляется сотнями названий. Из советских исследователей этими темами занимались А. В. Арциховский, Н. Н. Воронин, Б. Д. Греков, Ф. Д. Гуревич, В. И. Довженко, В. Л. Комарович, Н. Ф. Лавров, Д. С. Лихачев, В. В. Мавродин, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов и многие другие исследователи. До 1917 г. были опубликованы работы А. Н. Афанасьева, Д. Н. Анучина, Е. В. Аничкова, К. В. Болсуновского, А. Е. Богдановича, Н. Е. Бранденбурга, Н. М. Гальковского, Е. Г. Кагарова, Н. П. Привалова, И. И. Срезневского, А. С. Уварова, А. С. Фаманцина и др.

³¹ Толстой И. И. О русских амулетах, называемых змеевиками. — Зап. Рус. археол. о-ва, Нов. сер., СПб., 1888, т. III, с. 363—413; Орлов А. Амулеты «змеевики» Исторического музея. — В кн.: Отчеты ГИМ за 1916—1925 гг. М., 1926, Приложение V; Люсичевский В. Некоторые змеевики в собрании художественного отдела ГИМ. — В кн.: Материалы по русскому искусству. Т. I. Художественный отдел ГРМ, Л., 1928, с. 10—21; Динцес Л. А. Изображение змеборца в русском народном шитье. — Сов. этнография, 1948, № 4, с. 36—53.

к языческому времени.³² Характерным памятником двоеверия являются лунницы — одно из распространенных женских украшений домонгольской Руси.³³

Двоеверие распространилось не только среди сельского и низших слоев городского населения. Хотя христианство в первую очередь отражало и защищало интересы феодалов, нельзя утверждать, что в XI—XII вв. и у представителей феодальных верхов невозможно было встретить пережитки языческих верований и обрядов. В. Л. Комарович на обширном материале древнерусских литературных памятников доказал широкое распространение в княжеской среде XI—XIII вв. культа Рода и Земли.³⁴ Работу В. Л. Комаровича, написанную более 30 лет назад, можно дополнить и расширить, включив в систему доказательств большое количество сведений, которые В. Л. Комарович не использовал, а возможно, и не мог тогда знать. Мысль о том, что двоеверие распространялось и на верхи киевского общества, не нова и высказывалась неоднократно задолго до В. Л. Комаровича. Памятники древнерусского прикладного искусства дают веские доказательства, подкрепляющие эту мысль. Золотые змеевики, золотые колты с изображением древа жизни и птиц, золотые и дорогие серебряные лунницы с зернью и сканью никак не могли быть предметами быта малообеспеченных людей.

Автор «Слова некоего христолюбца и ревнителя по правой вере», составление которого Е. Е. Голубинский относил к домонгольскому времени, указывал, что не только «невежи», «но и вежи — попове и книжницы» творили «подобные богомерзкие (языческие, — Б. С.) дела». По мнению Е. В. Аничкова, занимавшегося этим памятником, «Слово некоего христолюбца...» было произнесено с кафедры Софийского собора в Киеве перед собравшимися на богослужение представителями феодальной знати и духо-

³² Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Т. 1. СПб., 1890, с. 41—42.

³³ Гольмстен В. В. Лунницы Российского исторического музея. — Отчет Российского исторического музея в Москве за 1913 г. М., с. 89—106; Журжалина Н. П. Древнерусские привески-амулеты и их датировка. — СА, 1961, № 3, с. 122—140.

³⁴ Комарович В. Л. Культ Рода и Земли в княжеской среде XI—XIII вв. — ТОДРЛ, М.—Л., 1960, т. XVI, с. 94—106.

венства, проживавшими в центральной части древнерусской столицы.³⁵

Другой характерной особенностью указанного периода были взрывы ожесточенной классовой борьбы смердов и горожан против феодалов и церковников. В ответ на становление феодального способа производства по всей стране прокатилась широкая волна восстаний смердов. В XII в. вспыхнули городские восстания, активное участие в которых принимали жители сел и деревень. Подобно всем большим социальным движениям средневековья, восстания смердов и горожан принимали характер религиозной борьбы и были направлены против христианской церкви и ее представителей. В сознании народа успехи христианства всегда связывались с ростом феодальной эксплуатации, и совершенно естественно, что во главе восставших оказались адепты языческой веры — волхвы. Реакционные по форме восстания смердов в защиту старой веры были объективно прогрессивны, так как способствовали развитию общества. Опираясь на военную мощь феодального государства, церковь сурово карала своих врагов. Выступления смердов и горожан, имевшие место в 1024, 1066—1069, 1071, 1088, 1136, 1156, 1157, 1175 и других годах, всегда жестоко подавлялись.³⁶

Церковники прекрасно понимали, что восстания смердов и горожан — это только кульминационные пункты сложной по составу участников и не всегда единой по целям религиозно-политической борьбы. Если волхв в глазах церковников был настолько одиозной фигурой, что казнь его была возможна без суда и следствия, то в отношении лиц, принадлежавших к феодальным верхам, такие методы были неприемлемы. Не годились они и для утверж-

³⁵ Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. — Зап. Историко-филол. фак-та СПб. ун-та, 1914, ч. XII, с. 136—369.

³⁶ Аничков Е. В. Восстание волхвов в XI в. — Труды XIV Археологического съезда в Новгороде, 1911 г. Т. I. М., 1914, раздел II, Протоколы, с. 87; Арциховский А. В., Киселев С. В. К истории восстания смердов 1071 г. — Проблемы истории материальной культуры, Л., 1933, № 7—8, с. 53—54; Арциховский А. В. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. — Проблемы истории докапиталистических обществ, М.—Л., 1934, № 11—12, с. 35—60; Мавродин В. В. К вопросу о восстании смердов. — Там же, № 6, с. 76—83; Воронин Н. Н. Восстание смердов в XI веке. — Ист. журнал, М., 1940, № 2, с. 54—61.

дения в православии огромного большинства населения страны, всех тех, кто формально исповедовал православие, но «отай», ночами, в селах и деревнях, затерянных в бесконечном лесном океане северной и центральной частей страны, продолжал молиться старым языческим богам.

В решительной борьбе с двоеверием феодальное государство и православная церковь широко использовали методы идеологического воздействия. Следует указать на такие документы, как Устав Владимира Святославича, Устав Ярослава Владимировича, Устав новгородского князя Владимира Мстиславича, Уставная грамота Ростислава Мстиславича Смоленской епископии 1150 г., Определения Владимирского собора 1274 г., изложенные в грамоте митрополита Кирилла II, а также другие памятники, в которых имеются соответствующие статьи, сурово карающие за двоеверие. Помимо канонических постановлений, имеющих силу закона, церковь постоянно применяла метод убеждения.

Сохранилось большое количество полемических сочинений, гневно обличавших языческие пережитки и призывавших прихожан укрепиться в вере. В этом отношении интересны поучения и проповеди епископа Кирилла Туровского, владимирского епископа Серапиона, митрополитов Данилы и Иоанна, а также целый ряд других «слов», поучений, богословских сочинений, написанных с большим подъемом и посвященных этой чрезвычайно важной для церкви теме.³⁷

Русским церковникам XI—XII вв. приходилось решать бесконечное количество сложных философских, эстетических, богословских и иных вопросов. В новом свете представляли семейные отношения — взаимоотношения мужа и жены, отцов и детей, жениха и невесты. Церковь настой-

³⁷ РИБ. Т. VI. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI—XV вв. Изд. 2. СПб., 1908, № 1, 2, 6—8 и др.; Гальковский Я. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. II. Сборник поучений. — Зап. Моск. археол. ин-та, т. XVIII, М., 1913; т. I, Харьков, 1916; Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. — Зап. историко-филол. фак-та, СПб. ун-та, ч. CXII, СПб., 1913; Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. Т. II. М., 1868, с. 207, 208, 250—252; т. III, М., 1869, с. 600—605; Пономарев А. Памятники древнерусской церковноучительской литературы. Вып. III. СПб., 1897, и др.

чиво и упорно проникала во все поры личной и общественной жизни человека. Она подчиняла своему влиянию весь уклад, весь путь христианина от рождения до гробовой доски. Решать эти разнообразные, встающие на каждом шагу вопросы нужно было в строгом соответствии с указаниями апостолов и отцов церкви.

В отличие от «неупорядоченных», примитивных представлений и обрядов язычества и двоеверия, христианство с его сложной системой идеалистического мировоззрения и детально разработанным ритуалом богослужения не могло существовать без письменности и высокой книжной культуры. В силу этих причин почитание и распространение книг, преимущественно религиозного содержания, рассматривалось современниками как подвиг во имя церкви.³⁸ Знание христианской литературы представлялось высшей добродетелью, а «книжный человек» — носитель высокой средневековой учености — ценился весьма высоко.

Правда, церковь скоро вынуждена была понять, что книга не всегда несет только христианскую добродетель. Верхи православной церкви начинают все более активно влиять на формирование интересов читателя. Зародыши религиозной цензуры прослеживаются уже со второй половины XI в. В «Изборнике» Святослава 1073 г.³⁹ находится перевод индекса болгарского царя Симеона (X в.), представляющий собой первый на Руси список рекомендованной и запрещенной литературы. Церковь не только распространяла списки запрещенных книг,⁴⁰ она настойчиво призывала к исполнению своих предписаний. Киевский митрополит Кирилл (XIII в.) патетически восклицал в одном из своих поучений: «Ложных же книг не почитайте!».

Итак, в середине XI в. на Руси имел место феномен, размеры и значение которого трудно понять и по достоинству оценить людям второй половины XX столетия.

Объяснение этого феномена следует искать в целенаправленном взаимодействии многих исторически обуслов-

³⁸ Порфирьев И. Я. Списывание книг в древние времена России. — Православный собеседник, 1862, ч. 1, Казань, с. 131—171, 350—368.

³⁹ ГИМ, Син. № 31д.

⁴⁰ Пыпин А. Для объяснения статьи о ложных книгах. — Летопись занятий археогр. комиссии, 1861, вып. 1, с. 31—32.

ленных причин — экономических, политических, культурных, религиозных и ряда иных.

Среди исторических предпосылок зарождения и развития древнерусской книжности следует отметить еще одну, на которую до сих пор не обращали внимания. Борьба раннего феодального государства с двоеверием в основе являлась классовой борьбой и носила для своего времени прогрессивный характер. В сложных и напряженных религиозных конфликтах, идеологических и политических столкновениях внутри русского общества XI—XIII вв. книга превращалась в острое оружие. «Истинная» книга умело использовалась растущим классом феодалов для утверждения своего господства. В связи с этим распространение и почитание ортодоксальной книги стало одной из главнейших задач русской церкви и великокняжеской власти. Этим в значительной мере объясняется блестящий расцвет русской книжной культуры в домонгольское время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате татаро-монгольского нашествия, а также других войн и иных причин погибли огромные культурные ценности, и в том числе рукописные книги XI—XIII вв. Вследствие этого подлинный, высокий уровень древнерусской книжной культуры в настоящее время восстановить в полном объеме весьма трудно. По-видимому, до наших дней дошли лишь доли процента былых книжных богатств Древней Руси.

Имеется достаточно оснований полагать, что книжный фонд Древней Руси достигал порядка полутора-двух тысяч томов при весьма разнообразном репертуаре, который исчислялся сотнями названий.

Что касается себестоимости и цены книг, то средняя по оформлению рукописная книга XI—XIII столетий, вероятно, стоила несколько гривен. Для своего времени это была весьма крупная сумма. Относительно высокая цена рукописей обусловила социальную среду их бытования. Светские и духовные феодалы, церкви и монастыри, верхи городского посада, представители средневековой учености — вот те круги, где книга получила, по масштабам раннего средневековья, широкое распространение.

Древнерусская книга занимала значительное место в системе международных культурных связей России XI—XIII вв. Именно благодаря книжным обменам и поступающим с ними потоком информации Русь заняла достойное место среди стран европейского культурного региона.

В минимально короткий в исторических масштабах срок, в течение жизни двух поколений, Русь из страны, не

имевшей до этого своей письменности, смогла превратиться в равноправного партнера ведущих в культурном отношении государств Европы и Ближнего Востока. Исключительные успехи древнерусской книжности были достигнуты в результате целенаправленной государственной политики в области культуры, которая отражала объективные потребности русского общества той отдаленной эпохи. С момента своего появления на Руси книга стала острым оружием идеологической борьбы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ	— Акты исторические
АН СССР	— Академия наук СССР
БАН	— Библиотека Академии наук СССР (Ленинград)
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры, ныне Институт археологии АН СССР
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва)
ГИМ	— Государственный Исторический музей (Москва)
Гильф.	— Собрание А. Ф. Гильфердинга, ГПБ
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград)
Григоров.	— Собрание В. И. Григоровича, ГБЛ
ГРМ	— Государственный Русский музей (Ленинград)
ГЭ	— Государственный Эрмитаж (Ленинград)
ДАИ	— Дополнения к актам историческим
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград)
КСИИМК	— Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Муз.	— Музейное собрание ГБЛ и ГИМ
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности
ОР	— Отдел рукописей
ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности Академии наук
ПВА	— Повесть временных лет
ПДПИ	— Памятники древней письменности и искусства
ПДРЛ	— Памятники древнерусской литературы
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РАН	— Российская Академия наук

- РИБ — Русская историческая библиотека
 РИМ — Российский Исторический музей, ныне ГИМ
 Румян. — Собрание Н. П. Румянцева, ГБЛ
 СА — Советская археология
 Син. — Синодальное собрание ГИМ
 Соф. — Софийское собрание ГПБ
 ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы
 ИРЛИ АН СССР
 ЦБАН Лит. ССР — Центральная библиотека Академии наук Литовской ССР
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

УКАЗАТЕЛЬ ЗАГЛАВИЙ
ДРЕВНЕРУССКИХ КНИГ

- Апостол, 1220 г. 102, 112, 131
 Апостол, 1307 г. 127
 Архангельское евангелие, 1092 г.
 64, 91, 93, 94, 97, 99, 100, 105
- Богословие Иоанна Дамаскина,
 кон. XII—нач. XIII в. 181
- Врачинское евангелие, XIII в.
 189
- Выголексинский сборник, кон.
 XII в. 128
- Галицкое евангелие, 1143 г. 111,
 128
- Диоптра инока Филиппа, 1388 г.
 159, 170
- Добрилово (Симеоновское) еван-
 гелие, 1164 г. 64, 91, 123, 128
- Евангелие, XII в. 128
 Евангелие, 1279 г. 35, 127
 Евангелие, 1301 г. 35
 Евангелие, 1383 г. 170
- Евангелие Ундольского (отры-
 вок) 64
- Евгеньевская псалтирь толковая,
 XI в. 135
- Ефремовская кормчая, нач. XII в.
 91, 94
- Житие Иоанна Богослова, XII в.
 143
- Житие Нифонта, 1219 г. (1222?)
 91, 93, 94, 112, 131
- Житие Феклы, XI в. 181
- Златоструй, XII в. 181
- Изборник Святослава 1073 г.
 26, 27, 85, 122, 144, 219
- Изборник Святослава 1076 г.
 122, 144, 148, 149
- Иоанн Златоуст, XI в. 181
- Кирилла Иерусалимского огласи-
 тельное поучение, кон. XI в.
 91
- Кодекс Гертруды (Трирская
 псалтирь Эгберта) 177, 178
- Кондакарь, кон. XII в. 91
- Кондакарь, кон. XII—нач. XIII
 в. 91, 93
- Лаврентьевская летопись, 1377 г.
 17, 19, 66, 102, 103, 131, 133,
 137, 140, 142, 147, 150, 152,
 185, 204
- Лествица Иоанна Лествичника,
 сер. XII в. 91, 93, 94, 181
- Лествица Иоанна Лествичника,
 1387 г. 170
- Миня служебная, сентябрь,
 1095—1096 гг. 111, 112
- Миня служебная, октябрь,
 1096 г. 111, 112
- Миня служебная, апрель, XII в.
 112
- Миня служебная, июль, XII в.
 112
- Миня служебная, август, XII в.
 112
- Милятино евангелие, 1188 г.
 (1215, 1230?) 64, 112, 125
- Мстиславово евангелие. нач.
 XII в. 64, 84, 123, 124

- Новгородское евангелие (отрывок) 64
- Новый завет, 1355 г. (евангелие новгородское) 170
- Остромирово евангелие, 1056—1057 гг. 64, 85, 102, 124, 144, 176, 177, 186, 211
- Пандекты Никона Черногорца, XII в. 181
- Пантелеймоново евангелие, XII—XIII вв. 111
- Паремийник, кон. XII—нач. XIII в. 71, 143
- Паремийник, 1271 г. 126, 127
- Патерик Синайский, кон. XI в. 91
- Поучение Ефрема Сирина, XI в. 181
- Поучение Кирилла Иерусалимского, XI в. 180, 181
- Поучение огласительное Кирилла, архиепископа Иерусалимского, кон. XI—нач. XII в. 181
- Пролог, сентябрь—февраль, XII—нач. XIII в. 188
- Псалтирь толковая, XI в. 135
- Псалтирь толковая Погодинская, XII в. 130
- Псалтирь, 1212—1213 гг. 35
- Псалтирь, 1296 г. 111
- Пуятина минея, май, ок. 1100 г. 124
- Пчела, 1199 г. 150
- Рязанская кормчая, 1284 г. 102, 115, 123
- Саввина триодь (Саввина книга), X—XIV вв. 124
- Сборник слов Геннадия, архиепископа Константинопольского, XII в. 181
- Слепчинский апостол, XII в. 99
- Слово о вере из пандектов Антия Черноризца, XI—XII вв. 181
- Слова и поучения Иоанна Златоуста, XIII в. 143
- Служба Дмитрию Солунскому, XII—XIII вв. 143
- Служебник, XI в. 69
- Служебник, XI—XII вв. 143
- Служебник Антония Римлянина 65
- Служебник Варлаама Хутынского, кон. XII в. 65, 69, 70
- Скевское евангелие, 1197 г. 182
- Софийское евангелие, XIV в. 101
- Стихирарь, 1156—1163 гг. 124
- Стихирарь, XII в. 91, 97, 98, 105, 111, 112
- Стихирарь, XII—XIII вв. 112
- Стословец Геннадия, XII в. 181
- Студийский (Типографский устав), XI—XII вв. 165
- Студийский (Синодальный) устав, кон. XI—нач. XIII в. 65
- Тактикон Никона Черноризца, 1397 г. 103
- Типографское евангелие, кон. XII—нач. XIII в. 64, 128
- Толкование Ипполита, папы Римского, XII в. 181
- Толстовская псалтирь толковая, XI—XII вв. 130
- Требник, XI в. 70, 143
- Требник, XIII в. 70
- Требник, кон. XIII в. 70
- Требник, XIV в. 70
- Трефолой, 1260 г. 111
- Триодь цветная, XII в. 143
- Триодь постная, 1311 г. 126
- Туровское евангелие, IX в. 64
- Устав монастырский церковного служения, XII в. 67, 78
- Устав Федора Студита, кон. XII в. 67, 181
- Университетское евангелие, XII—XIII вв. 132
- Фрейзингенские отрывки, XI в. 186, 187
- Хождение Богородицы по мукам, XII—XIII вв. 181
- Чудовская псалтирь, XI в. 191
- Шестоднев Иоанна, экзарха Болгарского, 1263 г. 143
- Юрьевское евангелие, нач. XII в. 64, 122, 123

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН АВТОРОВ, ВЛАДЕЛЬЦЕВ,
ЗАКАЗЧИКОВ И ПЕРЕПИСЧИКОВ КНИГ

- Авраамий Ростовский 131
Авраамий Смоленский 130, 139, 157
Алекса, сын попа Лазаря 64, 84, 85, 113
Александр Ярославич Невский 64, 84, 85, 113, 133
Алекса, писец Жития св. Нифонта 112, 131, 144
Алексей, епископ Владимирский 170
Алексей, архиепископ Новгородский 114
Андрей Георгиевич (Юрьевич) Боголюбский, князь 66, 133, 142, 185
Андрей, игумен Новгородского Антониева монастыря 156
Анна Ярославна, королева Франции 184
Антоний (Добрыня Андрейкович), епископ Новгородский 157, 169
Антоний, игумен и основатель Киевского Печерского монастыря 66, 139, 155, 157, 166, 168
Антоний Римлянин, игумен Новгородского Антониева монастыря 65, 125, 157, 176
Борис Святославич, князь 188
Варлаамий Хутынский, игумен Новгородского Хутынского монастыря 65, 157, 168
Василий, автор повести об ослеплении Василька Теробовльского 156
Верхуслава (Анастасия), княгиня 145
Владимир Василькович (Васильевич) князь Владимиро-Волынский 69, 72, 73, 76, 89, 99, 118, 128, 147, 152, 180
Владимир Всеволодович Мономах 107, 133, 148, 152, 156, 169, 179, 183, 188
Владимир I Святославич 50, 57, 62, 66, 128, 143, 151, 155, 213, 218
Владимир Ярославич, князь новгородский 159
Всеволод (Гавриил) Мстиславич, князь новгородский 73, 74, 75, 122
Всеволод Ярославич, великий князь киевский 169
Геннадий, архиепископ Новгородский 74, 135, 194, 196
Георгий, митрополит Киевский 155, 156
Георгий, сын попов, писец 113
Гертруда, жена князя Изяслава Ярославича 145, 177
Григорий, дьякон, писец Остромирова евангелия 64, 102, 113, 143, 146, 147, 177, 211
Григорий, монах Киевского Печерского монастыря, писатель 121, 155
Григорий, писец (до 1096 г.) 113
Григорий, монах Киевского Печерского монастыря 106, 138

- Григорий, епископ, игумен Киевского Печерского монастыря 156
- Гуевич Здеслав (Климент), боярин 139
- Давид, дьякон, писец 113
- Даниил Заточник 8, 80, 143, 156
- Даниил, митрополит Киевский 218
- Даниил Романович Галицкий 118, 183, 184
- Даниил, игумен 156, 168
- Демка, писец 112
- Демка, «поп у св. Лазаря» 64, 112, 113, 125
- Добрило, писец на Афоне 170
- Доментиан, сербский монах 190
- Досифей, архимандрит Киевского Печерского монастыря, писатель 122, 157
- Ефрем, епископ Переяславский 155
- Ефрем, инок, автор жития Авраамия Смоленского 157
- Ефрем, инок Киевского Печерского монастыря, писец 159
- Евфросинья, княжна полоцкая 130, 145, 158, 168
- Жадан, золотописец 85, 113
- Завид, писец 64, 113
- Захарий, поп, писец 126
- Захарий, писец 111, 113
- Иаков (Яков) черноризец киевский, писатель 121, 156
- Иван IV Васильевич, царь 124
- Иван, писец на Афоне 170
- Изяслав I Ярославич 177
- Иларион, митрополит Киевский 146, 152, 154, 155, 156, 159, 179, 208
- Илья, архиепископ Новгородский 156
- Илья, «бывший попин», писец 113
- Иоаким, епископ Новгородский 156
- Иоанн I, митрополит Киевский 155
- Иоанн II, митрополит Киевский 152, 155, 156, 190
- Иоанн, дьякон, писец «Изборника» 1073 г. 115, 144
- Иоанн, писец «Изборника» 1076 г. 102
- Иоанн, поп, писец 113
- Иоанн, писец 113
- Иоанн, писец 112, 133
- Иоанн Драгослав, болгарский каллиграф 171
- Иов «худой, грешный» 113
- Иосиф Волоцкий 100
- Иосиф, епископ Рязанский 123
- Карл IV, император 161
- Карл Лысый, король 161
- Киприан, митрополит Московский 170
- Кирик, священник новгородский, автор «Вопрошаний» 156, 159, 170
- Кирик, дьякон и domestik Новгородского Антониева монастыря, автор «Учения о числах» 125
- Кирилл, епископ Туровский 8, 138, 151, 156, 190, 208, 218
- Кирилл, печатник князя Даниила Галицкого 119
- Кирилл I, епископ Ростовский 112, 131, 132
- Кирилл II, епископ Ростовский 133, 157
- Кирилл I, митрополит Киевский 61, 152
- Кирилл II, митрополит Киевский 17, 57, 219
- Климент Смолятич, митрополит Киевский 129, 152, 156, 159, 208
- Константин Всеволодович, князь ростовский 113, 133, 152
- Константин (Добрило), дьяк, писец 64, 113
- Константин, писец 113
- Кюрик, писец 113
- Лаврентий затворник, монах Киевского Печерского монастыря 136
- Лаврентий (Лавр), писец 112, 113

- Лаврентий, новгородский писец 126
- Ларион (Иларион), печерский монах, писец 120
- Лаврентий, летописец 110, 140
- Ларион, митрополит Киевский (см. Иларион)
- Леон (Лев), митрополит Киевский 155
- Леонтий Ростовский 155
- Леукин, «раб божий», писец 113
- Лотша, Георгий, «сын попов» 113
- Лука Жидята, епископ Новгородский 155, 156, 213
- Михаил Тешинец, писец 111, 113
- Марина, княжна 111
- Матвей Парижский, хронист 179
- Матвей, писец 112, 113, 125
- Моисей Киянин, писец 113, 123
- Моисей, игумен Киевского Михайловского монастыря 157
- Моисей, архиепископ Новгородский 114
- Милятин Лукинч 64, 112
- Михаил, писец 113
- Михаил чернец 67
- Михайло, писец 132
- Мичка, писец 113
- Мстислав Владимирович, князь Новгородский 54, 64, 84, 144
- Наслав 64
- Нестор, летописец, черноризец киевский 65, 122, 152, 154, 155, 156, 157, 167, 188, 208
- Никита затворник, монах печерский 137, 180
- Никита Новгородец 66
- Никифор, митрополит Киевский 156
- Николай Святоша, монах печерский 138, 159
- Никон, патриарх 161
- Никон Великий, монах печерский, переплетчик 120
- Нифонт, епископ Новгородский 125
- Оксентий, писец новгородский 125
- Ольберт Гемблу, игумен 160
- Онуфрий, сын попа Захария, писец 113, 126
- Остромир (Иосиф), посадник новгородский 64, 85, 102, 144, 146, 177
- Офрем, писец 91, 113
- Пахомий, епископ Ростовский 131
- Петр, пресвитер, писец 113
- Пипин Короткий, король 161
- Поликарп, монах, один из авторов Патерика 121, 122, 136, 137, 145, 157, 169
- Путьята, писец 113
- Роудирехт, монах, писец Кодекса Гертруды 178
- Савва, болгарский архиепископ 189
- Савва «попин» («мирски Гредин»), писец 113
- Святослав Игоревич, великий князь киевский 119
- Святослав Ярославич, великий князь киевский 26, 85, 144
- Серапион, игумен Киевского Печерского монастыря, затем епископ Владимирский 8, 157, 217
- Сильвестр, игумен Выдубецкого монастыря, затем епископ Переяславский 113, 122, 156, 157
- Симеон, епископ Тверской 157
- Симеон, поп, писец 64
- Симон, епископ Владимирский, один из авторов Патерика 122, 137, 138, 157, 167
- Суханов Арсений, московский иеромонах 161
- Творимир, Яков, пономарь, писец 113
- Тимофей, пономарь, писец 113
- Тимофей, писатель в Галиче 118
- Тримберг, фон, Гуго 160
- Титмар Мерзебургский 50, 62
- Упырь Лихой, поп, писец 107, 111, 113, 146, 159, 211

Федор, писец князя Владимира
Васильевича 118
Федор, писец 113
Федор Угринец, писец 64
Феодосий, игумен Печерский 8,
48, 66, 121, 135—139, 155,
156, 167, 168, 190, 208
Феодосий, митрополит Киевский
156
Феофана, жена посадника Ост-
ромира 146
Фома, пресвитер 159

Янка (Анна Всеволодовна), дочь
Всеволода Ярославича 152, 168
Яков, мних черниговский 155
Яков или Творимир, пономарь,
писец 112
Ярослав Владимирович, князь
Галицкий (Осмомысл) 152
Ярослав Владимирович Мудрый,
великий князь киевский 51,
52, 66, 104, 107, 128, 139,
140, 141, 143, 152, 172, 213,
218

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	9
Глава I. О сохранности древнерусских книг	16
Глава II. Гипотетическое восстановление возможного количества древнерусских книг XI—XIII вв.	30
Глава III. Производство рукописных книг, их цена и стоимость в XI—XIII вв.	84
Глава IV. Книга в быту домонгольской Руси	110
Глава V. Книга в международных культурных связях Руси XI—XIII вв.	163
Глава VI. Некоторые исторические предпосылки возникновения и развития древнерусской книжности	193
Заключение	221
Список сокращений	222
Указатель заглавий древнерусских книг	225
Указатель имен авторов, владельцев, заказчиков и переписчиков книг	227

Борис Викторович Сапунов
КНИГА В РОССИИ В XI—XIII вв.

Утверждено к печати
Ученым советом Библиотеки
Академии наук СССР

Редактор издательства *И. П. Палкина*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *М. Н. Кондратьева*
Корректоры *Н. Э. Петрова* и *Г. И. Суворова*

ИБ № 8563

Сдано в набор 29.03.78. Подписано к печати 11.12.78.
М-31936. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1.
Гарнитура академическая. Печать высокая. Печ. л.
7^{1/4} + 4 вкл. (1/4 печ. л.) = 12.60 усл. печ. л. Уч.-изд.
л. 13.48. Тираж 9600. Изд. № 6796. Тип. вак. 275.
Цена 1 р.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12